

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

В.Н.Накаряков

СЕМИДЕСЯТЫЙ МЕРИДИАН

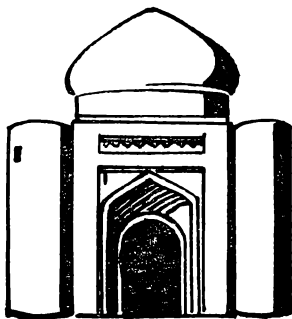

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. Н. Накаряков

СЕМИДЕСЯТЫЙ МЕРИДИАН

Пакистанские
очерки и репортажи

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

Редакционная коллегия

*К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), А. Б. ДАВИДСОН,
Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ, Н. А. СИМОНИЯ*

Ответственный редактор

Ю. В. ГАНКОВСКИЙ

Фото автора

Пакаряков В. П.

И21 Семидесятый меридиан. Пакистанские очерки и репортажи. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.

272 с. с илл. («Путешествия по странам Востока»)

«Семидесятый меридиан» — книга о современном Пакистане. В. Пакаряков несколько лет работал в стране собственным корреспондентом газеты «Известия» и был очевидцем бурных событий, происходивших в Пакистане в конце 60-х — начале 70-х годов. В очерках он рассказывает о путешествиях, встречах с людьми, исторических памятниках, традициях. Репортажи повествуют о политической жизни страны.

И 20901—047 99—73
И 013(02)—75

91 (И5)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.

ЗА ГИМАЛАЯМИ

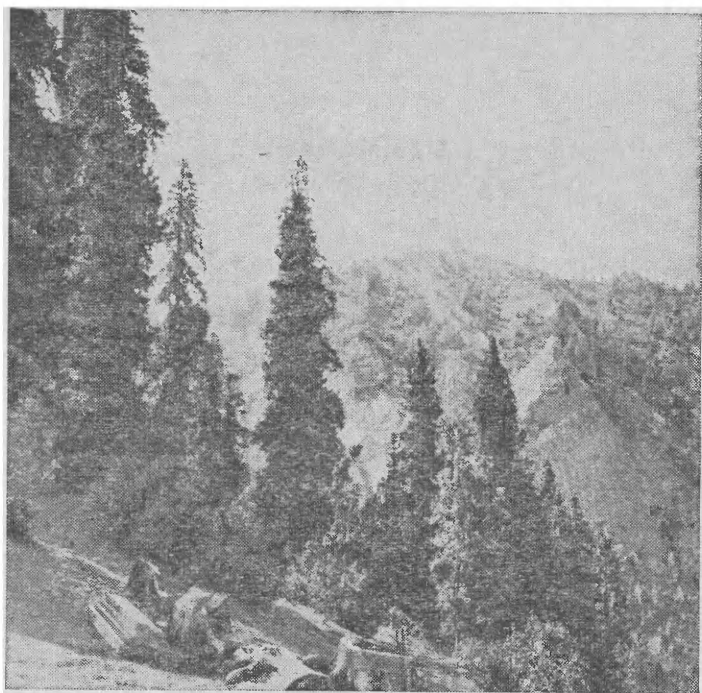
Впервые мне довелось побывать в Пакистане в августе 1965 г., в самый канун 17-дневной войны с Индией. Серьезно знакомиться с Пакистаном я начал за несколько месяцев до своей поездки. Литература о стране оказалась небогатой: научные монографии и справочники давали фактический материал, а о жизни страны рассказывали редкие репортажи и немногие переводные художественные произведения.

Командировка началась с Кабула, где мне нужно было получить интервью у одного из государственных деятелей Афганистана.

После нескольких дней, ушедших на организационные хлопоты, вместе с корреспондентом ТАСС Алексеем Истровым мы провели интервью и передали его телеграфом в «Известия». Задание было выполнено. По разрешению редакции я мог, получив предварительную пакистанскую визу, продолжить путь в Пакистан, до которого от Кабула — рукой подать.

Формальности не отняли много времени. Любезный второй секретарь посольства в Кабуле сразу поставил в моем паспорте штамп. Удалось договориться при этом, что до Карачи я полечу не торопясь, с остановками на один-два дня в Пешаваре, Равалпинди и Лахоре. Место в самолете было забронировано на 6 августа.

Казалось, все складывалось превосходно. Но вдруг в посольстве раздался звонок и дежурный пригласил меня к телефону. Пакистанский дипломат, выдавший мне визу, извинился и сказал, что план моей поездки меняется: я могу лететь только до Карачи, без всяких задержек в пути. Его голос показался мне встревоженным.

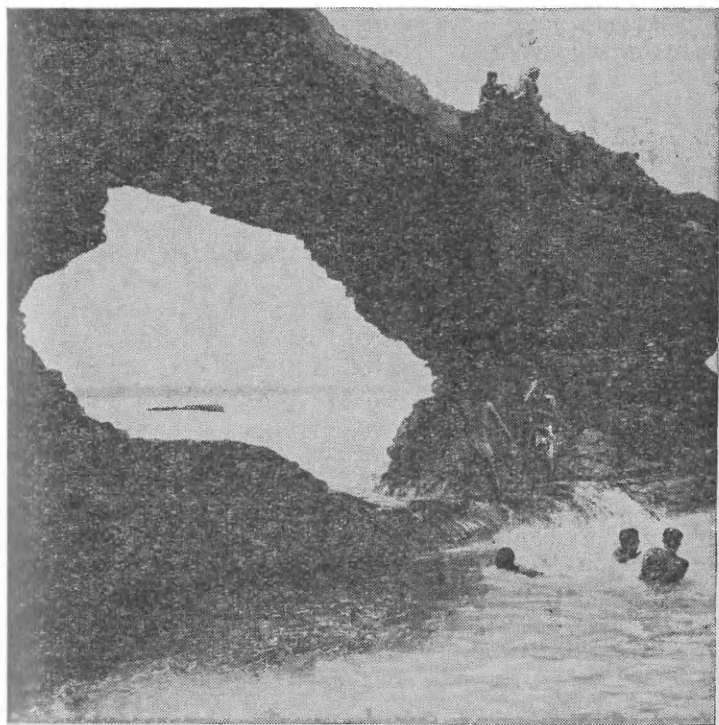

От Гималаев до Аравийского моря раскинулась территория Пакистана

— Прямо в Карачи, сэр. Это все, что я могу вам сказать,— твердо заявил он, когда я начал было «выяснять отношения».

Причина изменения маршрута стала ясной позже. На севере было беспокойно. Очередной конфликт с Индией разгорался. Через несколько месяцев в Ташкентской декларации было объявлено об отводе войск Пакистана и Индии на позиции, которые они занимали до 5 августа 1965 г. Именно в этот день происходили мои переговоры с пакистанским посольством в Кабуле.

Таким образом, на этот раз я вынужден был любоваться пейзажами с высоты полета рейсового «Трайден-та», а видами городов — из транзитных залов аэропортов. Самолет повторял в воздухе путь древних караванов.

За этим природным гротом начинается Индийский океан

нов. Миновав Хайберский проход, он летел над «главной улицей Азии». Перед афгано-пакистанской границей наш самолет пересек 70-й меридиан. Мы спускались по нему от самого Ташкента, а теперь он пересечет все пакистанские провинции.

Времени в полете было более чем достаточно. Мысли невольно возвращались в далекое и близкое прошлое. Когда-то мне пришлось летать над островом Белым, где, словно вынырнув из глубин студеного моря, 70-й меридиан начинает путь по земле сибирской, через пески пустыни, а затем пронзает каменные громады Памира и Гиндукуша. Скоро ему предстоит преодолеть просторы Индийского океана. Там, кроме затерянных островов и

коралловых рифов, он не встретит суши до самого ледового континента Антарктиды. Меридиан врежется в него в районе Земли Эндерби, где на моей памяти закладывалась научная станция «Молодежная».

Долгие годы, до избрания стези журналиста-международника, моим любимым жанром был репортаж. Беспокойная судьба дала возможность участвовать в дальних перелетах, проплыть на дрейфующей льдине станции «Северный полюс-9», побывать в Антарктиде. Бывал я и во многих странах, но в большинстве из них не пришлось жить подолгу, удавалось окидывать их лишь беглым взглядом.

Говорят, что первое впечатление — самое яркое. Действительно, увиденное впервые прочно оседает в памяти, но при этом многое берешь на веру, полагаясь больше на зрительные ощущения, которые и стремишься точнее передать читателю. Когда же работаешь в чужой стране несколько лет, обильная информация о ней заставляет строже подходить к отбору фактов, нередко отказываться от описания отдельных блестящих деталей...

На этом мои досужие размышления прервал голос стюардессы, объявившей по самолетному радио о посадке в Карачи. Выйдя на поле, я окунулся в горячий, обволакивающий, липкий воздух, расплавивший недавние воспоминания о снежных просторах.

Такси — черная коробочка с желтой крышей — долго рыскало в кварталах Шахи-е-Миллат, где мне нужно было отыскать дом советского консула. Шоферу я сказал, что прилетел из Москвы. Время от времени он бросал на меня изучающие взгляды: впервые видел русского. Он взял бумажку с адресом и подошел к двум молодым людям в белых рубашках.

После короткого объяснения оба подошли к машине и один из них очень правильно сказал по-русски:

— Здравствуйте! Как поживаете?

Для меня это прозвучало настолько неожиданно, что я пробормотал в ответ нечто вроде:

— Спасибо... Ничего... А как вы?

Оказалось, что Хумаюн и Султан второй год занимаются на курсах русского языка при нашем «Доме дружбы». Таким образом удалось быстро найти нужный адрес и решить все проблемы.

Прошли годы, за спиной осталось почти четыре года

работы в Пакистане, пережившем за это время бурные события, и все же первая встреча особенно отчетливо врезалась в память. Она в какой-то степени определила мое отношение к пакистанцам. Во всяком случае в трудные минуты я не раз вспоминал о ней.

Начались будни. Хотелось как можно больше увидеть, разобраться в сложной обстановке, встретиться с людьми, побывать в редакциях местных газет, сделать снимки. В те дни мне здорово помогли наши ребята, работавшие в Карачи. С многими из них мы дружны до сих пор.

В то время правительство страны начало отход от односторонней ориентации на Запад и развитие отношений с социалистическими странами. Все резче и решительнее звучали голоса, требующие выхода Пакистана из блоков СЕНТО и СЕАТО.

Экономисты не случайно напоминали, что империалистические страны непрерывно снижают цены на пакистанское сырье и повышают их на металл, машины и оборудование. Газета «Лидер», с владельцем и издателем которой Фахр Матри я познакомился, писала в те дни: «Только за шесть месяцев от коммерческих сделок с империалистическими странами Пакистан потерял 800 млн. рупий, а от торговли с социалистическими государствами получил 200 млн. рупий прибыли».

Ведущая газета «Доон» и ее редактор Джамиль Ансари так оценивали сотрудничество с Советским Союзом: «Советская экономическая помощь значительно отличается от помощи многих других, в частности западных, стран. Она имеет, кроме того, просветительное значение для большинства развивающихся стран». «Доон» подчеркивала при этом, что «путь, по которому пошли русские, добываясь выполнения задачи строительства прочной промышленной базы в удивительно короткие сроки, многому учит тех, кто пытается освободиться от тисков вековой нищеты».

Подобные мнения можно было услышать в порту, среди пакистанцев-нефтяников, работавших рука об руку с нашими геологами, и в деловом центре Карачи. Любопытно отметить, что все корреспонденции, переданные тогда в «Известия», были перепечатаны многими пакистанскими газетами.

Одновременно газеты печатали вызывающие тревогу

сообщения о вооруженных столкновениях в Кашмире. Пакистанская сторона представляла происходящее как партизанское движение, индийская — писала о проникновении специально подготовленных вооруженных отрядов с территории Пакистана. Положение становилось все опаснее, и вскоре телеграммы из Кашмира стали напоминать военные сводки.

За год с небольшим до описываемых событий из мечети Хазар Бал в Сринагаре была украдена священная реликвия — волос из бороды пророка Мухаммада. Это привело к новым вспышкам вражды между мусульманской и индуистской общинами на всей территории Индии. Атмосфера накалялась, и было ясно, что определенные политические круги в обеих странах субконтинента не преминут воспользоваться созданным положением.

В один из дней представитель Аэрофлота А. Ивлюшев, с которым мы нашли множество общих знакомых по авиации, сказал, что мне пора лететь домой. Другого рейса может не быть долго. Ночью меня втиснули в транзитный «ИЛ-18», летящий в Москву из Джакарты с посадкой в Карачи. Ивлюшев оказался прав. Этот рейс был последним перед семнадцатидневной войной...

Следующую встречу с Пакистаном можно назвать заочной. Она состоялась в Ташкенте. Утром 1 января 1966 г. специальным самолетом вместе с другом и коллегой Юрием Поповым, незадолго до того возвратившимся из Дели, мы вылетели из Внукова для освещения работы исторической Ташкентской конференции.

О напряженных днях работы конференции, ее огромном успехе и драматическом финале — неожиданной смерти премьер-министра Индии Лала Бахадура Шастри — мы рассказывали в своих ежедневных сообщениях.

Кроме того, дни конференции были для нас днями встреч со старыми знакомыми и приобретения новых. Обстановка сложилась острая. Искренность и доброжелательность одной группы журналистов столкнулись с осторожным скептицизмом, а порой и с открытым подстрекательством представителей западной прессы, слетевшихся в Ташкент, где, по их выражению, «пахло сенсацией». Впервые в истории мировой дипломатии Советский Союз предложил двум странам добрые услуги, предоставив возможность их лидерам сесть в столице Узбе-

кистапа за стол переговоров для мирного разрешения спорных вопросов.

В любой час суток в наш номер в гостинице «Ташкент» могли приходиться гости — наши и иностранные. Если один стучал в это время на машинке, у второго всегда находилось время уделить им внимание. Нередко возникали споры, излагались прямо противоположные точки зрения, высказывались различные прогнозы, но это ни разу не приводило к конфликту. С самого начала сохранилось лишь одно кардинальное различие во взглядах: большинство западных корреспондентов предрекали провал конференции, а мы, вместе с индийскими и пакистанскими коллегами, верили в ее успех.

И еще одна встреча с Пакистаном в апреле 1968 г. во время визита Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, посетившего Равалпинди, Исламабад, Лахор и Карачи.

Незадолго до этого я получил предложение поехать в Пакистан на постоянную корреспондентскую работу, поэтому даже короткий предварительный визит был очень важен для ознакомления с обстановкой на месте.

Через два с половиной месяца мой предшественник Василий Кондрашов встретил меня у трапа самолета традиционным приветствием: «Добро пожаловать в Карачи!»

Начались до предела насыщенные и несколько сумбурные дни. Рассказывать о них подробно — значит повторять то, что уже не раз описано во многих книгах о работе зарубежных корреспондентов. Поэтому постараюсь быть предельно кратким. Прежде всего было необходимо представиться пакистанским властям. Шефство над всеми иностранными корреспондентами в Пакистане возложено на департамент прессы. Его начальник в Карачи — обходительный и интеллигентный Халим Али принял мои «верительные грамоты» на аккредитацию и выдал взамен серенькую пресс-карту, которая стала моим основным документом, а затем познакомил с небритым чиновником Абдул Масджидом, сказав, что к нему я могу обращаться с любым вопросом в любое время.

Василий Кондрашов был избран президентом Ассоциации иностранных журналистов. Положение обязывало, и поэтому был устроен прием в честь его проводов

и моего прибытия. Это позволило познакомиться сразу со всеми представителями ведущих телеграфных агентств и газетных концернов.

Первым пришел Ник Мур от Рейтера — молодой, немного небрежный в отношении собственной внешности, но в общем приятный рубаха-парень. Он — англичанин, выросший в Кении, убежденный холостяк. Его друг из ЮПИ Лэмми Макпинна, в отличие от Ника, всегда подтянут, аккуратно причесан. Каждое его движение выверено, и одет он всегда даже слишком протокольно. Как это часто бывает в Азии, национальность Макпинны определить сложно: в нем течет английская, португальская, китайская и тайская кровь.

Корреспондент Франс Пресс Жак Лямур пришел с женой — шумной блондинкой, сразу поставившей ультимативное условие: «Никакой политики, джентльмены!». Невысокого роста, подвижный, с сединой в шевелюре и тонкими усиками, Жак являл собой эталон француза. Впоследствии мы подружились, и Жак оказался хорошим товарищем.

Два журналиста из ФРГ по профилю работы были меньше связаны с нами. Герд Лампель занимался телевидением, Вольф Штрек — экономикой. Последний к тому же был всецело поглощен своей молодой и симпатичной женой Хайди.

Прием проводился в садике возле дома и был организован по-холостяцки. Мы предложили гостям превосходную русскую сельдь, семгу и вареную колбасу, благополучно довезенную из Москвы. Сэндвичи каждый делал самостоятельно. Затем подоспел и пашлык, который жарили в уголке сада два наших приятеля. После первого тоста я был единогласно принят в члены ассоциации.

Впоследствии участники этого маленького прессклуба встречались раз в неделю, по пятницам, в час дня в одном из намеченных заранее отелей. Приходили все, кто не был занят. Ритуал был весьма демократичен. Выпив в баре в качестве аперитива один-два бокала кампари-сода, шли в обеденный зал. Каждый заказывал что хотел и платил за себя. Это правило соблюдалось строжайшим образом: никаких угощений, никакой зависимости друг от друга. Изредка в баре решались и организационные вопросы: выборы на вакантную должность,

отчет казначея или проводы одного из членов ассоциации.

Далеко не всегда мы были согласны друг с другом в оценках фактов или событий, но по негласной договоренности каждый стремился избегать идеологических споров, любой из них мог бы привести к самым нежелательным дискуссиям и последствиям. Свобода мнений в таких случаях — лучший выход, и своим — мы ни разу не поступились.

Тем не менее польза этого «клуба» была очевидна. Прежде всего — обмен новостями, от которых, как говорится, не уйдешь. Второе — коллективность действий, когда нужно «пробить» что-либо через департамент прессы. И наконец, живой обмен впечатлениями о командировках, поездках по городам и весям и просто о жизни: один женился, другой сменил дом, третий завел собаку... Мало ли? Порой же эти встречи можно было использовать и для серьезных целей, например для разъяснения той или иной политической акции советского правительства на международной арене. Наши мнения всегда очень внимательно выслушивались.

На первых порах мне, как и всем корреспондентам, начинающим работу в стране, пришлось преодолеть многочисленные барьеры. Процесс вживания напоминал бег с неожиданно возникающими препятствиями, пока не выработался определенный ритм.

За годы моей работы в Пакистане произошли многие важные события. Конец 60-х и начало 70-х годов не случайно называют самым трудным периодом в истории страны, поэтому очерки, составляющие основу книги, чередуются с репортажами, рассказывающими о политических событиях в их хронологической последовательности.

МЕЖДУ ПУСТЫНЕЙ И ОКЕАНОМ

Журналист: Что вы рекомендуете посмотреть в Карачи?

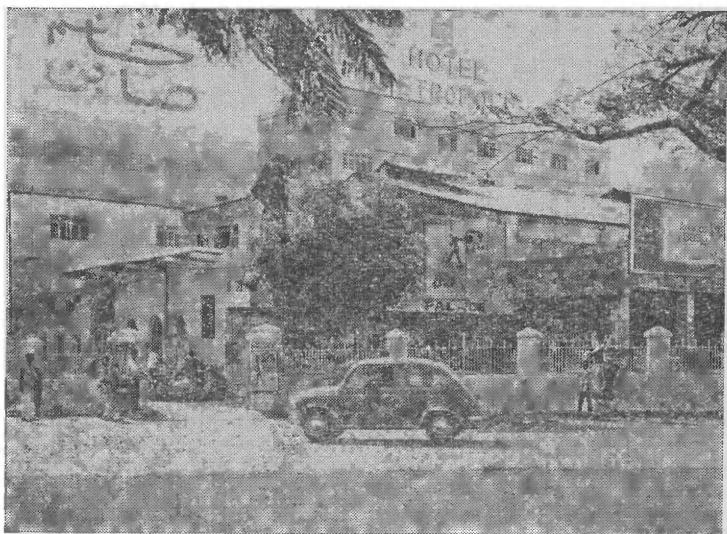
Бизнесмен: Смотреть у нас, пожалуй, нечего. Карачи — город бизнеса. Здесь делают деньги.

Такой короткий диалог на одном из приемов запомнился мне надолго, хотя я не мог согласиться с предпринимателем. За окнами отеля, где проходил прием, приглушенно гудел огромный город, раскинувшийся между пустыней и океаном, гигантский человеческий муравейник, занявший площадь в 160 квадратных миль.

Это не многоэтажный, а скорее многослойный город. Полюсы его богатства и нищеты разделены морем лавочек, полукустарных мастерских, маленьких ресторанчиков, контор и других обитателей мелкого бизнеса. Есть в этом море и острова индустриальных районов, где полюсы сближаются и современные фабричные корпуса прямо соседствуют с лабиринтами убогих хижин.

На 20-километровом пути от воздушных до морских ворот города робкая вначале световая реклама взрывается фейерверком на центральных улицах. Там есть даже тротуары. Большинство улиц, а тем более переулков, обходится без такой роскоши.

Одна из реклам на Виктория-роуд символична. В неоновую копилку на крыше одна за другой падают рупии. Это означает, что автомобиль миновал границу царства большого бизнеса. По одну его сторону — банки, корпорации, страховые компании, по другую — тенистые парки, защищенные каменными заборами и табличками

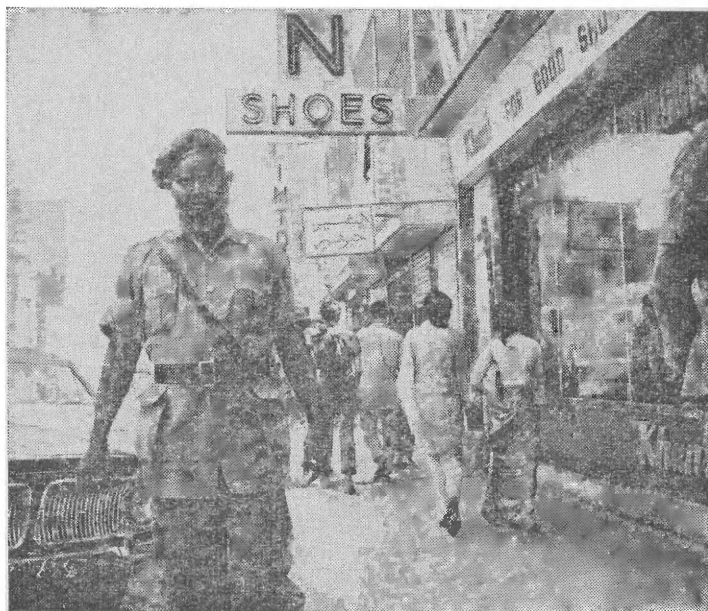
В центре Карачи

«частная собственность». Затем — огромное пространство на подступах к порту занято пакгаузами. А дальше улицы снова погружаются во мрак, в который настороженно всматриваются полусонные огоньки домиков, где ютятся трудовой люд.

Темпы роста Карачи поистине фантастичны. В 1940 г. небольшой портовый город размещался на площади в 3 квадратные мили и насчитывал 300 тыс. жителей. Он состоял из просторного кантонмента — типичного колониального военного поселения и по-восточному скученного «старого города».

К 1970 г. население одного из крупнейших городов Азии превысило 4 млн. Несмотря на то что в 1960 г. Карачи перестал быть столицей государства, он остался центром экономики, промышленности и финансов.

После освобождения страны от британского владычества сюда хлынул поток переселенцев-мусульман («мухаджиров») со всего субконтинента. Среди них были и богатые люди. Им-то и подготовили благодатную почву группа ловких предпринимателей, основавших в 1948 г. район СИТЕ.

В центре Карачи

Индустриально-торговое объединение Синда по дешевке купило 4 тыс. акров пустынной земли. На ней были проложены необходимые коммуникации, а когда площадка для промышленного строительства была готова, в ход пошла реклама.

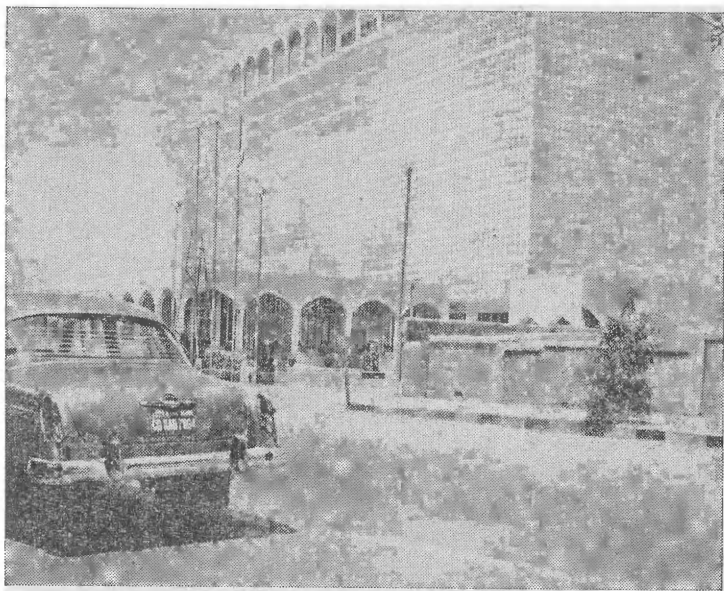
«Арендуйте участки и возводите фабрики! Вода, электроэнергия, цемент и другие строительные материалы — к вашим услугам! Это лучший способ вложить свободные капиталы!»

Вскоре подобные территории возникли и в других местах каменистой пустыни, окружающей Карачи, — Ландхи, Коранги, Лиакатабад, Назимабад. Сначала они были разделены значительным расстоянием, но шли годы, и разлившийся город затопил остальное пространство, соединив «острова» прямыми улицами, кривыми переулками или ровными рядами коттеджей, которые взвились белой пеной на гребнях мутного глинобитного моря.

Карачи не только самый крупный, но и самый богатый город страны. В нем сконцентрировано больше половины промышленности Пакистана, трудится 40 процентов рабочего класса. Однако Карачи не выставляет напоказ свои богатства. Они скрыты за стальными стенами сейфов, куда по вечерам утомленные клерки укладывают пачки акций, ценных бумаг, миллионы молниеносно пересчитанных рупий.

В тот же час предприниматели надевают безупречные сорочки, вечерние костюмы и их личные машины скользят к отелям, где деловая жизнь будет продолжена под аккомпанемент звенящего льда в бокалах и под защитой прохладных струй кондиционированного воздуха.

Отели с полным правом можно назвать центрами социальной жизни высших слоев пакистанского общества. Здесь проходят дипломатические и деловые приемы, пресс-конференции, доверительные беседы, торговые переговоры, заседания различных правлений и комитетов

**Здание современного отеля перекрыто солнцезащитными
решетками**

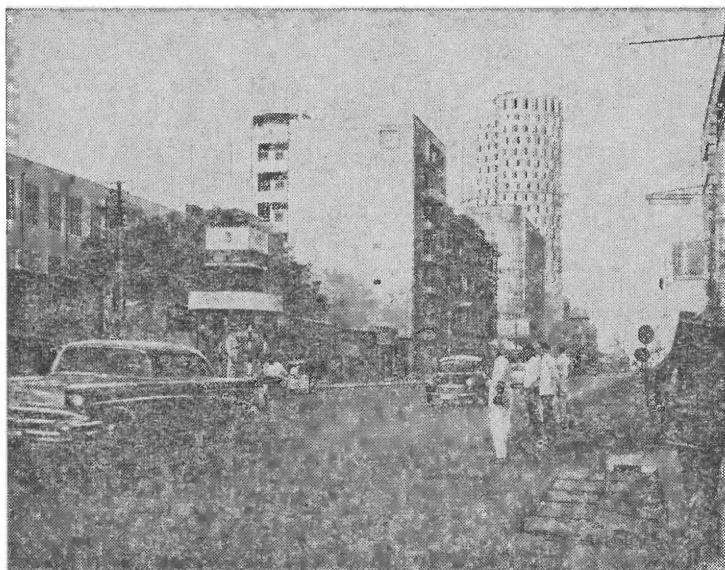

и, наконец, интимные свидания. Наутро многие из вечерних встреч находят отражение в прессе. Например:

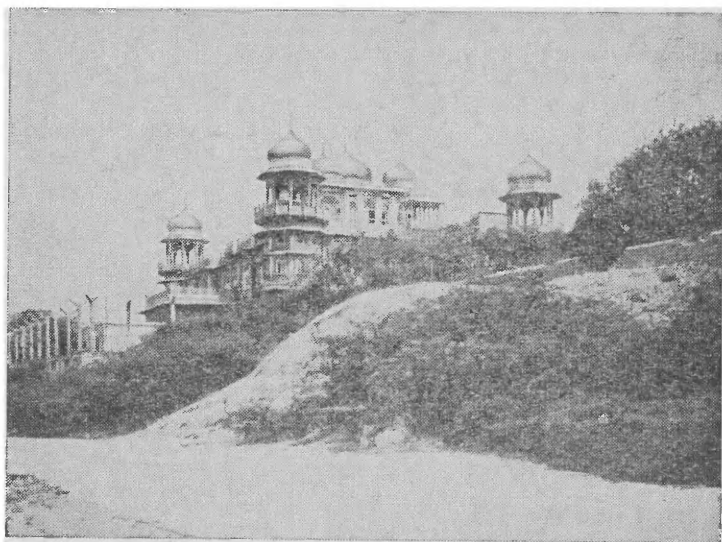
...Состоялось 18-е годовое заседание процветающей текстильной фирмы «Дауд Коттон Миллз». Председатель (читай: владелец) Ахмад Дауд доложил о состоянии дел. За год держатели акций получили 60 млн. рупий дивидендов, уплачено 26,5 млн. рупий государственных и других налогов, а 11,5 млн. составила плата рабочим и служащим.

Вечером — развлечения. В городе нет ни одного постоянного театра. В отелях и ночных клубах предлагаются программы варьете с участием заезжих эстрадных звезд. Иногда представления сдабриваются стриптизом. На сцене профессионально раздеваются молоденькие гастролерши из ночных заведений Америки, Африки и Европы.

Чиновники и служащие рангом пониже, владельцы лавок и магазинчиков, молодые люди, раздобывшие деньжонки, рассматривают рекламу, выбирая, в какой

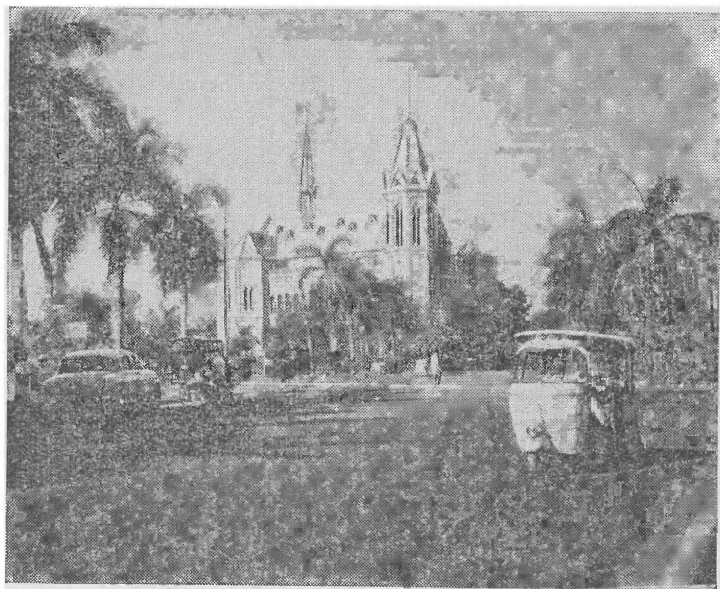
Улица банков

Дворец махараджей

из 30 с лишним кинотеатров лучше пойти. Создается впечатление, что рекламные страницы газет сделаны в арсеналах и на полигонах: автоматы, пистолеты любых калибров, бомбы, взрывы. Это — продукция Голливуда. В том же жестоком мире обитают полуобнаженные кинозвезды европейских студий. А рядом с ними — смуглые красавицы, украшенные гирляндами цветов, сверкающими браслетами и скромно опустившие ресницы. Они — героини неизменно сентиментальных пакистанских фильмов.

Цена билета в кино зачастую превышает дневной заработок рабочего. Поэтому людям, создающим день за днем ценности, не до развлечений. Растекается по рабочим окраинам к домашним очагам огромная пестрая толпа, задерживаясь у открытых допоздна лавочек, обмениваясь новостями. Это докеры и текстильщики, погонщики верблюдов и заклинатели змей, водители миниатюрных рикша-такси и мелкие «тележечные» торговцы. Интересы у них, быть может, и разные, а забота одна: как свести концы с концами. И счет они ведут не на рупии, а на пайса.

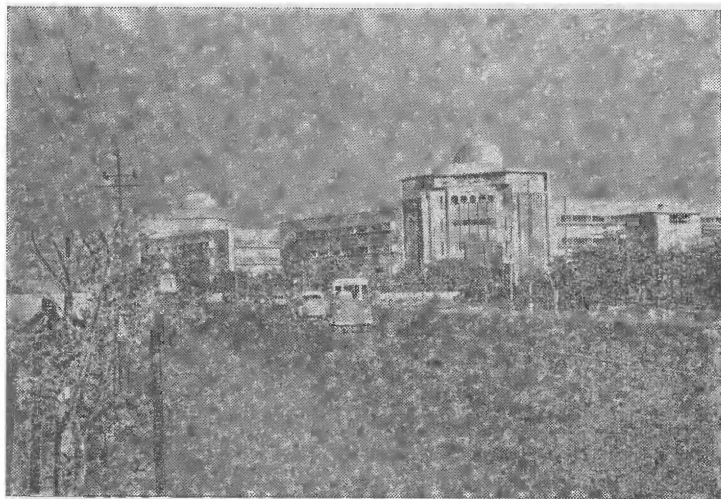

Муниципалитет Карачи объявил о продаже здания, в котором до недавнего времени располагался национальный музей

Ночью на городских магистралях властвуют тяжелые, ярко раскрашенные грузовики: они мчатся посередине улицы с полным светом, пугая запоздалых путников и не давая уснуть тем, для кого квартирой служит пыльная полоска придорожного сквера.

История не оставила в архитектуре Карачи неповторимых памятников. Быть может, поэтому к ней относятся с некоторым небрежением. Отдельные кварталы напоминают рыбацкую деревушку, положившую начало городу. Память о времени, когда Карачи был небольшим городом-портом, — несколько десятков массивных зданий, построенных в британском колониальном стиле. Среди них — муниципалитет, главный рынок, таможня, церкви. Изящное здание, где до недавних пор размещался национальный музей, местная пресса именуется псевдоготическим, а бывший дворец махараджей Мохатта характеризуется смешением стилей эпохи Моголов и барокко. Большинство же строений торговой и административной части города маловыразительны.

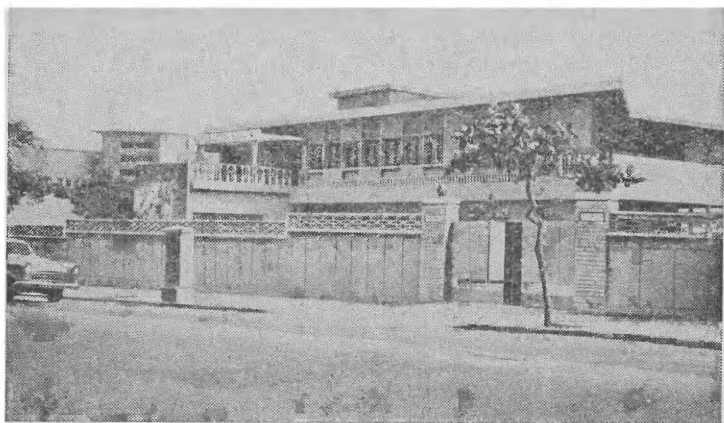
Новая тенденция — высотные здания из стекла и бетона с солнцезащитными решетками, напоминающие айсберги. Закончено строительство 24-этажного небоскреба цилиндрической формы, где разместилось правление крупнейшего из частных банков страны — Хабиб-банка*. Высотных зданий отелей, банков и корпораций — десятки. Но не они, на мой взгляд, определяют архитектурный стиль Карачи. Целые районы, разделяющие деловой центр и промышленные окраины, застроены небольшими виллами. Проезжая по ним, можно без конца поражаться изобретательности архитекторов и мастерству строителей. Железобетон в их руках с каждым годом становится легче, конструкции изящнее и рациональнее, а облик ни одного из бунгало не копирует соседнего. Сначала меня ввели в заблуждение, объяснив, что каждый из особняков отличается от другого потому, что существует якобы соответствующее управление, которое строго следит за этим. Оказалось, что каждый

Одна из лучших школ города. В одном из зданий учатся мальчики, в другом — девочки

---

* В январе 1974 г. правительство Пакистана объявило о национализации частных банков.

Обширные районы Карачи застраиваются частными виллами

строит дом как бог на душу положит, ограничена в ряде районов только этажность. Поистине сколько людей, столько и вкусов.

Все эти одно- или двухэтажные домики построены состоятельными людьми: крупными чиновниками, бывшими помещиками, продавшими землю и переселившимися сюда, отставными военными и, конечно, преуспевающими коммерсантами. Строительство считается выгодным вложением капитала, учитывая быстрый рост стоимости земли. Часто дома сдаются в аренду и приносят владельцам солидный доход, особенно те, над которыми развеваются флаги дипломатических миссий или укреплены вывески филиалов зарубежных фирм.

Когда я приехал в Карачи, огромного района «Федерал-Б» попросту не существовало. Он вырос как на дрожжах в связи со строительством новой автомагистрали, ведущей в Хайдарабад, и через три года насчитывал свыше 400 тыс. жителей. Однажды, остановившись здесь из-за скопления народа, я стал свидетелем аукциона. Продавалась земля под строительство торгового центра, состоящего из 124 маленьких лавочек и мастерских. Участки не превышали 100 квадратных ярдов. Первоначальная цена была объявлена заранее: 20 рупий за ярд. Страсти еще не накалились, и торг продолжался, но стоимость квадратного ярда уже возросла вдвое.

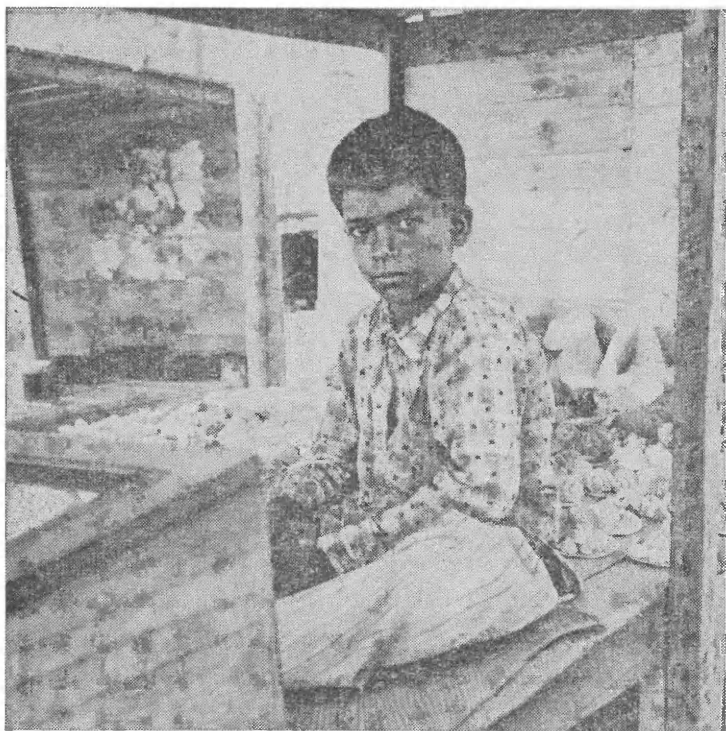
Строятся здесь и кварталы многоквартирных рабочих домов. В мою бытность их было пять. Они построены в разных частях города муниципалитетом, крупнейшими компаниями и фирмами и, понятно, остаются их собственностью. Любая семья, получая квартиру, ставит себя в полную зависимость от фирмы. Поэтому люди не очень любят обосновываться в новых кварталах, предпочитая собственные лачуги. Когда в Карачи переселилось несколько десятков семей из горных районов, им потребовался всего один каменистый холм, чтобы выстроить на его склонах точную копию родного аула.

Природа в этом краю очень скудная. Островки зелени и подстриженные газоны создаются огромным трудом и требуют постоянного ухода. И все же на тысячах участков они тщательно поддерживаются. Узкие переулки этих районов освещаются главным образом светом фар. Только в дни свадеб или других семейных торжеств то один, то другой коттедж выхватываются из тьмы, вспыхивая цветными огнями иллюминации.

Пакистанцы — прирожденные декораторы. Стоит обратиться к одной из таких фирм, и за несколько часов любой дом превратится в сказочный замок. Гирлянды разноцветных лампочек подчеркнут, а если нужно, «исправят» его силуэт, деревья будут подсвечены снизу небольшими прожекторами, а если они в эту пору не цветут, то на их ветвях мгновенно созревают дивные «электрические плоды». В случае нужды на ближайшей свободной площадке, а то и прямо на проезжей части улицы мгновенно возникнет гигантский шатер из грубой ткани ярких ковровых расцветок. Внутри шатров накрываются столы или расставляются ряды скамеек.

Случаются порой и казусы. Как-то неподалеку от моего обиталища в таком шатре поднялась всеобщая драка. Один из гостей шлепнул чужого ребенка. Это вызвало протест родителей. Потасовка продолжалась до тех пор, пока не упал шатер, подняв тучу пыли и заставив враждующих поодиночке искать выхода.

Бурный рост города широко раздвинул его границы. Растянута коммуникаций вызывает время от времени трудности в снабжении водой, все острее стоит проблема городского транспорта. На моей памяти произошла авария: лопнула 84-дюймовая труба главного водопровода, по которой вода поступала из озера, находящегося

Мальчик, продающий раковины

в 60 км от города. Это стало бедствием. Без воды осталось огромное население, домашний скот, нечем было наполнить радиаторы автомашин. Остановились многие предприятия, а 24 судна простаивали в порту в ожидании бункеровки.

Пока инженеры и рабочие ремонтировали трубу, вода стала источником бизнеса: ее брали из всех окрестных водоемов и продавали за половину стоимости бензина.

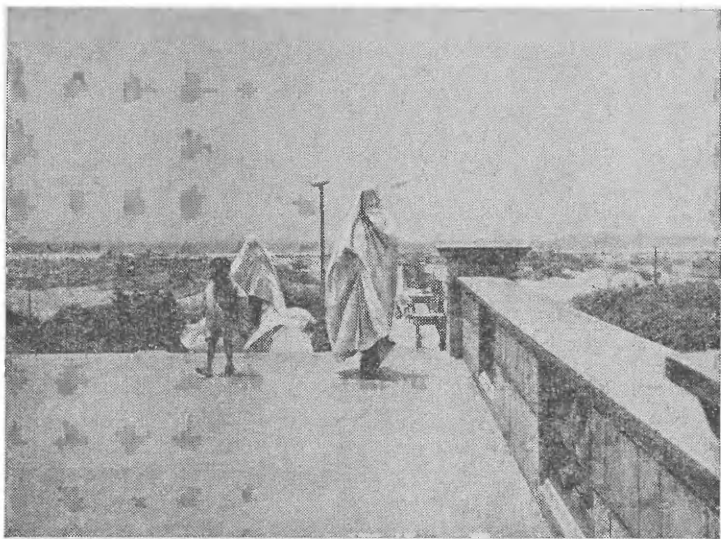
«Карачи — город, разрушающий себя!» — провозглашает время от времени пресса. Редакционные статьи о проблемах Карачи не сходят с первых газетных страниц. Однако «домостроительные общества» процветают, застраиваются новые и новые площади. Трудно предска-

зять, в каком направлении будет развиваться Карачи, но именно сейчас районы коттеджей определяют его архитектурное и социальное лицо.

Оформляется и мемориальный центр. На просторной площади закончено сооружение монументального мавзолея Мухаммада Али Джинны — основателя пакистанского государства.

Расширяется промышленность города. В последние годы в районе Коранги построены крупный машиностроительный завод, фабрика по изготовлению высших сортов бумаги, сооруженная при участии Ирана и Турции, предприятия по сборке тракторов и грузовых автомобилей и др.

Карачи просыпается рано. Пешком, на велосипедах, в переполненных автобусах, в древних трамвайчиках с дизельными двигателями, со станций окружной железной дороги стекаются в фабричные районы людские ручейки, разрастаясь волнами у ворот с надписями «Адамджи», «Валика» или «ДСМ» («Дауд Коттон Миллз»).

Тени минувшего. Еще многие женщины в Пакистане закрывают лицо

На рассвете начинают действовать оптовые рынки, из типографий выезжают разносчики утренних газет, приходят в движение стрелы кранов в порту. Затем открываются булочные и молочные, базары, занимающие целые кварталы, вывозятся тележки с овощами и фруктами. Вскоре поднимутся металлические жалюзи солидных магазинов, и тогда в городе можно купить все — от автомобиля новейшей марки до жареной кукурузы.

Мне всегда было особенно интересно побродить по городу, смешавшись с толпой, слушать незнакомую речь и наблюдать за течением людского водоворота. В старых районах все выглядит особенно неожиданно. Вот целый ряд лавок-мастерских, использующих исключительно отходы. Из старых консервных банок здесь делают ведерки, воронки, бидончики, терки. Отслужившие свое время автопокрышки превращаются в подошвы для сандалий. Неподалеку свалена гора металлического лома. Старик с окрашенной хной рыжей бородой (он вдовец) внимательно осматривает каждый предмет и, решив, как можно его утилизировать, раскладывает по кучкам. Всему можно дать вторую жизнь!

Целый квартал занимают магазинчики запасных частей к автомобилям. Практически здесь можно отыскать любую деталь к любой модели. Украшением и рекламой магазинчиков служат гирлянды фар и стоп-сигналов.

У самого центра — в лабиринтах Бохри-базара — вы невольно задержитесь у лавок вышивальщиков. Затейливые узоры будущих сари золотой и серебряной нитью вышивают мужчины. На любопытных они не обращают ни малейшего внимания. Каждый сидит на корточках, склонив голову. Неустанно порхает блестящая нить, оставляя тонкие штрихи узора на шелковой ткани.

По соседству — царство роскошных иссиня-черных кос и шиньонов из натуральных волос — источник дополнительного дохода для многодетных семей. У ребятисек волосы растут быстро. К свадьбе будут новые косы.

Порой среди толпы можно встретить человека, прикрытого лишь густой бородой и нечесаной шевелюрой. Это — садху — профессиональные нищие. Прохожие не удостоивают их особым вниманием, разве что равнодушно окинут взглядом. Однажды я заскрипел от досады зубами из-за того, что не захватил фотокамеры. На людном перекрестке Бандер-роуд встретились случайно сад-

ху и типичный европейский хиппи с льняной шевелюрой, по всей вероятности скандинав. Оба разглядывали друг друга с крайним удивлением и несколько осуждающе.

Каждое утро, по подсчетам журнала «Геральд», на улицы Карачи выходит от 15 тыс. до 20 тыс. нищих. В дни религиозных праздников эта армия возрастает еще на 50 тыс. И все же в Карачи от голода не погибают. Каждый из нищих братии может умереть от болезней, особенно эпидемических, но пару лепешек, горсть риса и какое-то количество овощей он получит от немногим более обеспеченных сограждан даже в самый неудачный день. Обычай давать милостыню глубоко традиционен. Один из журналистов «Геральда», проводивший социологическое обследование нищих Карачи, немало удивился тому обстоятельству, что, несмотря на ужасный образ жизни, из 50 опрошенных им нищих только трое изъявили желание сменить по возможности свою малопочтенную «профессию». За этим кроются более глубокие социальные причины, и мы еще будем иметь повод к ним вернуться.

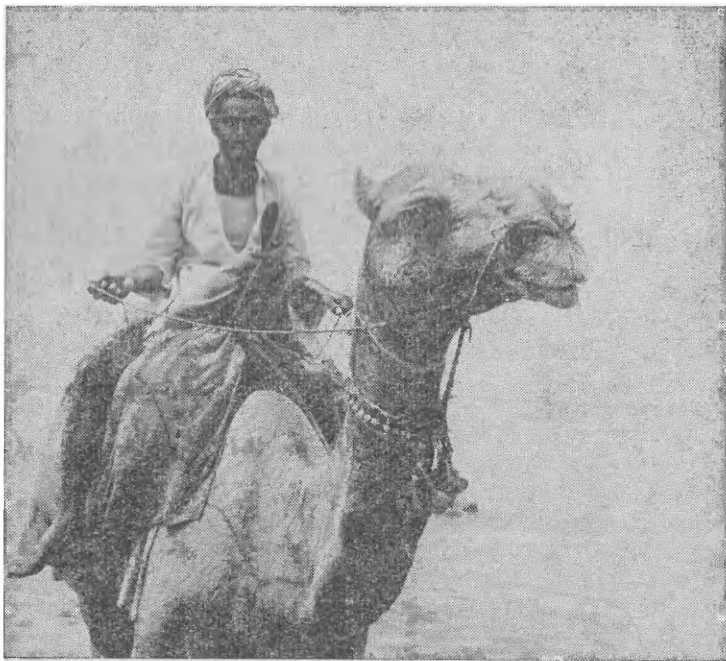
Ранним утром на улицы города выплескивается разноликий и разноскоростной поток транспорта. В Карачи никому в голову не придет перевозить мебель на грузовике. Для этого существуют ослики. А верблюды медленно, но без всяких происшествий дотянут куда нужно целую платформу самого «деликатного» груза, например стеклянных изделий. Воспользоваться двухместным такси-мотороллером дешевле, чем такси-автомобилем. Все это вливается в русло улиц, на которых и так тесно от вполне современных видов транспорта.

Не менее колоритна и толпа, заполнившая оживленные районы. Пожилой человек в крестьянской одежде остановился на углу, где за низкими столиками с пишущими машинками расположилось несколько «юрисконсультов». Старик неграмотен, а ему нужно написать прошение. Договорившись о размере вознаграждения, он присаживается рядом и, волнуясь, излагает суть дела. Стрекошет машинка, и через полчаса старик прячет выправленную бумагу за пазуху и отправляется по указанному адресу.

По соседству в лавке ювелира удобно расположилась полная молодая женщина в богатом сари. Хозяин, не-

прерывно жующий листья бетеля, которые он предварительно начиняет орешками арековой пальмы, добавляя немного гашеной извести, открывает перед ней футляры с кольцами и самоцветами. А совсем рядом, в другой лавочке, две девушки, присев на корточки, выбирают стеклянные браслеты и другие копеечные безделушки, похожие на елочные блески. Каждой хочется быть красивой в пределах возможного.

Круглый год в Карачи или ослепительное солнце, или влажная туманная дымка, мгла без дождей. Жаркое дыхание пустыни прогоняет тучи, не позволяя уронить на землю ни капли влаги. Настоящие дожди идут в Карачи один раз в два-три года, зато подолгу. Когда прорывается наконец небесная плотина, улицы превращаются в реки: город не имеет ни дренажной системы, ни ливневой канализации. Протекают крыши. Часто выключает-

Этот всадник предлагает всем посетителям Клифтон-парка прокатиться на его верблюде

Пастбище крокодилов Мангошира

ся свет, а это значит, что перестают работать кондиционеры и холодильники. Всякая живность, которая обычно гнездится под открытым небом, устремляется в дома, причиняя их обитателям множество неприятностей. Так случилось в 1970 г., когда ливни продолжались без малого два месяца. Десятки тысяч людей, слепивших свои хижины в низинах и руслах высохших рек, остались без крова, а многие — без имущества. Все и вся смыли грязные потоки. Как следствие в такие периоды вспыхивают эпидемии желудочных и простудных заболеваний, включая холеру. В десятки раз увеличивается опасность столкновений на дорогах: здешние водители не привыкли к мокрым мостовым.

Осень на берегах Аравийского моря не навевает грусти. Здесь нет ни золотых листьев, ни седого инея, ни притихших прудов. Наоборот, приход осени обещает короткий период относительной прохлады. Скоро газеты запестрят заголовками вроде: «Зима — лучшее время для выращивания овощей». А пока термометр показывает 36 градусов днем и 28 — ночью. Ветер гонит из пустыни Синд песчаные волны. Корабли, пришедшие на рейд, не видят города. Он укрыт плотной пыльной завесой.

Узкая коса, саблей протянувшаяся на несколько миль от прибрежных скал, застроена пляжными домиками. Это тоже частная собственность, как, впрочем, и дорога, ведущая от города к пляжам. За проезд вы платите у шлагбаума две рупии. Я припоминаю, какой бурный протест вызвало это обстоятельство у моей жены: «Не жалко две рупии, но как это — частная дорога? Решительно не понимаю и не согласна!»

За городом происходит немало удивительных и таинственных событий. Ночами на пляжах вспыхивают фонарики светлячков. Наступает период, когда в полнолуние на прибрежный песок выползают гигантские морские черепахи, чтобы дать жизнь следующему поколению. Говорят, что приплывают они сюда даже от Мадагаскара. «Помудрив», т. е. выкопав сначала ложную, а лишь затем настоящую яму, измученные животные выбрасывают в нее до 200 яиц. Они до удивления похожи на мячики для настольного тенниса, вышедшие из игры; на каждом — небольшая вмятина. Почти лишенные сил и способности к сопротивлению, испуганно глядя на свет

фонарей, ползут черепахи к спасительному океану даже в том случае, если на панцирь взгромождаются два взрослых жестоких бездельника. Песчаные гнезда будут раскапывать бродячие псы. Разорить их помогут и люди. Когда из яиц вылупятся маленькие черепашки и, руководимые инстинктом, кинутся к морю, многих из них склюют коршуны. Если вы рискнете купить у мальчишки дюжину белых шариков и выльете их на раскаленную сковороду, получится яичница с привычным на вкус, хотя и несколько крупитчатым, желтком и прозрачным пузыристым белком.

В другом направлении от города, в селении Мангопир (в переводе «святой по имени Манго», когда-то захороненный здесь), еще одна диковина — «пастбище крокодилов». Вообще-то крокодилы не водятся в этом краю. Они были завезены невесть откуда несколько сот лет назад и не только нашли благодатные условия, но даже стали предметом поклонения и объявлены священными животными.

Когда впервые в двух шагах я увидел серых чудовищ, копошащихся или дремлющих в изумрудно-зеленой луже, мне, признаться, стало не по себе. Но вот к ним спокойно спустились два человека с шестами. «Крокодайлмены» дразнили хищников, запуская им палки под брюхо. В ответ раздавался омерзительный рев, из воды высывалась зубастая пасть, а затем хвост сильно бил по воде.

Питомник «священных» крокодилов существовал многие годы, точнее — века. Известно по крайней мере, что для достижения шестиметровой длины крокодилу необходимо 100 лет. Здесь они ежедневно получали обильную пищу, а потому окончательно обленились. Надо сказать, что культ крокодилов не имеет под собой никакой религиозной почвы. Это просто привычка многих поколений, небольшой, но верный источник дохода и даже повод для развлечений. Ежегодно в честь крокодилов устраивались фестивали. Вот как описывался один из них еженедельником «Уикли»: «Надев традиционные цветные одеяния, синдхи празднуют Шиди-Мела — фестиваль в честь крокодилов Мангопира. Группы мужчин, женщин и детей стекаются к месту поклонения, танцуют, ударяя в барабаны, трубя в горны и распевая гимны, красочно описывающие крокодилов. Их

сравнивают с цветами, кормят сладостями и мясом коз, пожертвованных для этого случая. Дикие кустарники, окружившие пруд, зеленая вода, оставшаяся от теплых весенних ливней, и крокодилы, лежащие в пруду, усиливают экзотику примитивных танцев и музыки».

Сейчас об этом можно писать, к сожалению, только в прошедшем времени. При первом посещении я с восторгом фотографировал крокодилье стадо, затем еще несколько раз приезжал в Мангопир, чтобы показать удивительное место гостям, прилетевшим в Карачи. И вот в начале 1972 г. появилось сообщение, что из 18 крокодилов осталось только три. Остальные в течение полугода один за другим погибли от обжорства. Оставшимся в живых угрожает та же участь, если не посадить их на голодную диету. Снимки, сделанные мной когда-то, скоро будут чуть ли не уникальными.

Порой на пригородных дорогах вспыхивают ослепительные фары и звучат сирены. Погоня. Специальная полиция преследует контрабандистов. Из бесчисленного калейдоскопа хочется привести пока два-три наиболее характерных, типичных случая. Другие еще промелькнут на страницах этой книги.

...Полицейские и таможенники захватили груз, оцененный в три миллиона рупий. Преступники пытались незаконно вывезти из страны около 6 т серебра. Они успели скрыться, а задержанный шофер грузовика смог показать только дом в пригороде Карачи, где был погружен «товар». Выяснилось, что дом уже несколько лет необитаем.

Через два года на пустынном морском берегу залива Сонмиани произошло настоящее сражение таможенной полиции с контрабандистами. После получасовой перестрелки нарушители закона скрылись в пустыне. Когда рассвело, таможенники собрали разбежавшийся «серебряный» караван из 45 верблюдов. Из вьюков и футляров для ружей было извлечено более 0,5 т серебра.

Погоня за контрабандистами — одна из излюбленных тем вечерних газет наряду с похищением детей, женщин, самолетов, драгоценностей, убийствами, грабежами и уличными катастрофами. Кажется, ни одна из трех карачинских «вечерок» не считает возможным выйти в свет без такого рода материалов. Газетки старательно собирают накипь, которая образуется в бурлящем котле

большого города. Порой они позволяют себе «продлить удовольствие», смакуя из номера в номер на протяжении полугода историю сомнительного сексуального преступления.

...На одной из самых оживленных улиц остановлен элегантный светлый «мерседес» с дипломатическим номером. Чтобы пойти на риск досмотра машины, уголовная полиция должна была располагать неопровержимыми уликами. Из автомобиля извлекли некоего М. Куреши — пакистанца, бывшего сотрудника тайской миссии в Карачи, а вместе с ним тысячи поддельных тревеллсчеков Британо-Американского и Цюрихского банков, множество фальшивых бланков дипломов об окончании различных иностранных колледжей и университетов.

Фальсификатор, как указывала газета «Доон», имел самые широкие связи, а его темным махинациям потворствовал дипломат, «имя которого не может быть раскрыто в интересах расследования». Полиция информировала «Интерпол» о своих подозрениях, что Куреши — участник международной банды фальшивомонетчиков и контрабандистов.

Дальнейшее расследование осталось тайной. Местные газеты частенько прибегают и к такому приему: сообщают о сегодняшней сенсации, а затем оставляют читателя в полном неведении относительно исхода того или иного события.

...В городе проведена крупная полицейская операция. За неделю арестовано 350 антисоциальных элементов. Подавляющее большинство из них — владельцы и посетители игорных домов, затем идут торговцы наркотиками, взломщики и воры. «Один из боссов преступного мира, — писала при этом „Дейли ньюс“, — нагло предложил шефу полиции платить две тысячи рупий в день, если его оставят в покое».

Героизм и бескорыстие полицейских и таможенных патрулей также одна из постоянных тем. Иногда держат несколько дней у подозрительного дома «нищего», в ломотьях которого спрятан портативный радиопередатчик. Это позволяет захватить шайку с поличным. Таможенники в аэропорту вылавливают наркотики. Особенно часто ловят за руку предприимчивых американцев. Мне запомнился случай, когда в течение нескольких дней были задержаны с грузами гашиша сперва про-

фессор философии Мичиганского университета Ричард Джеймс, а затем — четверо студентов, везших в Рим 20 с лишним килограммов марихуаны.

Некоторые туристы используют для переправки наркотиков способ «двойного дна». Всего за неделю из посылок, адресованных из пакистанских городов в Гамбург, Биарриц, Кардифф, Лос-Анджелес и даже новозеландский Крайстчерч, было извлечено 10 кг наркотического зелья. Гашишем были начинены деревянные статуэтки, подушки, консервные банки или настоящее двойное дно в самих посылках. Отправлялись они с фиктивными обратными адресами, поэтому дело ограничилось обычной в таких случаях конфискацией. «Если же удастся переслать гашиш в США или Европу, — писала одна из газет, — прибыль становится фантастической». Поэтому недостатка в любителях «двойного дна» не наблюдается, и подпольный бизнес процветает.

Что же касается употребления наркотиков самими пакистанцами, то один из скверов в самом центре города иронически называют «садом Эдема». Марихуана — главный плод этого «райского сада». В любое время суток наркоманы могут купить шарик, которого достаточно для начинки двух сигарет. За день в Карачи расходуется 500 фунтов наркотиков. Цена на зелье возрастает со сменой каждого перекупщика. В местах курения она в 10 раз превышает первоначальную. По свидетельству прессы, в городе три тысячи пунктов, где нелегально продают наркотики.

Таков самый лаконичный абрис Карачи. На страницах этой книги нам еще много раз придется встретиться с этим городом, ибо в нем отражены все проблемы, волнующие страну, а часто он становился эпицентром важнейших событий.

«Если капитанский мостик корабля, названного Пакистаном, находится на севере, в Исламабаде, — сказал мне бизнесмен в продолжение диалога, с которого начат этот очерк, — то здесь, в Карачи, мы стоим у двигателей, приводящих в движение весь корабль».

ЗЕРКАЛО ДЕКАРАМЫ

«Посетите Декараму! — призывает реклама. — Декарама — зеркало социального и индустриального прогресса!» Декарамой была названа первая национальная выставка, открывшаяся в октябре 1968 г. в центре Карачи с целью наглядно показать развитие Пакистана за десятилетие, минувшее после военного переворота.

27 октября 1958 г. генерал М. Айюб-хан, сместив президента Искандера Мирзу, стал диктатором страны. Подводились итоги периода, в течение которого Пакистан действительно прошел значительный путь, добившись высоких темпов развития промышленности, инфраструктуры, а также роста сельскохозяйственного производства и международной торговли.

Эти успехи позволили рекламировать Пакистан, называя страну «моделью развивающегося мира». Однако при этом не учитывалось, что главные социальные проблемы были не решены, а загнаны вглубь. Действие военных законов позволяло контролировать положение и своевременно пресекать любую оппозиционную деятельность. Сохранялось экономическое неравенство между Западным и тогдашним Восточным Пакистаном. Земельная реформа свелась к некоторому ограничению крупного землевладения: у 5 тыс. помещиков выкупили часть земли и продали ее 74 тыс. арендаторов. Промышленная политика привела к дальнейшему укреплению позиций «22 семейств».

Но тем не менее статистика выглядела внушительно. Объем продукции возрос на 261 процент. Это и дало возможность пышно отметить итоги прошедшего десятилетия.

...На Декарраме шли последние приготовления, некоторые павильоны еще ждали экспонатов, но по вечерам на выставке вспыхивала иллюминация, освещающая людское море.

Днем над площадью взвивались три аэростата: синий, желтый, красный, но еще до открытия выставки один из них сорвался с якоря и наутро его видели летящим на пятикилометровой высоте в 80 милях от города.

Тысячи и тысячи пакистанцев спешили побывать на выставке. Одни внимательно осматривали всю экспозицию, других интересовали лишь отдельные павильоны, а многие после беглого обзора спешили купить ткани, одежду, обувь, изящные безделушки. Дело в том, что почти все экспонаты частных фирм продавались, и в руках гидов-продавцов то и дело мелькали квитанционные книжки. Шумно было у каруселей, аттракционов и передвижных ресторанчиков. Приходили сюда целыми семьями погулять, перекусить и развлечься.

Над двумя легкими павильонами синим неонem горят буквы ВАПДА (Water and Power Development Authority) и ВПИДК (West Pakistan Industrial Development Corporation). Это крупнейшие государственные корпорации. Первая руководит созданием энергетической базы и освоением водных ресурсов, вторая — промышленным развитием Западного Пакистана.

К тому времени ВПИДК осуществила 49 крупных проектов, построив 30 государственных и 19 частных предприятий. Соотношение для развивающейся страны неплохое, но нельзя не учитывать, что построенные заводы нередко рвут стропы государственного сектора и исчезают в океане свободного предпринимательства.

Корпорация ВАПДА показывает величественные макеты и проекты каскада ГЭС на Инде и других реках: только что построенной плотины Мангла, крупнейшего в стране гидроузла Тарбела, проектирование которого к тому времени было закончено.

За десятилетие выработка электроэнергии в стране возросла в 7,4 раза. Однако диаграммы показывали, что иностранная помощь играла главную роль во всех крупных гидросооружениях: в плотину Мангла немало средств вложили американцы, контракт на сооружение

Тарбелы был заключен с итальянскими, французскими и швейцарскими фирмами.

Еще два действующих павильона — корпорации нефти и газа и судостроения — подчеркивают усиление роли государственного сектора в развитии национальной плановой экономики. В те дни под флагом Пакистана моря и океаны бороздили 64 судна (в 1958 г. их было всего 23). Почти втрое увеличилась грузоподъемность флота, а количество пассажирских мест достигло 6 тыс. Была объявлена программа доведения торгового флота до 100 судов в течение трех последующих лет. Впрочем, она не была выполнена.

Корпорация нефти и газа подчеркивала значительный вклад советских специалистов, которые с 1961 г. помогали Пакистану вести разведку полезных ископаемых.

Затем вы вступаете в сектор, где властвует частный капитал. Заметить пересечение границы просто: в государственных павильонах ничего не продается, исключение составляют только табачные изделия. Зато там, где огнями выведены автографы или торговые марки частных фирм, идет бойкий сейл — распродажа. Только на этот раз со скидкой продаются не залежавшиеся или выходящие из моды, а вполне доброкачественные товары. Владельцы компании домашних холодильников «Шахаб», например, сделали скидку для Декарамы на 501 рупию — 26 процентов стоимости холодильника. Разумеется, такая мера отнюдь не позволит осуществить девиз фирмы: «холодильник „Шахаб“ для каждого дома», его цена — почти годовая заработная плата, скажем, шофера, но все же и выставка, и скидка — неплохая реклама.

Среди имен, сверкающих над павильонами, немало представителей тех «22 семейств», без согласия которых, как говорят в Карачи, «вряд ли можно что-нибудь предпринять». В масштабах страны число таких имен несколько увеличится, но суть остается неизменной: финансовые магнаты имели тогда большое влияние в стране, они контролировали более 60 процентов вложений в промышленность и 80 процентов банковского и страхового капитала.

Мы покидали Декараму... Запомнились группа студентов, бурно споривших у проекта будущей плотины;

рабочий, приведший в павильон «Карим Силк Миллз» свою шумную семью и с гордостью показывавший домо-чадцам превосходные ткани, которые он делал своими руками, забыв на это время и о хозяине, и о том, что его жена и дочери не могут позволить себе надеть такое сари; моряки, с огромным интересом рассматривавшие макет нового судна.

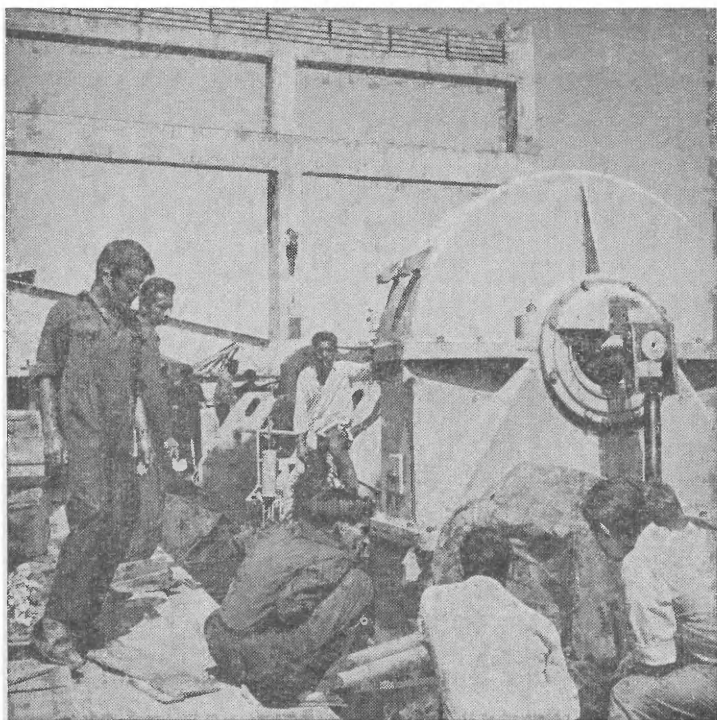
В те годы началось успешное развитие экономического сотрудничества Пакистана с Советским Союзом. Мне довольно часто приходилось встречать делегации специалистов, помогающих решать различные проблемы — от мелиорации, повышения урожайности и даже выпечки хлеба до изучения возможностей строительства, а затем проектирования крупного металлургического завода.

Вот и на это утро назначены две встречи. В государственной корпорации промышленного развития группа советских инженеров передавала пакистанской стороне проектную документацию на строительство завода тяжелого электрооборудования.

На журнальном столике был установлен точный макет будущего предприятия, выполненный в одну тысячную натуральной величины. Однако все специалисты, присутствовавшие на церемонии, легко представляли себе, как будут выглядеть цехи, выпускающие 210 тыс. т готовой продукции в год.

Прямо из корпорации вместе с инженерами Ю. Елисейкиным и В. Луценко мы направились на крупнейшую в стране судоверфь, раскинувшуюся у голубой ленты залива. Климат здесь такой, что стены не нужны. Порой необходим лишь остов здания, чтобы проложить под крышей путь мостовым кранам.

Вскоре мы миновали ворота с надписью: «Карачи шипгьярд. Судостроительные, ремонтные и инженерные работы». У стенки, сверкая суриком, достраивается на плаву сухогруз «Шалимар» грузоподъемностью 12,7 тыс. т — второе судно такой величины пакистанской постройки. В сопровождении начальника механического цеха Мухаммада Паши мы идем вдоль шеренги станков. Ленинград, Коломна, Рязань, Краснодар — такова их география. На верфи работает 40 советских станков, и большинство из них уникальны для Пакистана. На токарно-карусельном станке Коломенского завода обра-

Судоверфь в Карачи. Монтаж советского станка

батывался гигантский винт для «Шалимара». Ничего удивительного. На нем можно изготовлять детали весом до 60 т. А листогибочная машина, прибывшая из Рязани, шутя сгибает в трубу листы металла толщиной в 40 мм.

Наши специалисты из «Станкоимпорта» чувствуют себя на верфи как дома. Это тоже понятно, если учесть, что только Василий Луценко, которого здесь зовут все «Васа-инженер», подготовил более 100 пакистанских рабочих и техников, обслуживающих советское оборудование.

Накануне я побывал в цехах новой фабрики «Бакш Токстайл Миллз» на противоположном конце города. Там заканчивался монтаж станков, также не совсем

обычных для Пакистана. Все машины были советского производства и впервые доставлены в Карачи из Ташкента сухопутным путем, через территорию Афганистана.

Однажды неподалеку от порта, где белуджи, которых много в Карачи, сушат только что окрашенную пряжу, выложив ее на берегу залива малиновыми, вишневыми, черными квадратами, я встретил несколько составов из тракторов «Беларусь». Тягачи тянули за собой на буксире по несколько тракторов.

Мне сразу вспомнилось одно из тех газетных сообщений, которые все чаще появлялись на страницах пакистанской прессы: «Советское торговое судно „Дубровник“, принявшее на борт землеройные, дорожно-строительные и сельскохозяйственные машины, вышло из порта Одесса».

Немало дней прошло, пока «Дубровник» дважды пересек экватор, обогнув мыс Доброй Надежды, и, оставив за кормой два океана, пришвартовался к причальной стенке порта Карачи. Но его ждали здесь с первого дня плавания.

Сверкающие составы вскоре прибыли на просторный двор фирмы «Фекто», которая продает и обслуживает наши тракторы. За два с половиной года их было продано около двух тысяч. Директор фирмы «Фекто» Г. М. Адамджи просто объясняет секрет популярности:

— «Беларусь» — самый дешевый трактор на местном рынке, — говорит он, — хотя и мы и покупатели убедились, что по надежности, прочности, простоте обслуживания он превосходит более дорогие иностранные машины.

«Фекто» отправляет тракторы на поля многих районов страны. В 16 крупных центрах фирма имеет своих представителей-дилеров, а в Лахоре и Карачи — хорошо оснащенные мастерские. Несмотря на это, «Фекто» могла удовлетворить лишь четвертую часть заказов на «Беларусь».

Этот день был праздничным для фирмы. Здесь состоялся третий выпуск механиков, присланных дилерами и частными владельцами тракторов. Я видел, с какими счастливыми лицами получали удостоверения об окончании курсов высокий паренек Нур Мухаммад с едва

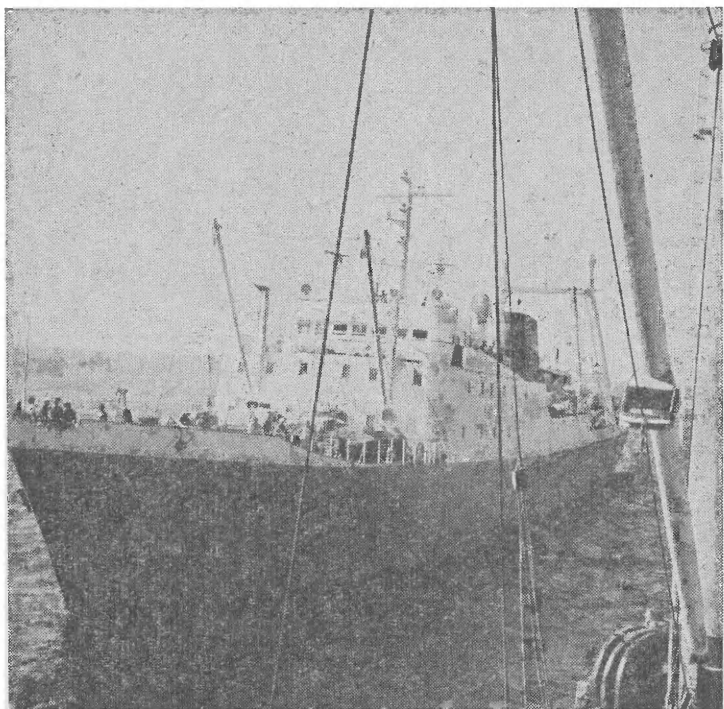
На пути из рыбного порта. Весло и старые сети —
все имущество рыбака

пробившимися усиками, опытный механик Фазал и седой ветеран Дауд, за плечами которого полвека труда.

Корпорация сельскохозяйственного развития Пакистана опубликовала интересные факты о сотрудничестве с нашей страной.

— Советская Россия предоставляет нам пять зерновых комбайнов, чтобы испытать их на уборке пшеницы, однако Пакистану нужны сотни таких машин. Мы обратились к правительству с предложением о закупке в Советском Союзе 110 комбайнов, — заявил руководитель корпорации. Он сообщил также о приобретении в СССР очередной партии тяжелых 180-сильных бульдозеров, отметив, что эксплуатация бульдозеров с маркой

«Наука» встретила в океане советское судно «Астроном»

«сделано в СССР», которые Пакистан закупает уже четыре года, обходится вдвое дешевле аналогичных американских машин, и высказал предложение создать специальную организацию для экспорта и эксплуатации техники, поставляемой Советским Союзом.

Каждый час работы нашего бульдозера позволяет сэкономить 26 рупий. На освоении новых земель, ирригационных и других работах в Пакистане используется 850 таких машин, не считая 19 уникальных 300-сильных дизель-электрических бульдозеров, также приобретенных в Советском Союзе.

Жителей прибрежной полосы веками кормило море. Искусство лова рыбы, креветок, крабов вырабатывалось поколениями. Но изменчиво и непостоянно рыбацкое счастье. Все чаще встречали пакистанские рыбаки

на привычных местах промысловые суда под японским и другими флагами. Они были хорошо оснащены и уходили домой с полными трюмами. Видавшие виды пакистанские ботики с кашляющими моторами и парусные шаланды со старенькими сетями не могли с ними конкурировать.

...В насквозь пропитанных острыми запахами каменных лабазах оптового рыбного рынка Карачи — полумрак. Еще до рассвета здесь самый разгар торговли. Дары моря раскупаются и развозятся на рынки во все концы города. Рыба не замораживается, поэтому в жарком климате нужно в течение одного дня замкнуть цикл: рыбак — скупщик — торговец — покупатель. Приложение к большому выбору — прекрасный сервис: вам молниеносно выпотрошат и очистят рыбу, а креветок в прозрачном пакете переложат кусочками льда.

Выбор действительно богат: «сэлман», напоминающий красную рыбу, сочное филе «капитана», «памфлет», похожий на камбалу, и вкусные рыбки «леди-фиш» соседствуют с акулами, скатами, моллюсками. Лангусты, креветки и крабы дополняют великолепное меню.

Замораживаются лишь те рыбные продукты, которые идут на экспорт или отправляются в глубь страны. Делается это в маленьких морозильниках нескольких частных фирм, цена продуктов возрастает при этом в два-три раза.

Несколько лет подряд группа энтузиастов из морского рыбного департамента предлагала превратить кустарное рыболовство в промышленное, расширить рынок и превратить морские продукты в постоянный и надежный источник получения валюты. Но для этого нужны были современный флот и орудия лова, рыбные порты, мощные морозильники.

В ноябрьские дни 1968 г. в Карачи начали работу три советских исследовательских судна: «Наука», «Мыслитель» и «Владимир Воробьев». Почти год они бороздили воды Аравийского моря, обеспечив работу совместной советско-пакистанской поисковой экспедиции.

Мне пришлось не только бывать, но и плавать на «Науке», часто беседовать с научным руководителем экспедиции Я. К. Гололобовым и его пакистанским кол-

легой д-ром Масуд А. Барнеем. Результаты исследования показали, что плотность рыбы в прибрежных водах довольно велика. Из 200 ее видов 80 имели промысловое значение. Внимательно изучалась и кормовая база. Кроме того, были определены границы берегового шельфа, изучены районы, наиболее благоприятные для траления.

Гидрологи обнаружили на четырех «этажах» Аравийского моря принципиально различные водные массы. Оказалось, что настоящие океанские воды начинаются здесь с километровой глубины. Значительный слой занимают воды, пришедшие из Красного моря. Был найден и глубокий скалистый каньон, как бы продолжающий течение Инда по дну океана. Уже в первых плаваниях было собрано 15 т различных ценных экспонатов. Большинство из них пополнило музей Азово-Черноморского научно-исследовательского института рыбного хозяйства, проводившего экспедицию.

Приходившие в порт на короткий отдых капитандиректор «Науки» Леонид Плотников и другие моряки рассказывали много удивительных историй. Однажды на палубу вытащили пятиметровую акулу, порой после подъема трала команде приходилось спасаться от ядовитых зубов морских змей, а однажды трал поднял «экспонат», не имеющий ни малейшего отношения к ихтиологии, — самолетное крыло с двигателем английского производства. После такого сюрприза полсуток пришлось ремонтировать трал.

Однажды капитан сказал, что «Наука» уходит дней на 20 в Аден. Дело в том, что в рефрижераторах скопилось 230 т рыбы, которую нужно было перегрузить на встречные советские суда. А это, поверьте, оказалось не так легко. Через несколько дней к экспонатам моего личного музея прибавилась челюсть акулы, а вскоре пришлось наблюдать, как восемь моряков осторожно вынесли на палубу замороженного до каменного состояния морского окуня весом 262 кг.

Результаты экспедиции были высоко оценены пакистанской общественностью и прессой. Остается лишь пожалеть, что события сложились так, что ими пока не удалось воспользоваться в полной мере.

СПОР СТОЛИЦ

— Какая-то странная пошла мода размещать государственные столицы в деревнях. Так заявил в личном разговоре со мной один крупный чиновник из Карачи (поэтому я не могу назвать его имени), позволяющий себе роскошь слегка фрондировать. Затем, расшифровывая, а скорее пытаюсь смягчить довольно смелое высказывание, он начал экскурс в историю.

— В самом деле, мир знает несколько искусственно созданных столиц. Во-первых, это Вашингтон, затем Канберра и, наконец, Бразилиа. Когда-то так был задуман и построен Санкт-Петербург. Что касается Исламабада, так это — детище Айюба.

Перенос столицы из Карачи действительно осуществлен М. Айюб-ханом. Это было вызвано самыми различными причинами — политическими, престижными и сугубо личными. Более того, он высказал идею, что ни один из существующих городов не годен для этой цели.

В марте 1959 г. была создана специальная комиссия по выбору места для строительства «города ислама». Председателем ее, по неожиданному стечению обстоятельств, стал генерал А. М. Яхья-хан, сменивший через десятилетие Айюба. Однако многое говорит за то, что Потварское плато заранее было облюбовано М. Айюб-ханом.

Стоя однажды на вершине холма Шакарпариян и наблюдая, как солнце садится за горную цепь Маргалла, М. Айюб-хан обратился к своим министрам с таким монологом:

— Здесь, на Потварском плато, осуществится моя мечта. Мы будем слышать вокруг голоса детей, их пес-

Апсамбль зданий Государственного секретариата Пакистана

ни и смех, наблюдать, как они растут, и ждать, когда повзрослеют. Здесь они создадут свои семьи. Все классы моего народа равны для меня; каждый может внести свой вклад в осуществление этого грандиозного проекта, зарабатывать на жизнь, работать с удовлетворением. Здесь моя новая столица!

К этому заявлению, можно быть уверенным, прислушалась комиссия. Стоит добавить, что за холмами Маргалла, где в этот момент горел закат, была родная деревня Айюба.

Существовали и более глубокие причины. Правящей военной верхушке было удобнее иметь столицу на севере, по соседству с родовыми имениями. В любой ситуации здесь было легче сосредоточить бразды правления и контролировать действия беспокойных гражданских министров. Прямо говорилось, что новая столица может стать великолепным административным островом. На нем «слуги государства» будут изолированы

от «толпы», от политических течений и непосредственного влияния могущественного бизнеса.

Консервативным мусульманским богословам льстило, что Исламабад явится не только центром крупнейшего мусульманского государства, каким был в ту пору Пакистан, но и столицей всего исламского мира.

В феврале 1960 г. М. Айюб-хан был официально избран президентом Пакистана, а 1 августа небольшой город Равалпинди, расположенный в 10 км к югу от Потварского плато, стал временной столицей страны. В октябре план строительства Исламабада был утвержден.

Карачи сопротивлялся. Быстро растущему гиганту не хотелось терять титул столицы. Правда, первые годы ничего не изменили. Почти все министерства, департаменты, иностранные миссии оставались у берегов Аравийского моря.

Появился еще один конкурент — Лахор, уже получивший к тому времени звание столицы Западного Пакистана, но претендовавший на большее. Честолюбивые «отцы города» выдвинули серьезный аргумент:

Щиты на перекрестках указывают направление к иностранным миссиям

здесь еще в 1940 г. родилась и оформилась идея создания Пакистана как самостоятельного государства.

Спор разгорался. Когда он был окончательно решен в пользу Исламабада, а министерства, ведомства и посольства одно за другим начали переезжать на север, Карачи еще раз продемонстрировал свою обиду. На очередных президентских выборах в январе 1965 г. городские избиратели проголосовали против М. Айюб-хана, отдав предпочтение Фатиме Джинне, сестре «отца нации» Мухаммада Али Джинны.

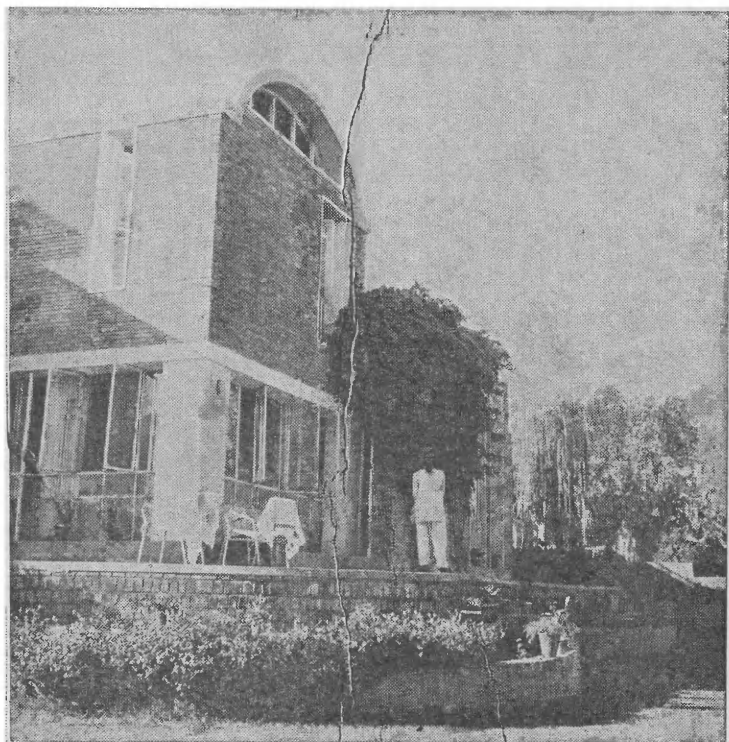
И все же знакомый чиновник в своем довольно безапелляционном заявлении на какой-то период был прав. В сравнении с Карачи Равалпинди выглядел деревней, а архитекторы только-только склонились над проектами основных зданий Исламабада.

Место для него было выбрано удачно. Почти идеально ровная площадка, ограниченная горной цепью на севере и голубым зеркалом озера Равал-лэйк на юге, позволяла быстро провести необходимые коммуникации, распланировать площади, обеспечить город питьевой водой. Холм Шакарпариян, господствующий над плато, стал центром естественного парка. В 1968 г. неподалеку от смотровой площадки А. Н. Косыгин посадил дерево дружбы — молодую чинару, которая сейчас подросла и окрепла.

Планировал молодой город греческий архитектор Доксиадис, итальянцы работали над величественным комплексом Государственного секретариата, американцам были заказаны планы президентского дворца и парламента. Многие жилые дома начали проектировать английские архитекторы, а проект одной из вилл создал Корбюзье.

Хотя всем иностранным зодчим, планировщикам и строителям была предоставлена полная свобода для выражения творческой индивидуальности, пакистанцы желали видеть в рождающейся столице свои национальные черты.

В 1961 г. были вынуты первые ковши земли и уложены первые камни в фундаменты будущих зданий города. Раньше всех распахнул двери современный отель «Шахразад», называвшийся тогда «Пакистан хауз». Это была не только удобная гостиница с рестораном, баром и залами для приемов, одновременно здесь раз-

Вилла, построенная по проекту Корбюзье

местились учреждения и посольства. Когда в 1972 г. я улетал в Москву, на флагштоках возле «Шахразада» все еще развевались флаги четырех государств.

Второй была закончена главная мечеть. Легкость ее конструкции сочеталась с внутренней роскошью, характерной для эпохи Великих Моголов. Элементы могольской архитектуры появились и в других строениях.

Тем временем вся площадь, отведенная для строительства, была разбита на сектора — прямоугольники будущих микрорайонов. Их границами служили асфальтированные дороги улиц, заранее проложенные по плато. Каждый сектор в свою очередь делился на участки, которые либо отводились под строительство госу-

дарственных и муниципальных зданий, либо продавались частным лицам. Преимущественным правом приобретения пользовались крупные чиновники и отставные военные.

Мне довелось наблюдать процесс рождения Исламабада, а впоследствии больше года прожить в нем «вдали от шума городского». Весной 1968 г. нам показали первые многоэтажные корпуса Государственного секретариата и макеты будущих кварталов. Через два года они были построены, население Исламабада выросло до 80 тыс., и он приобрел свой стиль, резко отличный от стиля любого пакистанского города.

Полностью была осуществлена и идея изоляции. В дни забастовок, студенческих волнений и демонстраций властям нужно было только перекрыть два шоссе, ведущих от Равалпинди, где бушевали страсти, и Исламабад становился «островом», полностью изолированным от «толпы».

Однако спор столиц не был окончен. Влиятельные круги Карачи не раз требовали если не возвращения бывшего положения, то предоставления Карачи статуса свободного порта. Порой рождались известные опасения, что столица и впрямь покинет еще не обжитый Исламабад. Но в его строительство были вложены огромные средства, поглощавшие значительную часть бюджета и иностранной помощи. Молодая столица отвоевала право на жизнь.

План Исламабада чрезвычайно прост. С холма можно без бинокля увидеть любой дом молодого города. Кажется, что какой-то мальчишка разбросал белые кубики на зеленом ковре и забыл о них. Так выглядят отдельные дома на участках, которые еще застраиваются. А на любом перекрестке — целый лес щитов-указателей, помогающих найти дорогу в различные миссии, школы, учреждения.

Но лучше спуститься с холма вниз, к двум шоссе, которые связывают Исламабад и Равалпинди. Они пересекаются на разных уровнях под прямым углом, а место пересечения называется «зироу пойнт» — «нулевая точка». Одно поперечное шоссе продолжает путь к горам по малонаселенным пока местам. Почти у самых гор приютился корреспондентский пункт «Известий». Вторая продольная магистраль прямой стрелой

бежит по оживленным местам, минуя несколько официальных зданий, магазины и ресторанчики «Абпара-маркета», и приводит к отелю «Шахразад». На этом пути всего три левых поворота — к министерству иностранных дел, на старую «Улицу посольств» и к ансамблю секретариата. После «Шахразада» прямая дорога ведет к советскому посольству — одному из последних зданий восточной части Исламабада. Дальше, почти у самых гор, строится городок Исламабадского университета.

Параллельно продольному шоссе идут четыре улицы и несколько переулков. На одном из перекрестков — вилла Айюб-хана, который живет здесь как частное лицо. Самая нарядная улица идет вдоль гор. Застроена она только с одной стороны, по другую — долина, поросшая кустарником и отдельными кряжистыми деревьями, за которой поднимается зеленая горная гряда. Почти над каждым коттеджем этой улицы поднят флаг какой-нибудь страны. Это означает, что дома облюбовали торговые миссии, международные организации или послы для своих резиденций.

Молодому городу не удалось избежать очень четкого социального расслоения. Казалось бы, кварталы одинаковы, но рассчитаны они на разное число жителей — от 10 тыс. до 40 тыс. В большинстве из них — свои школы, в некоторых — торговые центры, в каждом — мечети.

Сразу начали планироваться кварталы разных категорий — от особняков министров и просторных квартир в домах для чиновников высших рангов до крошечных каморок в стандартных кирпичных двухэтажных домиках со сквериками площадью с носовой платок.

Даже дорогие коттеджи в центральных секторах имеют крошечные участки. Владелец в погоне за прибылью пытается построить на своей земле не один, а два-три дома.

Плата за дом, как и во многих странах, взимается из расчета спальных комнат. Таковой считается любая, к которой пристроен туалет с ванной или душем. Самая просторная в доме столовая-гостиная, как правило, не берется в расчет. Таким образом, хозяину выгодно даже за счет площади каждой комнаты пристроить к ней ванную и приплюсовать к арендной плате еще 400—500 рупий в месяц.

Предприимчивый молодой брокер Накви, взявшийся подыскать для меня дом, удивился скромности запроса: два бедрума.

— Таких домов в Исламабаде нет! — с вежливой улыбкой заявил он.

Длительные поиски, позволившие обстоятельно познакомиться с интерьерами пустующих коттеджей, привели меня на окраину, где строительство только начинается. Там и был снят дом хотя и на «три бедрума», но подешевле. Одна из этих комнат все время пустовала, хотя и носила громкое название «гостевой».

Все население Исламабада четко делится на четыре категории: государственные чиновники всех рангов, дипломаты и другие сотрудники иностранных миссий, частные предприниматели и обслуживающий персонал. Промышленные предприятия, а следовательно, и рабочий класс полностью отсутствуют. Исключение составляют строители, но они — «временные» и живут в строящихся домах.

Климат здесь резко отличается от климата Карачи и других городов: сухая жара летом, когда ртутный столбик термометра нередко поднимается до 47—50 градусов, и приятная вечерняя прохлада зимой. Близость гор и разница температур дня и ночи часто вызывают волнения в атмосфере, и по естественной аэродинамической трубе проносятся мощные воздушные потоки: летом — пыльные бури, зимой — грозы.

Пыльные штормы всегда приходят с северо-запада. Сначала кажется, что грозовые тучи в той части горизонта сливаются с землей. Все закрывается движущейся пеленой. На какой-то момент природа замирает в ожидании, а затем начинается хаос. Плотная масса воздуха обрушивается на город. Скорость потока нередко достигает 100 км/час. Атака продолжается обычно минут 40, затем или начинается дождь, или вновь ослепительно светит солнце. Однажды воздушным потоком снесло два пролета кирпичного забора, которым был обнесен наш участок. У нового здания советского посольства сорвало кусок крыши и буквально выдавило огромное зеркальное стекло в представительском зале. После такого налета почти каждый подсчитывает убытки.

Грозы часто создают феерическое зрелище. Огнен-

ные змеи часами вьются по всему горизонту. Звучат громовые залпы. Непрерывно меняется ветер. Загнанные в долину грозовые облака доходят до снежных вершин и возвращаются обратно. Грозы выбирают обычно ночное время и продолжаются долго.

Зато наутро небо чистое, как голубой шелк, воздух прозрачен, на востоке отчетливо видны снежные шапки горной гряды Марри, а каждая складка окрестных вершин просматривается, как под рентгеновскими лучами.

В такие дни только что прилетевшие из других краев гости неизменно говорят:

— У вас здесь Кисловодск!

Так после шумного Карачи началась для меня тихая столичная жизнь.

Распорядок дня выработался быстро. Утром — местные газеты, телеграф, дела в городе, снова газеты, на этот раз доставленные из Карачи, посольство.

От меня до посольства около пяти миль. Как правило, на полпути навстречу мне вырывался сонм велосипедистов. Это значило, что в секретариате закончился присутственный день и мелкие служащие разъезжаются по домам. Одни спешат, другие не торопясь крутят педали и мирно беседуют, заняв всю проезжую часть. Приходилось резко сбрасывать скорость. По появлению потока можно проверять секундомер. Но иногда выпадали дни, когда не встретишь ни души. Что случилось? Ах, да, значит, сегодня какой-то праздник!

По привычке, приближаясь к Государственному секретариату, я ехал не спеша. Медленно приближался белоснежный, словно накрахмаленный, ансамбль зданий, состоящий из восьми шестизэтажных блоков. Они расположены ломаной линией. Узкие окна упрятаны в глубокие ниши, чтобы солнце не отвлекало чиновников от дел. Несмотря на то что все линии и углы прямые, пропорции соблюдены великолепно и весь ансамбль на фоне гор выглядит одновременно простым и величественным, строгим и живописным.

Рядом — строительная площадка, где возводится президентский дворец. В отличие от ультрасовременного секретариата в его проекте использованы черты могольского стиля. Дворец разместится в просторном парке. В центре основного здания — высокая арка, над ней — три ступенчатые надстройки, увенчанные неболь-

шим полукруглым куполом. Это придает необычную легкость массивному зданию.

Дальше — новый район посольств. Англичане построили свое здание на цоколе, похожем на крепость, контуры канадского и американского посольств к тому времени еще не определились.

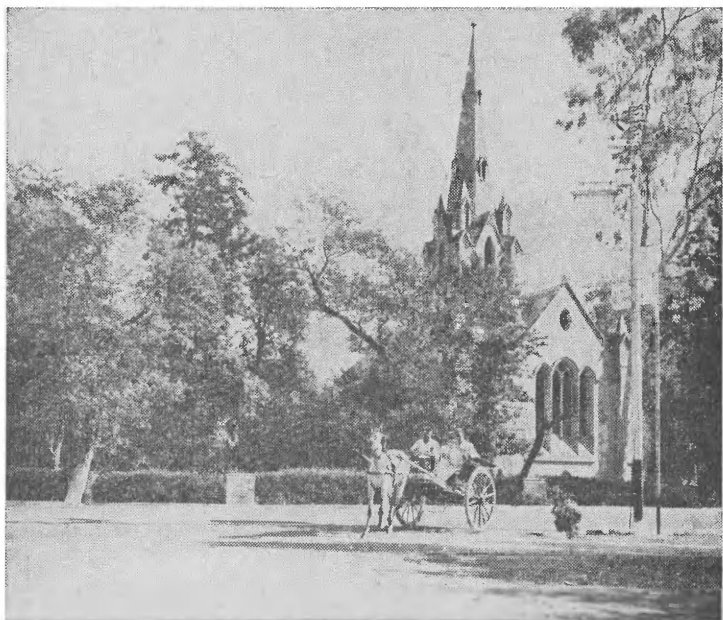
Над обширным квадратным участком, обнесенным легкой металлической изгородью, поднят советский флаг. Белоснежное трехэтажное здание посольства выглядит изящным и просторным. В отдалении стоят три жилых блока. Остальное пространство занимают заложённый парк и плавательный бассейн в окружении спортивных площадок.

Наступает вечер, и даже незастроенные улицы вспыхивают пунктирами огней. Тишину нарушает вой шакалов. Их стаи прекрасно освоились на пустырях, почти всякий раз свет автомобильных фар освещает их острые лисьи мордочки. Они исчезают в кустах, чтобы вновь занять место в ужасном хоре. В один из осенних дней я прогуливался с щенком. Вдруг Радж кинулся в кусты догонять шакалиху. Она бежала не торопясь и оглядываясь. С трудом удалось отозвать глупого щенка и спасти от верной гибели. Шакалиха заманивала его в стаю, где он был бы растерзан самцами.

Возле некоторых домов — скопления автомобилей, садики освещены иллюминацией. Через два-три месяца жизни здесь можно безошибочно определить, какое из посольств проводит прием, коктейль или фильм-шоу, по номерам машин легко узнать, кто из знакомых присутствует на приеме. Это в тех случаях, когда не нужно самому надевать темный костюм и отправляться по приглашению.

Молодые дипломаты и чиновники МИДа проводят вечера в Исламабад-клубе, расположенном за холмом Шакарпариан. Его главная достопримечательность — несоразмерно высокие вступительный и членский взносы.

Состоятельные пакистанцы чаще всего бывают в двух-трех ресторанах или отеле «Шахразад», а чиновники невысоких рангов забегают поужинать в кафе «Камран» и другие ресторанчики «Абпара-маркета», где готовят национальные блюда и можно выпить крепкий чай с молоком.

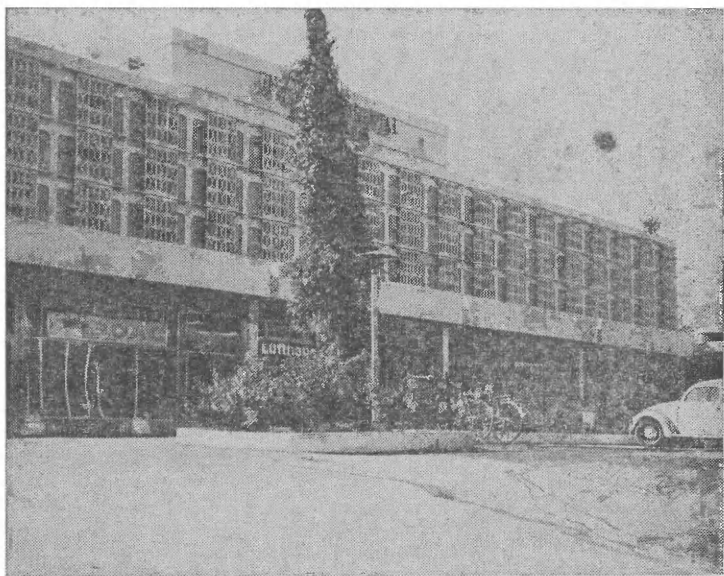

Старинный костел в центре Равалпинди

Исламабад засыпает рано, и лишь запоздалые машины с желтыми дипломатическими номерами проносятся время от времени по пустынным улицам.

Жизнь «в пустыне» имеет свою прелесть. В сотне метров от дома разбили свой табор белуджи. У них несколько превосходных лошадей и небольшое стадо буйволов, коров и коз, которые пасутся на пустырях. Каждое утро пожилой бородатый мужчина часами дрессирует молодую белую лошадку. Она скачет по кругу, словно на цирковом манеже. Хозяин исключительно терпелив и ласков с животными. Отношения у них превосходные. Скоро на этой лошадке будут обучать верховой езде детей состоятельных иностранцев.

На дереве с криком расселась стая крупных зеленых попугаев. Неожиданный визит объясняется тем, что в садике почти созрели небольшие декоративные подсолнухи. Птицы поочередно слетают с ветвей и вскоре

В таких отелях останавливаются обычно только иностранные туристы

возвращаются с желтым цветком в клюве. Затем подсолнух оказывается в лапке, и попугай начинает выклевывать мягкие зерна. Издали кажется, что он нюхает цветок. Визиты продолжаются несколько дней до тех пор, пока не истреблен последний подсолнух.

Однажды к нам пожаловала другая гостья — крупная мангуста. Она заглянула в комнату, безбоязненно поднялась на задние лапки, опираясь на оконную сетку, внимательно оглядела все и спокойно уселась умыться, блестя серо-коричневой шкуркой. В комнату с лаем ворвался щенок. Мангуста прекратила туалет, еще раз взглянула и скользнула куда-то в сторону. Несколько дней мы оставляли ей корм под верандой, но приручить Рики-Тикки-Тави (мы назвали ее по Киплинг) не удалось. Мангуста решила, вероятно, что соседство с собакой слишком беспокоит.

С каждым днем Равалпинди все яснее ощущает временность своего столичного статуса. Правда, резиден-

дия президента, несколько ведомств, в том числе главная полиция, департамент прессы, военные власти, газеты и телеграфные агентства еще не сменили штаб-квартиры. В Равалпинди расположены также международный аэропорт Чаклала и самый современный отель «Интерконтинентал».

Равалпинди построен как колониальный город, типичный для бывшей Британской Индии. Кантопмент вытянулся вдоль «главной улицы Азии», как часто называют трансасиатское шоссе. В центре к нему примыкает несколько торговых кварталов. Ближе к Исламабаду раскинулся сравнительно современный саттелайт-таун, где расположены госпитали и колледжи. Все это занимает процентов 40 городской площади, а живет здесь не более 10 процентов жителей. Основная масса населения ютится в старом городе, состоящем из лабиринтов узких улочек.

Не так давно торговые кварталы Пинди (как часто неофициально называют Равалпинди) имели монопо-

Встреча автобусов

Даже на шоссе гималайский медведь может дать небольшое представление

лию на кустарные изделия, ковры и антиквариат. До сих пор в лавочках Кашмир-корнера можно найти чеканные из меди и бронзы или вырезанные из дерева вещицы, сделанные с блестящим мастерством и вкусом. Но наиболее богатые купцы уже открыли свои филиалы в Исламабаде и организовали серийное производство вещей, пользующихся широким спросом. Поэтому на них легла печать некоторого стандарта.

В каждой из таких лавочек можно найти медные блюда, кувшины, подсвечники любых размеров и форм, металлические тарелки с эмалью, гонги, изделия из верблюжьей кожи и слоновой кости, звериные шкуры, резные вещи из дерева.

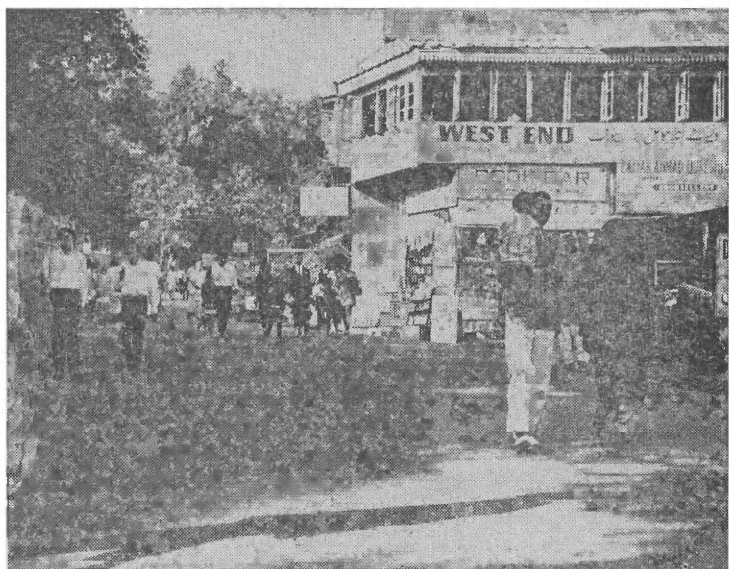
Если вы произвели на вежливого владельца впечатление солидного покупателя, вас приглашают поднять-

ся наверх по узкой темной лестнице. Включается свет, и вы оказываетесь в настоящем музее. Здесь истинные любители изделий подлинно народного искусства могут часами рассматривать уникальные вещи. Однако и цены на них соответственные. Меня особенно поразило, что не раз самым дорогим предметом в магазине оказывался старинный русский тульский самовар, невесть какими путями попавший в давние годы в эти края. Он всегда занимал наиболее почетное место и гордо сиял, начищенный до неистового блеска.

Еще одна особенность Равалпинди в том, что здесь категорически запрещено движение рикша-тэкси, этих маленьких шумных чудовищ. Их функции остались за самым благородным видом транспорта — резвыми и нарядными лошадками, впряженными в двухколесные повозки — тонги. На козлах может восседать не слишком опрятный возница, но можете быть уверены, что его четвероногий друг и кормилец будет чистым, ухоженным и накормленным. Не раз мне доводилось видеть даже иноходцев, впряженных в тонги.

У сельской школы. Занятия окончены

На улицах горного курорта всегда прохладно

В остальном улицы Равалпинди как две капли воды похожи на улицы других городов с пестрой толпой, беспорядочной торговлей и инстинктивной любовью ко всему красочному и яркому.

Два города, живущих рядом, являют собой разные эпохи, разный стиль и даже уклад жизни. И все-таки нельзя говорить о комплексе Равалпинди — Исламабад, не упомянув о третьем его компоненте — горном курорте Марри-хиллз, расположенном в 30 милях от Исламабада. Без Марри рассказ был бы не полон. Дорога, ведущая к небольшому городку, упорно ползет к вершинам. В самую жаркую пору здесь прохладно, чувствуется дыхание близких ледников. Гималайские сосны отбрасывают на дорогу длинные стрельчатые тени, а воздух напоен ароматом хвои.

По обочине медленно шагает за своим хозяином черный гималайский медведь с ослепительно белой манишкой. Обезьянье семейство хладнокровно пересекает дорогу. Только одна маленькая макака с детенышем,

вцепившимся в ее спину, опоздала и теперь переживает приближающуюся машину, свирепо фыркающая на нее.

На полпути, где над дорогой нависла скала, обязательная остановка. Здесь пробиваются прозрачные родники. Можно напиться самому, наполнить радиатор автомобиля, обменяться новостями.

Марри — небольшой городок, состоящий из пансионатов, дач и военного госпиталя. Начало ему было положено немногим более столетия назад, когда группа колониальных офицеров решила основать на вершине горную станцию для отдыха и восстановления сил после длительного пребывания в знойных долинах. Постепенно участки на склонах раскупили предприимчивые англичане, и они обросли небольшими отелями и коттеджами. После переезда в Исламабад иностранных посольств Марри пережил бум. Каждое из них стремилось приобрести или арендовать дачу для летнего отдыха. Сюда переносится в жаркие месяцы значительная часть дипломатической деятельности, доверительные переговоры и встречи послов. Зимой жизнь Марри замирает. Путь сюда надолго перекрывают снежные заносы. И все же в Пакистане частенько говорят, что Марри расположен на полпути к раю.

Восходящее солнце освещает могучие горные хребты Каракорума, поднявшиеся на севере. Летом к этим пикам устремляются экспедиции альпинистов из многих стран, чтобы отправиться на рискованный штурм вершин. В каждую из таких групп непременно включается пакистанский офицер.

К сожалению, посещение горного царства — Гилгита и Хунзы — осталось для меня пока несбывшейся мечтой.

ЗАДУМЧИВЫЕ УЛЫБКИ ТАКСИЛЫ

Монумент Маргалла не представляет собой архитектурной ценности, но место для него выбрано очень удачно. Бетонный обелиск, установленный на вершине холма, словно врывается в небо. Если ехать с запада или юга, он виден за много миль, и редкий путник минует это место без остановки.

Мраморные плиты, врезанные в каменное тело скалы у подножья холма, повествуют о двух событиях. Одна из них гласит, что обелиск установлен в конце прошлого века в память о британском бригадном генерале Джоне Никольсоне, вторая напоминает, что этот генерал был казнен народным мстителем Калех-ханом в 1857 г., когда в покоренной англичанами Индии вспыхнуло народное восстание, называемое иногда «восстание сипаев».

Долгие годы вокруг серого обелиска велись споры. Некоторые предлагали взорвать его. Их оппоненты утверждали, что монумент утратил значение памятника колонизатору и превратился в символ, напоминающий о борьбе против британского владычества. (Тогда-то и была установлена доска с именем Калех-хана.) Разрушение многотонной громадины было трудной задачей и в техническом плане: движение по одной из самых оживленных транспортных артерий страны остановилось бы на много дней. Поэтому решили просто переименовать обелиск. С недавнего времени он стал называться «Маргалла» — по имени холма, на вершине которого установлен.

Но для многих серый обелиск приобрел значение, ничем не связанное с именем Никольсона. Он высится

Молумент Маргалла

у выемки в скалах, которая ведет в долину Таксилы, замечательному историческому памятнику. В высеченных из камня или лепных скульптурах Гандхары — в древности страны на севере субконтинента — самым неожиданным образом сплетаются эллинизм, традиционное индийское искусство и буддизм. Этот сплав нередко называют школой «задумчивых улыбок».

На участке радиусом в несколько километров разбросаны монастыри, часовни, отдельные ступы, городские площади и кварталы, остатки крепостных стен. Все это было создано в течение тысячелетия.

«История Таксилы началась, когда мир был юным», — писал один из историков. В самом деле, она упоминается в первых буддийских источниках. По индийскому преданию, город основан Такшей, сыном

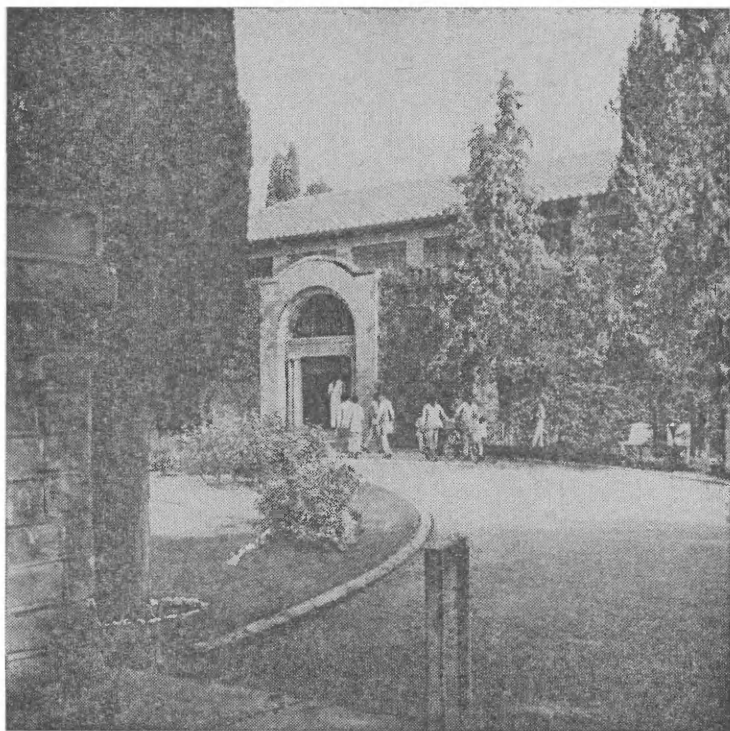
Бхараты. Древнее название города — Таккасила, или Такшашила, что означает предположительно «скала Такши».

Современное имя город приобрел во времена Александра Македонского. О Таксиле говорилось не только в эпосе «Махабхарата», отрывочные сведения о ней можно почерпнуть у Страбона, Плутарха, Филострата.

Таксила была одним из крупных центров Гандхары, где издревле пересекались важные торговые пути. В древние времена город славился как крупный центр науки и образования. Правители, представители знати и высших каст посылали в «университетский город» своих детей для завершения образования. Хотя рукописей не найдено, изобилие медных, каменных и особенно глиняных чернильниц, обнаруженных при раскопках, указывает на широкое распространение грамотности. Писали тогда на очень непрочном материале — бересте шрифтом «кхароштли» арамейского происхождения. Медицинская школа Таксилы была известна далеко за ее пределами. Окончить ее стремились будущие лекари, приезжавшие из многих стран. Здесь изучались также математика, астрономия, богословие и искусство.

Год рождения Таксилы определен довольно точно: 518 до н. э., а год гибели — 460 н. э. Некоторые исследователи полагают, что город был основан персами. Гандхара входила в состав империи Ахеменидов и считалась одной из самых дальних ее сатрапий. К этой эпохе относятся и первые археологические памятники. Последние строения датируются V в. н. э. В 460 г. н. э. «белые гунны» (эфталиты) разрушили Таксилу. Буддист-паломник Сун Юнь, побывавший в Гандхаре в 520 г. н. э., писал об опустошенной стране, даже не упоминая Таксилы. Через столетие, в 630 г. н. э., еще один пилигрим, Сюань Цзань, появившийся в Таксиле, снова говорит о запустении монастырей и междоусобной войне, терзающей страну. С этого момента история Таксилы надолго теряется в сумерках.

В течение этого периода произошло немало знаменательных событий. Одни из них описаны в литературных источниках, другие прочитаны учеными по каменной летописи раскопок, которые велись здесь в общей сложности более ста лет. Порой оба источника подтверждают друг друга, и тогда факт занимает прочное

Музей гандхарского искусства в Таксиле

место в фюлиантах истории. Но бывает и так, что данные вступают в противоречие, взаимно опровергаются, и ученым приходится ограничиваться гипотезами и ждать дальнейших исследований, которые принесут более точные данные.

Александр Македонский, завоевав Персеполь — столицу Ахеменидов, двинулся на Восток. Со своим экспедиционным войском в 326 г. до н. э. он перешел Инд, использовав для переправы мосты из лодок в том месте, где позднее будет построен форт Атток. Через несколько переходов его войско заняло цветущую Таксилу.

Правитель Таксилы решил не встречаться с пришельцами на поле битвы и обратился к Александру с мирным предложением. Правители обменялись цен-

«Остерегайтесь подделок!»

ными подарками, причем Александр принял только слонов и скот, но решительно отказался от серебра. После захвата Таксилы ее правитель выделил в помощь завоевателю пятитысячное войско для участия в следующем походе.

Александр дал своим воинам время для отдыха, а затем напал из Таксилы на короля Пора, или Пуру, чьи земли лежали в междуречье Джелама и Ченаба. Пор был соперником правителя Таксилы, и последнего устраивал союз с Александром, который, кстати, с восторгом отзывался о панджабских воинах, заявив, что в военном искусстве они превзошли все народы, которые он встретил в Азии. Затем его путь лежал к Мултану — где при первой атаке на город Александр был серьезно ранен — и южнее, к берегам Аравийского моря.

В III—II вв. до н. э. здесь был один из центров Греко-Бактрийской империи. Пору наиболее пышного

расцвета Таксила переживала в период Кушанского царства, особенно в годы правления Канишки. Столица Канишки и его наследников была в Пурушануре (нынешний Пешавар).

Империя кушанов возникла на обломках Греко-Бактрийского царства, распавшегося на рубеже новой эры. Во II в. н. э. в ее состав входила значительная часть Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Северо-Западной Индии и, как полагают, северо-восточная граница империи проходила где-то в Синьцзяне. Однако Кушанское царство ждала судьба его предшественников: в IV в. н. э. оно раскололось на отдельные княжества. Пакистанские историки считают, что Таксила пришла в полный упадок во время нашествия с севера «белых гуннов».

«Остерегайтесь подделок! На территории Таксилы вам будут в изобилии предлагать старинные скульптуры, терракоту, монеты. Это — фальсификация!»

Такой плакат, обращенный к туристам, встречает вас у въезда на территорию раскопок. Несколько деревьев превратили изготовление имитаций гандхарского искусства в доходный промысел. Головы Будды, статуэтки, сделанные из цемента или глины, стертые и позеленевшие «от времени» монеты, которые совсем недавно были горячими, порой трудно отличить от настоящих.

Авторы этих поделок, вернее, их посланцы с утра до вечера, словно ястребы, располагаются группами на вершинах окрестных холмов и зорко следят за автомобилями. В какую бы сторону ни направилась машина, они непременно изловят гостей.

— Это подлинный антик, сэр! — таинственным шепотом объявит первый из подбежавших «антикваров», протягивая скульптуру.— Всего шестьсот рупий.

— Пять! — спокойно парирует опытный покупатель, который здесь не впервые.

— Шестьдесят, сааб. Только для вас,— меняет тон продавец.

— Пять! — слышится в ответ.

— Тридцать,— почти умоляет продавец.

Хлопает дверца. Машина трогается.

— Будь по-вашему, сэр, берите,— несется вдогонку.

Подобные диалоги мне приходилось слышать де-

сятки раз. Следует отметить при этом, что лишь в исключительных случаях туристы уезжали без покупок.

Однажды нам с корреспондентом ТАСС Сергеем Соловьевым удалось покороче познакомиться с одним из изготовителей «древностей». Он проникся к нам доверием и пригласил в свой дом.

Узкая, извилистая улочка привела нас в чистенький дворик, в центре которого была привязана цепью огромная буйволица. Старуха, сидевшая рядом на корточках, сортировала стручки красного перца. На наш поклон она не обратила ни малейшего внимания.

— Это так, мелкий бизнес, — указал хозяин на головы будд-близнецов, разложенные для просушки. — Взгляните-ка сюда.

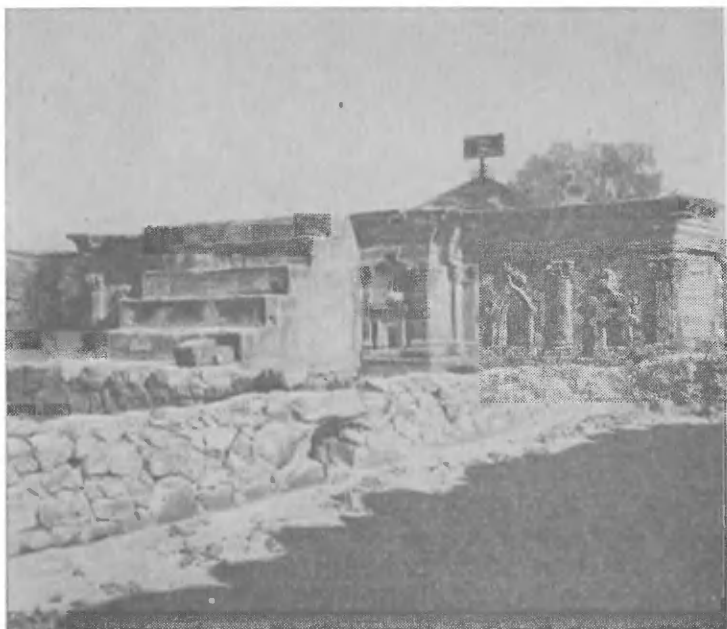
Он распахнул дверь сарайчика, и перед нашими глазами предстал горельеф из пяти человеческих фигур, с великолепным мастерством высеченных из серо-голубого сланца. Это был фрагмент из традиционной группы, которая обычно окружала статую Будды. По-видимому, эта скульптура была подлинной. Подтверждала это и цена, равная стоимости небольшого автомобиля.

Мы с интересом осмотрели скульптуру и, поставив хозяина в известность о том, что ничего общего не имеем с богатыми американцами, приобрели по две недорогих монеты, поинтересовавшись, на этой ли неделе они изготовлены и не может ли владелец указать адрес кузницы, где они сделаны. Хозяин улыбнулся и дал нам визитную карточку. Мы расстались друзьями.

В руинах Таксилы найдено около 15 тыс. различных монет, в том числе клад из 1167 монет, извлеченный из глиняного сосуда в Бхир-Маунде. Монеты местной и иноземной чеканки свидетельствуют как о смене правителей, так и о широких торговых связях Гандхары с Ираном, Средней Азией, Китаем и даже Сибирью.

На шестикилометровом участке раскопаны остатки трех районов Таксилы, свидетелей разных эпох. Бхир-Маунд был построен в IV в. до н. э., Сиркап — двумя столетиями позже и, наконец, Сирсукх — ровесник Канишки. Эта часть была обнесена мощными крепостными стенами.

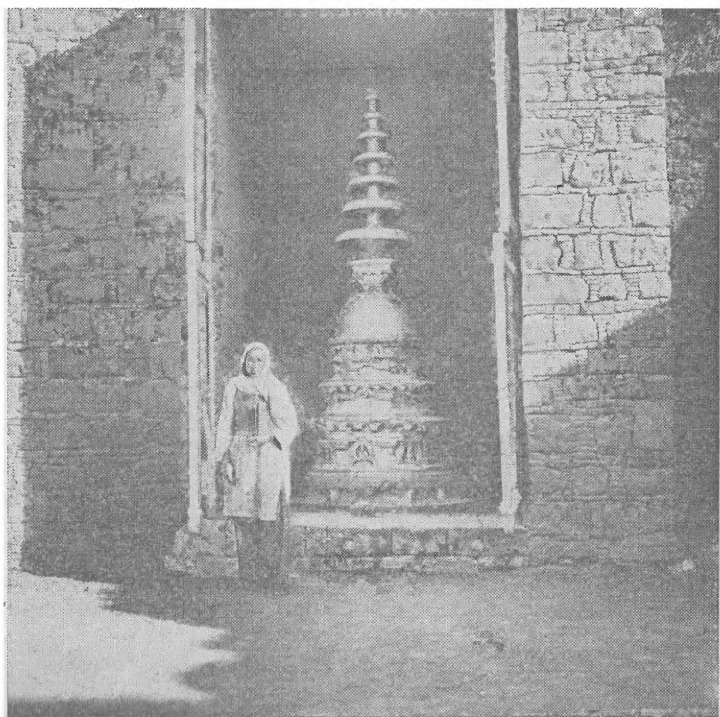
Неподалеку привлекают внимание развалины ступы Кунала. Когда-то она поднималась ввысь тремя

По этим улицам шагали воины Александра Македонского

террасами. Сохранившиеся фрагменты ступы говорят о смешении эллинистического и буддийского стилей. Это особенно видно в сравнении с соседним монастырем, построенным в традиционном стиле.

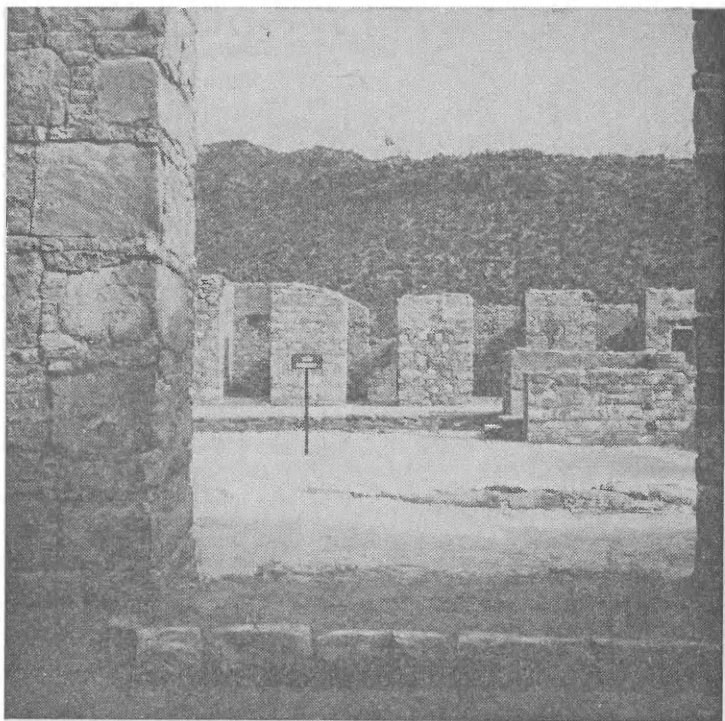
Со ступой Кунала связана легенда, записанная буддийским пилигримом Сюань Цзанем и найденная в тибетской хронике «Таранакха». В ней рассказывается, что храм был построен императором Апокой в честь его сына Кунала — наместника Таксилы — в том месте, где он потерял зрение. Мачеха Кунала влюбилась в него, но любовь внезапно сменилась ненавистью. Коварная и жестокая женщина подделала императорский указ, повелевающий выколоть Куналу глаза. Министры, усомнившись в подлинности указа, уклонились от его выполнения. Но Кунала, покорный отцовской воле, ослепил себя и в одежде нищего отправился в столицу царства — Пурушапуру, сопровождаемый своей женой.

Буддийская святыня

Ашока по голосу узнал в нищем своего любимого сына. Когда правда открылась ему, он приказал немедленно казнить преступницу. Ослепленный принц был канонизирован. В честь этого и выстроена ступа.

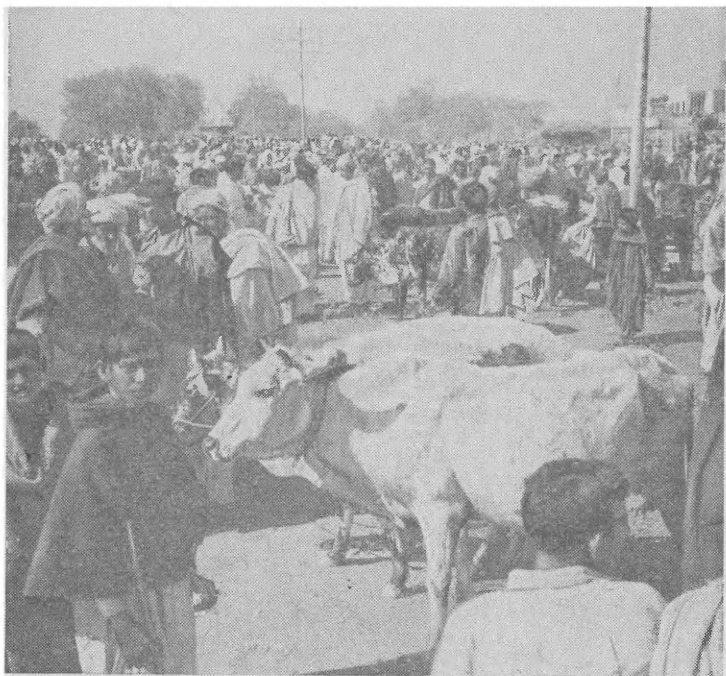
Туманной дымкой легенд окружены многие памятники Таксилы. Каждый из них имеет свой возраст. Району Бхир-Маунд 2500 лет, он — современник знаменитого Персеполя. Через столетие, в период Гупты, был построен монастырь Мохра-Мораду. По каменным мостовым Сиркапа гремели боевые колесницы и ступали сандалии воинов Александра Македонского. Район Сирсукх и Джаулианский монастырь — самые молодые свидетели славы и падения Таксилы — сооружены в период Кушанского царства.

Стены древнего буддийского монастыря

Сирсукх — хорошо укрепленный и спланированный светский город. Мощные шестиметровые крепостные стены охраняли покой его жителей от нашествий. Джаулиан — центр религии и образования. Две просторные площади с храмами в центре, расположенные на разных уровнях, окружены верандами. Главную ступу на верхней площади венчает изображение сидящего Будды. Пять малых ступ нижней площади украшает искусная резьба. Монастырь Мохра-Мораду отличают небольшие кельи, окружившие площадь. Полагают, что это был «университетский городок».

Монастыри расположены на уступах гор. В ущелье, которое ведет к ним, мирно пасутся стада коз и верблюдов. В будние дни наплыв посетителей невелик. Слу-

Скотный рынок близ Таксилы

житель любезно встречает любого и показывает остатки скульптуры, архитектурные детали и буддийские святыни, хранящиеся в закрытых помещениях.

Лучшие образцы гандхарского искусства давно перекочевали в музеи. И самое обидное, что многие из них — в копиях. Подлинники таких шедевров, как Голодающий Будда, и целые фрагменты украшений монастырей, уникальные монеты и изделия из бронзы находятся в Британском музее. Почти столетие туда уплывали самые ценные находки.

Немало великолепных произведений и в частных собраниях. Один из домов Лахора, куда я однажды был приглашен, напоминал филиал музея Таксилы. Хозяин дома, интеллигентный человек передовых взглядов, объяснил, что статуи и керамика найдены на земле, принадлежащей его жене.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦИКЛОНЫ

Еще в октябре 1968 г. ничто не предвещало ухода М. Айюб-хана с политической сцены. Казалось, что авторитет его непререкаем, силы оппозиции слабы и разрознены, а военные законы точно регламентируют жизнь страны, позволяя армии немедленно реагировать на любую попытку изменить существующее положение.

События обрушились на Пакистан в ноябре, словно циклон. Сигналом послужили выстрелы, прозвучавшие в Пешаваре. Студент политехнического колледжа дважды выстрелил из пистолета, покушаясь на жизнь М. Айюб-хана, выступавшего на 200-тысячном митинге. В ответ последовали аресты. В тюрьмы была отправлена верхушка оппозиции, в том числе председатель Партии пакистанского народа Зульфикар Али Бхутто и лидер Национальной народной партии Абдул Валихан.

Бывший министр иностранных дел З. А. Бхутто вышел из правительства М. Айюб-хана в 1966 г. под предлогом плохого состояния здоровья, а год спустя создал оппозиционную партию. Абдул Валихан был признанным лидером левого направления. Его отец Абдул Гаффар-хан в 30-е годы возглавлял пуштунское движение «краснорубашечников», сыгравшее заметную роль в борьбе с колонизаторами на севере Британской Индии.

М. Айюб-хан предпринимал все возможное для укрепления своего положения. «Нельзя допустить хаоса, который охватил страну в 1958 г.» — такова была главная мысль его выступлений. Он обвинял оппозицию в безрассудных и подрывных действиях и отсутствии какой-либо конструктивной программы.

Тем временем в стране начались массовые волнения. Они перекидывались из города в город, как лесной пожар: Карачи, Лахор, Лаялпур, Равалпинди. Все чаще в разных городах и районах вводился в действие «закон 144», запрещавший, в частности, сбор более пяти человек, и комендантский час. К концу ноября число арестованных исчислялось тысячами, а убитых и раненых в столкновениях с полицией и войсками — десятками.

В борьбу включился рабочий класс. Мощным выступлением пролетариата стала забастовка докеров Карачи. К ним присоединились рабочие крупнейших текстильных предприятий города. Правда, их требования были экономическими. Бастовали врачи, учителя, банковские служащие. В университетах — главных рассадниках волнений — прекратились занятия. Особенно острое положение сложилось в бывшей Восточной провинции. Бастовали города — Дакка, Читтагонг, Комилла.

Все чаще центральные улицы Карачи оставались безлюдными. На основании «Законов об обороне» вводилось военное положение. Тишину нарушали лишь шаги армейских патрулей. В такие дни события разгорались в рабочих районах, где чуть ли не ежедневно происходили стычки демонстрантов с полицией и войсками. Рабочие захватывали предприятия, блокировали станции окружной железной дороги. На улицах вырастали баррикады. То тут, то там толпа останавливала автобус, изгоняла пассажиров и водителя. Через несколько минут машина пылала. Однако делалось это с разбором. Поджигались только муниципальные автобусы, а не частных транспортных компаний. Это обстоятельство указывало, что действия толпы направляются чьей-то рукой.

Правящая партия Мусульманская лига одну за другой утрачивала позиции. В конце января разъяренная толпа ворвалась в дом Саеда Али Каусара — одного из видных функционеров партии в Карачи. Пять человек были убиты и более 10 ранены в возникшей перестрелке, но атакующие ворвались в дом. Все вещи и мебель Каусара были выброшены на мостовую и сожжены. Самому Каусару удалось скрыться. Толпа кинулась на розыски, но смогла только сжечь его старый автомобиль.

Али Каусар был одним из боссов, державших в руках целый район Аббас-маркета. Во время президентских выборов 1965 г. он такими же гангстерскими методами расправлялся со своими политическими противниками, разъезжая по району на джипе с шайкой молодчиков. Сейчас наступила пора возмездия.

Все больше потерь несли полицейские. Но едва в дело вступали регулярные войска, как положение менялось: в стране долгие годы создавался культ армии, и если в полицейских толпа видела истинных врагов, то к солдатам относилась со страхом и уважением, считая, что они выполняют свой долг и им нужно подчиняться.

События достигли апогея к середине февраля, когда был объявлен хартал. Слово «хартал» означает полное прекращение работы и торговли, что равнозначно всеобщей забастовке. Харталу, объявленному 14 февраля, предшествовали вполне определенные симптомы, указывающие на то, что положение в стране фактически вышло из-под контроля властей.

С начала февраля газеты печатали все что им заблагорассудится: цензура фактически прекратила существование. Многие журналисты и издатели, тесно связанные с оппозицией, не могли и не хотели скрывать своих симпатий.

13 февраля 1969 г. с газетных страниц, как по команде, исчезли портреты М. Айюб-хана, публиковавшиеся до этого если не каждый день, то через номер. На следующий день были напечатаны подробные отчеты о беспорядках в стране. Стало ясно, что борьбу за изменение существующего положения ведут теперь не только интеллигенция и студенчество, но и рабочие, мелкие чиновники, лавочники, ремесленники. К ним без промедления присоединились деклассированные элементы, зачастую использующие стихийную «демократию» для сведения личных счетов.

Утром улицы опустели. Накануне в газетах было объявлено, что автомобили могут выезжать только под черным флагом — знаком солидарности с бастующими и одновременно знаком траура по «жертвам режима Айюб-хана». Оппозиция решила игнорировать «закон 144».

В поездку по городу мы отправились впятером: корреспондент радио Иван Старшинов, Валерий Вавилов

(ТАСС), Александр Филиппов («Правда»), консул Бек Султан Басаев и я.

На перекрестках движение «регулируют» толпы подростков, вооруженных палками, которые применяются в основном для того, чтобы разогнать назойливых, как мухи, младших собратьев, получивших реальную возможность для игры в войну.

Разумеется, мы не можем выкидывать никаких черных флагов, равно как подчиниться требованию кричать: «Долой Айюба!» Нас пока защищают дипломатический номер и самодельные таблички «Пресса» на лобовом и заднем стеклах машины.

Пробиваемся в сторону Бандер-роуд через пикеты студентов. Один из них догоняет машину и бросает мне на колени черный флажок. Несколько раз останавливаемся в сторонке и выходим, смешавшись с толпой. Пока все относительно спокойно, но атмосфера наэлектризована. Мальчишки назойливо кричат: «Айюб мурдабад» — «Долой Айюба!»

В направлении мавзолея Мухаммада Али Джинны проходят небольшие колонны под антиправительственными лозунгами. Возбужденные люди скандируют лозунги. Опустевшие боковые улицы мальчишки превратили в площадки для игры в крикет.

Перед въездом в промышленную зону СИТЕ нас остановила полиция и попросила отвести «Волгу» за угол «для сохранности». В ближайшем дворике скопилось 20—25 полицейских. Они готовились к какой-то акции. Мы заявили, что поедем дальше. Быстро миновав безлюдную зону, машина въехала в Назимабад. Здесь толпы уже пришли в движение. Несколько человек бросились к нашей «Волге». Один из них лег на капот и кричал что-то своим спутникам, сверкая одичавшими глазами. Было видно, что он одурманен наркотиками. Момент был достаточно острый, но вновь на помощь подоспели студенты. После непродолжительных переговоров толпа расступилась. Один парень из студенческого патруля показал нам рукой в сторону моста Лас-Бела.

Миновав его, мы попали в район, заполненный военными. Армия вновь отсекла центр города от окраин и взяла под контроль мосты. Толпа на наших глазах пыталась прорваться к центру, но раздался взрыв гра-

наты, а затем сухие выстрелы. Люди беспорядочно хлынули обратно, оставив двоих на мостовой. За день в городе шесть человек были убиты и многие ранены. Тем временем на центральных улицах с треском опускались железные жалюзи на окнах магазинов. Шла возбужденная толпа, громя бары и винные лавки. На мостовых запылали костры из мебели.

На следующее утро газеты вышли под шапками: «Всеобщая забастовка в стране. Народ демонстрирует солидарность в борьбе за свои права и демократию. Завтра отменяются чрезвычайные военные законы. Бхутто и Вали-хан — на свободе».

Отмена военного положения, введенного 6 сентября 1965 г., явилась главным итогом всеобщей забастовки. На этот раз оно сохранялось, как скрупулезно подсчитали газеты, 3 года 5 месяцев и 10 дней.

М. Айюб-хан вынужден был пойти на уступки, но он еще не отказывался от власти, безуспешно пытаясь создать коалицию из правящей и семи наиболее умеренных оппозиционных партий, объединенных в Комитет демократических действий. Определились и главные требования оппозиции: изменить конституцию, заменить президентскую систему правления парламентарной, провести прямые выборы. Оппозиция явно склонялась к многопартийному представительству в выборных органах и будущем правительстве. Это было выгодно и властям, так как открывало широкие возможности «регулирования» состава такого правительства.

Большие надежды М. Айюб-хан и его кабинет возлагали на конференцию круглого стола с участием оппозиции, рассчитывая достигнуть приемлемого соглашения или выиграть время.

Переведенный 11 февраля из тюрьмы Борстал под домашний арест, Зульфикар Али Бхутто проследовал из Лахора в свой родной город Ларкану на севере Синда и обосновался в собственной резиденции «Аль-Муртаза». Он предпочел ехать поездом, а не лететь самолетом, опасаясь возможной диверсии. Сообщалось, что, когда он ехал в открытой машине по Ларкане, какой-то молодой человек пытался стрелять в него. Имя покушавшегося названо не было, но указывалась марка пистолета 25-го калибра.

«Аль-Муртаза» стала центром непримиримой оппо-

зиции. Здесь З. А. Бхутто встретился с экс-маршалом авиации Асгар-ханом, а затем объявил голодную забастовку до тех пор, пока не будут отменены чрезвычайные военные законы. Голодовка началась 14 февраля в 15 часов 40 минут. К счастью, она не угрожала здоровью Бхутто, так как через считанные часы поступило известие о решении М. Айюб-хана отменить военное положение. З. А. Бхутто поднялся с постели и немедленно связался по телефону с прессой, заявив, что ему необходимо обсудить создавшееся положение с друзьями, так как он три месяца находился в тюрьме. Касаясь итогов всеобщей забастовки, он сказал, что она позволяет объективно оценить настроения в стране.

Через день трехцветный флаг Партии пакистанского народа взвился над площадью Мухаммада Али Джинны в Карачи. Зульфикар Али Бхутто произнес свою первую после освобождения речь, обращенную к многотысячной аудитории. Он показал, что не утратил искусства держать ее в руках. «Одной рукой правительство организует переговоры за круглым столом с лидерами оппозиции, а другой продолжает репрессии и насилия против народа», — заявил он и недвусмысленно напомнил, что население Карачи подвергается преследованиям только из-за того, что на прошлых президентских выборах оно не выразило доверия Айюбу.

Вступив в открытую политическую борьбу с М. Айюб-ханом, Бхутто объявил радикальную программу демократизации пакистанского общества, которая помогла ему на будущих выборах.

Как и следовало ожидать, конференция круглого стола не имела успеха. В ней отказались участвовать представители партий, не вошедших в Комитет демократических действий, в том числе партии З. А. Бхутто, собравшей под свои знамена наиболее активные силы оппозиции. Ее лидер заявил, что предпочитает конференцию круглого стола с участием всего народа переговорам, созванным М. Айюб-ханом.

Заседания конференции, состоявшейся 25 февраля и 10 марта 1969 г., ограничились изложением позиций сторон и обращением к студентам, рабочим, крестьянам и интеллигенции с призывом сохранять в стране мирную обстановку и избегать любых обострений. Однако волнения усиливались.

Одним из самых значительных фактов было участие в конференции Шейха Муджибур Рахмана, лидера партии «Авами лиг». Он занял наиболее твердую позицию, отстаивая интересы Восточного Пакистана. Незадолго до этого он с ликованием был встречен народом после выхода из тюрьмы, куда он был брошен в 1966 г. Ему инкриминировалось участие в «заговоре в Агартале». Незадолго до ареста Муджибур Рахман обнаружил программу «шести пунктов», с которой нам предстоит подробнее познакомиться в следующем репортаже.

Вечером 25 марта М. Айюб-хан последний раз обратился по радио к населению как президент страны и объявил об уходе с этого поста. Власть передавалась в руки армии и ее командующего — 52-летнего генерала Ага Мухаммада Яхья-хана. В письме к А. М. Яхья-хану бывший президент констатировал, что «положение в стране вышло из-под контроля и он вынужден призвать армию, чтобы вернуть страну на путь прогресса на основе соблюдения гражданских и конституционных прав». Страна была разделена на две зоны — «А» и «Б» (Западный и Восточный Пакистан), 25 статей военных законов строго регламентировали жизнь страны под управлением военной администрации.

Главкомандующий пакистанской армии А. М. Яхья-хан занял этот пост в марте 1966 г., сменив генерала Мухаммада Мусу. Он учился в Лахорском университете и окончил военную академию в колониальной Индии. В 1938 г. Яхья-хан получил первый офицерский чин, а в сорок лет — генеральское звание. В годы второй мировой войны командовал полком, сражавшимся в Египте, Ливии, Сирии, на Кипре, в Ираке и Италии.

31 марта Яхья-хан принял на себя обязанности президента Пакистана. Он заявил, что главной задачей своего режима считает создание условий для проведения выборов и передачи власти конституционному правительству.

Вскоре было удовлетворено одно из главных требований оппозиции. В Западном Пакистане вместо единой провинции, объединившей в 1955 г. все территории этой части страны, вновь создавались четыре автономные провинции — Панджаб, Синд, Северо-Западная пограничная и Белуджистан.

Разумеется, в условиях военного положения о реаль-

ной автономии нельзя было и думать. Были определены лишь границы провинций, назначены новые военные губернаторы, а местные политические круги получили возможность хотя бы формально распределить портфели в будущих правительствах провинций.

Введение нового административного деления сопровождалось известными трудностями. Произошли волнения в бывшем княжестве Бахавалпур, политические деятели которого требовали статуса отдельной провинции.

Карачи переживал особое возбуждение, так как мнения о его будущем разделились. Некоторые ретивые деятели требовали возвращения сюда столицы. Другие предлагали объявить округ Карачи самостоятельной провинцией, а город — «вольным портом». Раздавались и робкие голоса, ратующие за то, что Карачи следует сделать столицей Синда, хотя на то же претендовали высшие круги Хайдарабада.

По указу президента Карачи объединялся с Синдом и становился столицей провинции. Бахавалпур присоединялся к Панджабу, а территория бывшего княжества Лас-Бела и один из районов Хайрпура включались в состав Белуджистана. Исламабад объявлялся центральной административной территорией. Под непосредственное руководство центра отдавалась и полоса племен на границе с Афганистаном.

Вновь созданные провинции выглядят следующим образом.

Панджаб. Столица — Лахор, наиболее крупные города — Лаялпур и Мултан. Пять областей, 19 округов. Население — 37 млн., из них 28 млн. — сельское.

Промышленность выпускает 45 процентов всей продукции страны.

Сельское хозяйство: обрабатываемые площади — 25,4 млн. акров. Продукция: пшеница, рис, хлопок, сахарный тростник.

Образование: в провинции 21 647 школ всех ступеней, 119 колледжей и два университета.

Синд. Столица — Карачи, следующие по населению города — Хайдарабад (свыше 1 млн. жителей) и Суккур. Три области, 11 округов.

Население — 14 млн.

Промышленность, сосредоточенная главным образом в Карачи, дает половину всей продукции страны.

Сельское хозяйство: обрабатывается 13,87 млн. акров, продукция: пшеница, рис, хлопок и сахарный тростник.

В провинции 10 562 школы (начальные, средние и высшие), 77 колледжей и два университета.

СЗПП (Северо-Западная пограничная провинция). Столица — Пешавар. Три области, 9 округов.

Население — 10,5 млн., из них 9 млн. сельское.

Промышленность дает 4,5 процента продукции страны. Обрабатываемые площади — 3,3 млн. акров.

С них получают пшеницу, хлопок, сахарный тростник. В провинции один университет, 2906 школ, 26 колледжей.

Белуджистан. Столица — Кветта. Две области, 10 округов. Население — 2,5 млн., из них 2 млн. — сельское.

Промышленность дает всего 0,5 процента продукции. Обрабатывается 4,53 млн. акров, с которых получают пшеницу и рис. В провинции 1358 школ и 6 колледжей. Первый университет в Белуджистане был открыт только в 1970 г.

Таковы самые общие данные, которые показывают крайне неравномерное развитие провинций. Однако ликвидация единой провинции Западный Пакистан открывала в перспективе определенные возможности для национального развития панджабцев, синдхов, пуштунов и белуджей — четырех основных народностей Пакистана, имеющих свою историю, литературу, культурные традиции.

Пакистан вступил в новый период своей истории.

ПАРТИИ И ЛИДЕРЫ

Мы не можем позволить себе роскошь иметь 37 политических партий

(Газета «Дейли ньюс», Карачи)

С приходом к управлению страной военной администрации А. М. Яхья-хана деятельность существующих политических партий не была запрещена. Наоборот, количество их вскоре резко увеличилось. Мусульманская лига раскололась на три группировки. Президент федерации профсоюзов Б. А. Бахтиари призывал к организации рабочей партии, защищающей интересы трудящихся. Экс-маршал авиации и бывший президент авиакомпании PIA Асгар-хан начал создавать Партию справедливости.

— Чтобы создать новую партию, необходимо иметь шесть приятелей и 100 тыс. рупий, — шутили пакистанцы.

Лидеры партий и группировок обрушили на головы читателей водопад программ, призывов и лозунгов. Диапазон их был широк — от обещания кардинальных экономических реформ, не имевших под собой реального фундамента, до поощрения любого экстремизма. На рубеже 1970 г. позиции многочисленных партий определились: они заняли места на флангах и в центре.

Недавние события показали, что если до сих пор те или иные политические лидеры видели опору в кругах интеллигенции, студенчества и бизнеса, то теперь на сцену вышли массовые силы — рабочий класс, мелкая буржуазия и земледельцы. Важно было привлечь эти группы на свою сторону.

Президент Яхья-хан при всяком удобном случае повторял, что не имеет никаких политических притязаний

и сразу после установления стабильного положения готов провести выборы, чтобы передать власть избранным представителям народа.

Военная администрация, становясь у руля, четко представляла, что в первую очередь ей необходимо завоевать если не симпатии населения, то хотя бы одобрение предпринимаемых мер, направленных на стабилизацию экономики. Необходимо было также ослабить пресс, который все сильнее сжимал трудовой люд. Особенно волновало власти положение в Восточной провинции (ныне Народная Республика Бангладеш).

Был опубликован список 303 крупных государственных чиновников, отстраненных президентом от должностей и обвиненных в коррупции. Предпринимались шаги к увеличению заработной платы рабочих, однако номинальное ее повышение немедленно уничтожалось ростом цен на предметы первой необходимости. Поэтому забастовки в стране не прекращались, а принимали все больший размах. В декабре 1969 г. забастовали 12 тыс. строителей плотины Тарбела. Рабочих поддержала Национальная студенческая федерация. Стачка закончилась убедительной победой рабочих: были освобождены арестованные профсоюзные лидеры и удовлетворен ряд экономических требований.

Несмотря на действие чрезвычайных военных законов, Яхья-хан декларировал свободу политической активности. Такая мера оказалась необходимой для проведения предвыборной кампании. Однако предварительно президент и военная администрация обезопасили себя от любой критики.

Распоряжение президента, получившее силу закона, гласило: «Ни одна партия не должна высказывать мнения или совершать действия, которые могут нанести ущерб идеологии, целостности или безопасности Пакистана. Власти должны заранее ставиться в известность о всех намечаемых мероприятиях. Лица, уволенные по любым мотивам с государственной службы, не имеют права в течение трех лет заниматься политической деятельностью, состоять в партиях, выступать на митингах, участвовать в процессиях и демонстрациях». Было особо подчеркнуто, что свобода политической активности не распространяется на Коммунистическую партию, запрещенную еще в 1954 г.

Говоря иными словами, лидерам разрешалось критиковать «режим М. Айюб-хана» и друг друга, не касаясь острых политических проблем. Правительство, в свою очередь, получило возможность наблюдать за развитием событий и вмешиваться в их ход, когда найдет нужным.

Правые партии ратовали за установление в стране порядка на основе исламских законов, сохранение привилегий помещиков и капиталистов, усиление конфронтации с Индией. Одновременно они призывали к ожесточенной борьбе с проникновением инакомыслия и прогрессивных социалистических идей. Этот фланг представляли расколовшаяся Мусульманская лига, Демократическая партия, созданная в Восточной провинции Нурул Амином, и оплот пакистанских реакционеров — «Джамаат-ислами», которая объединила крайне правые силы. Она была хорошо организована, опиралась и оказывала влияние на верующих, и недооценивать ее значение было бы ошибкой.

Реформаторские партии «центра», чаще всего эфемерные, в основном занимались демагогией. Разницу в их расплывчатых программах и манифестах уловить: было трудно. Здесь, как правильно констатировала одна из газет, шла конкуренция «не партий, а лидеров».

Левые партии выступали за демократизацию общества, народное представительство, национализацию основных отраслей промышленности, улучшение условий жизни трудящихся, независимую внешнюю политику.

Если отдельные партии и группировки могли вести полемику по частным вопросам и деталям, то различия между флангами представлялись принципиальными, а часто несовместимыми.

К левым силам относили Национальную народную партию, расколовшуюся в свое время на две группы — Абдул Вали-хана и А. Бхашани, Партию пакистанского народа, созданную З. А. Бхутто, и «Авами лиг» Муджибур Рахмана.

Характерно, что из четырех названных партий две имели основное влияние в западных провинциях, две — в Восточной провинции.

Маулана Бхашани — «крестьянский лидер», как его называла пресса, был опытным, выдавшим виды политическим деятелем. Маулана, которому исполнилось тогда 86 лет, жил в деревне Сантош (140 км от Дакки), окру-

женный энергичными помощниками явно экстремистского толка. Он требовал «пищи и автономии до выборов», заявлял, что его партия «борется не за власть, а стремится помочь народу преодолеть горести». В пространной программе его партии предусматривались восстановление региональной автономии, гражданских свобод, выход страны из СЕНТО и СЕАТО, реорганизация системы обороны, ограничение земельных владений и ослабление налогового гнета трудящихся. «Ответственность за оборону, международные отношения и денежное обращение несет центральное правительство, — говорилось в программе. — Все остальные сферы находятся в ведении правительств Западного и Восточного Пакистана».

С Абдул Вали-ханом мне довелось познакомиться на пресс-конференции, проведенной в Карачи, в штаб-квартире партии. Высокий седой человек в пуштунском национальном костюме изложил программу Национальной народной партии и заявил, что она готова в любой момент сформировать правительство.

Программа ННП была сформулирована более конкретно. Она требовала национализации всех важных отраслей промышленности, конфискации иностранного капитала, полного разрыва с агрессивными блоками. В ней говорилось об углублении сотрудничества с социалистическими странами, введении рабочего контроля на производстве и т. д. «Партия верит, — говорилось в заключение, — что социализм — это решение экономических проблем, стоящих перед народом». Было выдвинуто шесть первоочередных требований: восстановление гражданских прав; отмена реакционных законов; снятие ограничений с прессы; освобождение всех политических заключенных, студенческих и рабочих лидеров; признание автономии университетов и уменьшение платы за обучение студентов.

Партия З. А. Бхутто выдвинула гибкую программу из 19 пунктов. «Крестьяне и рабочий класс, как создатели национального достояния, должны пользоваться плодами своего труда. Все аграрные и индустриальные программы должны прямо способствовать повышению благосостояния трудового народа». «Национализация финансов и ключевых секторов индустрии с целью содействия быстрому промышленному прогрессу и унич-

тожению эксплуатации народа привилегированным меньшинством. Ликвидация иностранного вмешательства во внутренние дела Пакистана». «Аграрные мероприятия ликвидируют эксплуатацию земледельцев, искореняют феодальную систему. Принимаются действенные шаги к организации крестьянских групп взаимопомощи и кооперативов. Уничтожение феодализма». И хотя в программе были завуалированы некоторые актуальные вопросы — автономия провинций, выход из блоков, функции центрального правительства, размеры землевладения и другие, вызывающие наиболее жаркие дискуссии, — она устраивала представителей самых различных кругов, особенно в западных провинциях. Зульфикар Али Бхутто выдвинул лозунг: «Ислам — наша вера, демократия — наша политика, социализм — наша экономика! Вся власть народу!» С этими лозунгами партия двинулась к выборам.

Зульфикар Али Бхутто родился в Ларкане 5 января 1928 г. Его отец Шахнаваз Али Бхутто был видным политическим деятелем в 30-е годы, выступал за образование автономной провинции Синд. Он стал главным советником правительства Синда после отделения его от Бомбейского президентства.

В 1936 г. он уехал с семьей в княжество Джунатах. В Ларкану Зульфикар Али Бхутто возвратился после завершения образования. Учился он в университете Беркли (Калифорния), где изучал искусство и политические дисциплины, а затем продолжил образование в Оксфорде. Свою карьеру на родине З. А. Бхутто начал как преподаватель и адвокат, а политическую деятельность — как председатель Молодежного фронта Синда.

В течение двух дней — 27 и 28 октября 1958 г. — Бхутто пришлось дважды приносить министерскую присягу: в последнем кабинете президента Искандера Мирзы и первом военном кабинете Айюб-хана. Ему шел в ту пору 31-й год.

Шейху Муджибур Рахману не сопутствовала столь блистательная политическая карьера. Он родился в бенгальской деревне Тангипара, неподалеку от Фаридпура, 17 марта 1920 г., закончил школу в ближайшем городке, а затем Исламский колледж в Калькутте.

Политическая деятельность Шейха Муджибур Рах-

мана началась в конце 30-х годов. Он был избран в правление мусульманской студенческой федерации и секретарем местного отделения Мусульманской лиги в Гоялгандже. Вскоре после образования Пакистана он был арестован как активный организатор первого движения за признание бенгальского языка государственным. Когда Муджибур Рахман находился в заключении, его избрали секретарем партии «Авами лиг». Популярность молодого, энергичного и принципиального деятеля росла. В 1949 г. его вновь арестовывают за участие в демонстрациях, вызванных продовольственным кризисом. Во время «лингвистических волнений» Муджибур Рахман провел 11-дневную голодную забастовку.

После освобождения в 1952 г. он избирается генеральным секретарем партии, а через два года — депутатом провинциальной ассамблеи. В правительстве Объединенного фронта, возглавляемом Фазлул Хаком, Муджибур Рахман получает портфель министра по делам кооперации и сельскохозяйственного кредита. В июне 1955 г. он избирается депутатом Учредительного собрания Пакистана. Осенью 1956 г. Муджибур Рахман в провинциальном правительстве Восточного Пакистана занимает посты министра торговли и промышленности.

В сентябре 1956 г. «Авами лиг» сформировала новое коалиционное правительство. Лидер правого крыла партии Х. Ш. Сухраварди становится премьер-министром Пакистана. Муджибур Рахман в этот период совершает ряд важных поездок. Как личный посол премьера, он посетил Советский Союз и европейские страны. В Женеве очередную поездку пришлось прервать. Правительство Х. Ш. Сухраварди пало.

После военного переворота М. Айюб-хана Муджибур Рахман арестовывается трижды — в 1959, 1962 и 1966 гг. В 1963 г. он стал одним из организаторов оппозиции правящей Мусульманской лиге.

В начале 1966 г. Муджибур Рахман обнародовал программу из шести пунктов, которая получила название программы «шести пунктов» и стала знаменем бенгальского национального движения в Пакистане. 8 мая 1966 г. Муджибур Рахман вновь оказался за решеткой по обвинению в антигосударственном заговоре.

На первый взгляд программа «шести пунктов» многим отличалась от других левых программ. Она так-

же требовала национальной автономии и демократических свобод, пропорционального по количеству избирателей представительства в парламенте.

Существенно отличали эту программу от других пункты, гарантирующие автономию Восточной провинции не на бумаге, а на деле. В ней говорилось, что в ведении центрального правительства должны остаться только оборона и международные отношения.

Что касается финансовой системы, то ее надо решительно изменить, чтобы остановить перелив капитала из одной части страны в другую. Муджибур Рахман и «Авами лиг» предлагали ввести для обеих частей страны разные валюты или, сохранив одну, ввести отдельные счета для международной торговли, иностранной помощи и сбора налогов. Доход, получаемый Восточным Пакистаном, должен был оставаться под контролем местного правительства. Для общегосударственных целей создавался специальный объединенный фонд, складывающийся из пропорциональных отчислений Запада и Востока. Программа «шести пунктов» вызвала бурю. Правительственные чиновники, «22 семейства», правые партии, а также финансовые и торговые круги Запада прилагали все силы для того, чтобы сохранить существующее положение без всяких изменений.

Атмосфера накалялась. В дни волнений 1968 г. студенты Дакки выдвинули программу «11 пунктов», решительно поддерживающую «Авами лиг».

Требование прекращения дела «о заговоре в Агартале» и освобождения из тюрьмы Муджибур Рахмана стало всеобщим. Военные власти вынуждены были пойти на уступки. Освобождение Муджибур Рахмана оказалось поистине триумфальным. В Дакке состоялся миллионный митинг, организованный в его честь студентами. Лидер «Авами лиг» выступил с речью и объявил три принципа политической программы партии: региональная автономия на основе программы «шести пунктов», пропорциональное представительство в парламенте, ликвидация единой провинции Западный Пакистан и предоставление автономии провинциям в этой части страны.

Подавляющее большинство населения Восточного Пакистана поддерживало Муджибур Рахмана. Правительство Яхья-хана вынуждено было маневрировать.

СВИДАНИЕ С МИСС МОХЕНДЖО-ДАРО

Однажды мне подарили маленькую бронзовую статуэтку танцовщицы, объяснив, что это точная копия фигурки, пришедшей к нам из тьмы веков. Девушка застыла, гордо подбоченясь. Она уверена в успехе и ждет взрыва аплодисментов. Лево́й рукой, от запястья до плеча унизанной браслетами, танцовщица оперлась о колено, не без кокетства показывая, что немного устала: то ли от танца, то ли от тяжести браслетов. Сразу вспомнилась реклама с изображением той же статуэтки, призывающая посетить раскопки древнего города. Она гласила: «Повстречайтесь с танцующей девушкой из Мохенджо-Даро — прекрасной леди зари истории. Ее выступления состоялись 5 тысяч лет назад...»

Подлинник бронзовой фигурки — гордость делийского музея. Она была найдена при раскопках Мохенджо-Даро, неожиданно представшего перед археологами во всем блеске почти неизвестной до той поры культуры. Открытие и изучение одного из древнейших городов мира опрокинуло многие представления, сложившиеся к тому времени в науке. Произошло это в начале 20-х годов нашего столетия.

Я давно собирался в Мохенджо-Даро, но ждал прилета археолога Анатолия Щетенко, изучающего древнюю историю долины Инда. Не было смысла лишаться столь квалифицированного гида. Ему предстояло посетить многие архитектурные заповедники Пакистана, намеченная программа поездок по стране была довольно напряженной. В вечер его прилета мы оговорили день встречи в Мохенджо-Даро.

...Миновав шумный Хайдарабад, мы проехали у под-

ножия Киртарских гор. Машина мчалась по инспекторской дороге вдоль рисового канала, оставляя за собой густую пыльную завесу. Это последние 600 км, разделяющие Карачи и древний город. Мы едем компанией: десятилетняя дочь Марина и лихой шофер Абдулла — веселый и разбитой паренёк. В школе Марине разрешили пропустить три дня занятий с условием подробно рассказать о поездке всему классу.

В поездке Марина выполняет роль экономки. Она заведует продовольственными запасами, состоящими главным образом из тщательно перемытых и выдержанных в растворе марганца фруктов, упакованных в стерильные пакеты, и холодной содовой воды.

— Смотрите, не подхватите холеру или амёбку (амёбная дизентерия)! В Мултানে снова вспышка холеры, а это в тех же краях! — напутствовала жена.

Время от времени Марина деловито лезет в пакет и угощает нас апельсинами. Абдулла ухитряется чистить их на полной скорости. Я же лишен главного удовольствия полакомиться в придорожных корчмах. На этот раз эксперименты такого рода исключались.

Под вечер наша «Волга» остановилась в треугольнике, образованном уютным зданием музея с барельефом слона во всю стену, небольшим аэродромом и огромным музеем под открытым небом.

— Вас ждали вчера, — любезно встретил нас молодой научный сотрудник Мумтаз Хусейн, — ведь сегодня нет самолета, а мы не подумали, что вы воспользуетесь автомобилем. Русский доктор по приглашению французского коллеги — профессора Казалья — уехал на другие раскопки и возвратится только ночью.

В оставшееся светлое время мы бродили по вырытым из земли кварталам, не уставая восхищаться мастерством древних строителей. Невольно вспомнились строки Маяковского: «Так в наши дни вошел водопровод, сработанный еще рабами Рима». Поэт не знал, что создателей Мохенджо-Даро отделял от римских рабов не меньший отрезок времени, чем древних римлян от наших дней.

Уже несколько месяцев пакистанские газеты, радио и телевидение били тревогу. На Мохенджо-Даро вновь напали его извечные враги: вода, поднимающаяся из земных глубин, и соль, инеем выступающая под паля-

щим солнцем и разъедающая кирпичные стены. В Пакистан была приглашена комиссия ЮНЕСКО во главе с видным английским археологом Мортимером Уилером, который много лет работал в стране, вел раскопки и сделал немало ценных открытий. Ученые пяти стран пришли к выводу, что неповторимый памятник мировой культуры необходимо спасти. Для этого было решено создать международный фонд, как это было в Нубийской пустыне*.

Анатолий Щетенко, проживший в небольшом «рест-хаузе» при музее 10 дней, основательно изучил памятник. Не был он только в одном из кварталов города, посещение которого отложил до моего приезда. Из беседы с археологом, которая продолжалась в общей сложности 48 часов, и появился этот рассказ.

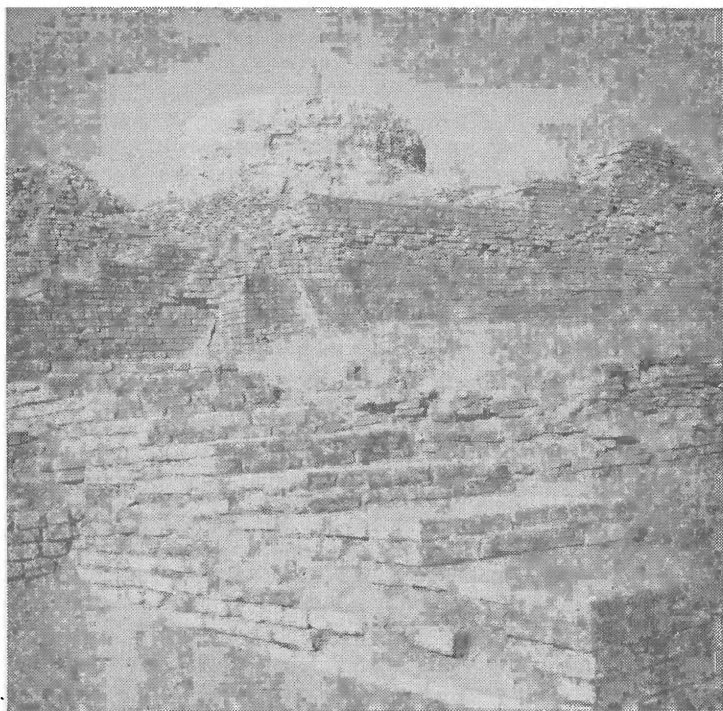
В 1856 г. на территории нынешнего Пакистана было сделано изумительное открытие, которое научный мир оценил по достоинству лишь много лет спустя. У небольшой деревушки Хараппа археолог Александер Каннингем нашел загадочный предмет: на камне цвета слоновой кости были высечены горбатый бык и неизвестные знаки, напоминающие иероглифы.

Холм, где обнаружилась находка, был «сложен» из красного обожженного кирпича. Английская компания, строившая в то время стратегическую дорогу с юга на север, разрушала остатки древних строений и использовала их как балласт для железнодорожного полотна. Много лет брали отсюда кирпич для своих построек и жители окрестных деревень. Так исчезал с лица земли один из уникальных городов древности, куда в 1921 г. приехал археолог Р. Сахни.

Не прошло и года, как мировая научная пресса запестрела сенсационными сообщениями о существовании древнейшей цивилизации долины Инда. Важнейшим тому свидетельством было открытие еще одного города — Мохенджо-Даро, находившегося от Хараппы на расстоянии 400 миль, но имевшего с ним много общего. Индийские ученые Р. Сахни и Р. Банерджи откапывали улицы городов-близнецов: одинаковые прямоугольные кварталы с четкой планировкой, застроенные кирпич-

---

* В 1971 г. такой фонд был создан, а пакистанские власти разработали программу сохранения Мохенджо-Даро и развития всего прилегающего района.

Никто не знает, какие секреты таятся в толще холма под буддийской ступой

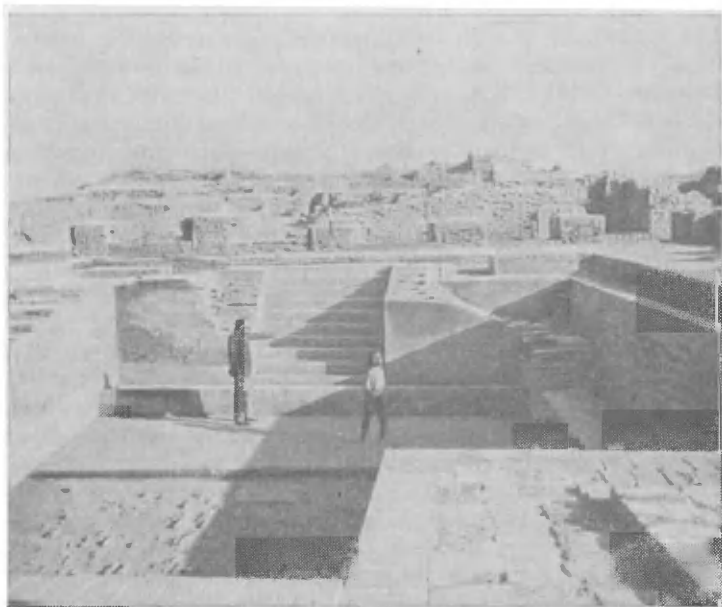
ными домами. Поражало сходство архитектуры, строительных приемов и материалов. Разница была лишь в том, что Мохенджо-Даро не был расхищен предприимчивыми подрядчиками, а поэтому сохранился гораздо лучше.

Экспедиции из разных стран, возглавляемые видными учеными, устремились к холмам Хараппы и Мохенджо-Даро, постепенно освобождая от земли новые и новые строения и кварталы неизвестных науке городов. Так явилась миру хараппская цивилизация, которую называют также индской культурой.

Десятки находок рождали сотни загадок. Многие археологи отрицали самостоятельный характер индской

культуры, считая ее восточным вариантом шумерской цивилизации. По утверждениям других, Хараппа и Мохенджо-Даро вовсе не походили на своих ровесников из Шумера, Элама и раннединастического Египта. У городов Двуречья была иная планировка, а основным материалом для построек служил кирпич-сырец. Судя по шумерским письменным источникам, другими были образ жизни жителей Двуречья и их мировоззрение. Ученые упорно искали упоминаний о вновь открытых городах в «Ригведе» — древнейшем из дошедших до нас литературном памятнике Индии, но обнаружили лишь туманные намеки об укрепленном городе — «пура», населенном «хитрыми купцами». А в то же время в долине Инда жили легенды о прекрасном богатом городе: свободные и красивые люди, населяющие его, прогневили богов, и он рухнул в пропасть.

Как бы в подтверждение легенды, музеи пополнялись новыми экспонатами: голова жреца, высеченная из кам-

Бассейн, которому больше 4 тыс. лет

ня, женские украшения, доски с изображениями жертвенных животных и, наконец, письменность, которую до сих пор не удалось расшифровать.

Мы стоим на высоком холме, с которого открывается величественная панорама Мохенджо-Даро. На огромной площади, занимающей почти 260 га, из-под барханных песков и редкой поросли колючих кустарников проглядывают целые кварталы и отдельные сооружения «Холма мертвых» (так переводятся слова «Мохенджо-Даро» с языка синдхи). Холм венчает буддийская молитвенная ступа, но она была построена во времена Кушанского царства, минимум через 15 веков после гибели Великого города.

— Вполне возможно, что в толще холма, под ступой, еще скрыты главные сюрпризы Мохенджо-Даро, — объясняет Щетенко. — Ведь на его склонах жили «сильные мира».

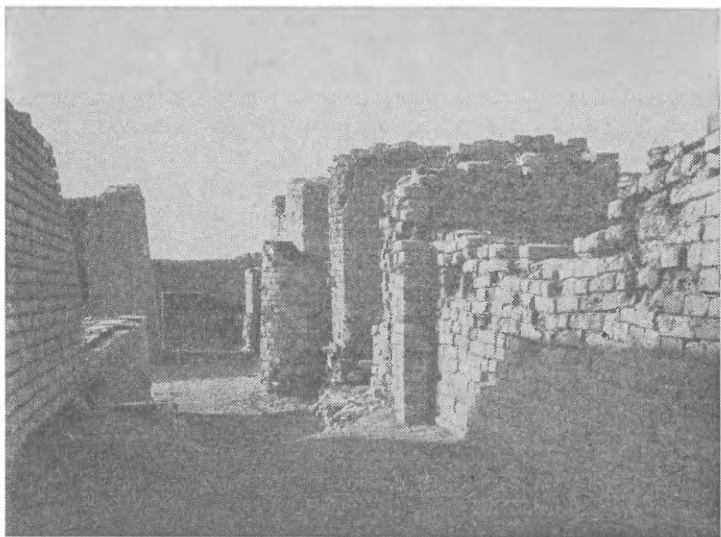
Я мысленно еще раз поблагодарил судьбу, что мне довелось осматривать эти места со специалистом. Все увиденное накануне наполнялось определенным смыслом, обретало вполне конкретную историческую плоть.

У подножия западного склона холма — огромный бассейн. С двух сторон ведут к воде каменные ступени.

— В древности они были выложены для удобства плахами из ценного дерева, — утверждает Анатолий и показывает пазы у каждой ступеньки. — Можно с уверенностью сказать, — добавляет он, — что бассейн был местом ритуальных омовений, так как заполнялся водой из вырытого рядом колодца, и уровень ее не превышал 30—40 см. По всему периметру расположены индивидуальные кабины, где, вероятно, перед совершением обряда нужно было омыть тело.

Втроем мы обходим гигантский амфитеатр раскопок, и каждого волнует свое. Щетенко весь ушел в туманные дали прошлого и хронологию изучения останков города, который восстанавливается по частям, как скелет динозавра. Марину увлекли обломки гончарной посуды, в изобилии валяющиеся под ногами, «но только те, которым пять тысяч лет».

— Если ты хочешь коллекционировать их, — наставляет Щетенко, — то осколки нужно вымачивать в течение трех недель, ежедневно меняя воду, чтобы избавиться от соли.

Улица древнего города

Меня в равной степени интересовали и рассуждения археолога, и сам памятник, и условия освещения для фотосъемки.

Центр города был когда-то обнесен мощными крепостными стенами девятиметровой толщины. Открытие цитадели в 1946 г. Мортимером Уилером было очередной сенсацией. Наличие такой крепости стало первым достоверным свидетельством социального расслоения хараппского общества. Прямая широкая улица ведет от крепости к огромному зданию, названному условно «залом заседаний». Можно без преувеличения сказать, что такой конференц-зал вполне мог бы украсить любой современный город. Рядом — вместительное зернохранилище. На массивном кирпичном фундаменте с вентиляционными проемами высилось двухэтажное строение из гималайского кедра.

На улицах нижнего города (вне стен цитадели) ясно видна стандартная планировка кирпичных домов с плоскими крышами, служившими одновременно балконами. В каждом квартале были общественные колодцы, сто-

Квартира рабочего

рожки для охраны, превосходная канализация, включающая водопровод с подачей подогретой соляным раствором воды на вторые этажи, и дренажная система.

Мы попытались представить себе жизнь обитателей древнего города в пору его расцвета. Залы и стенды музея, расположенные в какой-то сотне метров от раскопок, открывали достаточный простор для фантазии. Нам не составило особых трудностей реконструировать в своем воображении одну из улиц, населить ее дома и вернуть в них предметы, найденные при раскопках.

...Солнце клонилось к закату. Легкий бриз принес желанную прохладу. От берега к зернохранилищу прогремели по каменным плитам последние двухколесные повозки. Утомленные, почти голые грузчики, блестя потными бронзовыми телами, подметали днище баржи, собирая в набедренные повязки или плетеные мешочки оставшиеся горсти риса...

Отборное зерно было тщательно взвешено у склада и засыпано на зиму в огромные глиняные амфоры. Хозяин баржи, приложив свою печать к глиняной табличке, удостоверяющей вес сданного зерна, прошел по улице, населенной ремесленниками, почти до стен цитадели и поднялся на крышу собственного дома, где собралась вся семья. Дети резвились на полу. В этот день к их игрушкам — глиняным буйволам, носорогам и крокодилам — прибавилась движущаяся повозка. До ужина хозяин и его приятели решили поиграть в более серьезную игру, расставив на столе фигурки. (Ученые считают их прообразом будущих шахмат.) Слуга подал две бронзовые чаши, наполненные хмельным ячменным напитком, похожим на пиво. Наверх поднялась жена. Щиколотки ее ног и запястья рук были охвачены бронзовыми браслетами, смуглую грудь украшало ожерелье из раковин и сердолика.

Вероятно, гость похвалил украшения, а мадам из Мохенджо-Даро намекнула в ответ, поглядывая на мужа, что видела в лавке ювелира очень миленькую подвеску из настоящего «камня неба» — лазурита. Быть может, она посетовала на то, что старший сын пропадает в цитадели, где вместе с другими повесами его возраста увивается за танцовщицей. Не исключено, что она упрекнула мужа в чрезмерном пристрастии к ячменному напитку.

Возможен и противоположный вариант. Хозяйка склонилась перед мужем в глубоком поклоне и, забрав детей, тихо спустилась вниз, чтобы не мешать мужчинам спокойно беседовать о ценах на пшеницу, скот и строительные материалы.

К вечеру на нижней улице стихал многоголосый гул. Старый ремесленник остановил гончарный круг, придирчиво осмотрел дневную продукцию и глину, приготовленную на завтра. Один из двух больших кувшинов, оставленных на сушку, был покрыт росписью. Он делался по специальному заказу из крепости. Отпустив подмастерьев, гончар ушел на жилую половину.

Погасил свой горн сосед гончара — чеканщик. Он отправился домой, захватив с собой из предосторожности незаконченную дорогую работу — вазу из серебра, над которой трудился уже неделю.

Отовсюду, как тени, двигались по улицам, освещен-

ным лишь отблесками очагов, усталые люди. Одни держали путь в свои кварталы, где ждали их семьи и ужин. Другие направлялись в лавочки, где были зажжены факелы и смоляные светильники. Там можно было купить еду, а уже после проскользнуть в свою тесную каморку, куда с трудом втиснулись циновка и кувшин с водой.

У берега реки засветилась робкая цепочка огней. На маленьких кострах готовили ужин те, кто не имел крыши над головой.

О том, что ужин готов, известила и хозяйка дома, который мы мысленно посетили.

Что же входило в меню этого ужина?

— На этот вопрос не так уж трудно ответить, — заявил Щетенко, — если привлечь к археологии данные смежных наук — этнографии и палеоэкономики. Есть и другая возможность: посетить одно из соседних селений и посмотреть, что едят его современные обитатели.

Все это дает основание предположить, что кроме ячменя, риса и пшеницы (около 600 г в день на каждого жителя Мохенджо-Даро в среднем) в его рацион входило более пол-литра молока и 160 г мяса, а также овощи, фрукты и острые специи.

Городское стадо крупного рогатого скота, включая тягловый, состояло примерно из 10 тыс. голов. Кроме естественных пастбищ в окрестностях Мохенджо-Даро сеялись для корма просяные культуры. Каждый год огромные хранилища Великого города наполнялись припасами, росло благосостояние его жителей, совершенствовались ремесла, процветала торговля. И в то же время в благоденствующем, казалось бы, харапском обществе происходили невидимые, но грозные процессы, которые впоследствии привели его к гибели.

Вопрос о причинах крушения древней цивилизации долины Инда является предметом длительных дискуссий, суть которых будет изложена ниже. А пока попытаемся представить себе, как и за счет чего жило и процветало это общество.

Инд — поистине неутомимая река. Каждый год она переносит огромные массы грунта, наращивает свое русло и увеличивает дельту, предоставляя человеку превосходные плодородные почвы. Достаточно бросить зерно, чтобы через два-три месяца снять урожай. Этим и пользовались первые поселенцы долины. Ежегодные

разливы реки орошали поля и одновременно приносили на них удобрения.

На паре волов, впряженных в деревянную соху, а на маленьких участках заостренной палкой взрыхлялась почва. В нее бросали зерно. Созревший без дальнейшего участия человека урожай снимали бронзовыми серпами или просто руками. Для обмолота по срезанным стеблям прогоняли скот. «Минимум оснащенности и затрат человеческого труда», — охарактеризовал такой способ ведения хозяйства известный ученый-этнограф Ламбрик.

Побывали мы и в деревне Хасан Вахан, расположенной по соседству с раскопками. Посуда и роспись на ней оказались такими же, как и в древнем городе, такими же были набор глиняных игрушек и гончарный круг. Двухколесные повозки, словно взятые напрокат в музей Мохенджо-Даро, курсировали по узким улицам. Пеклись пресные лепешки — чапати и варился горох, приправленный острым соусом карри. По прилегающему к деревне полю вола тащили деревянную соху.

Весь уклад деревенской жизни напоминал времена Мохенджо-Даро. Однако Великий город представлял в далеких веках передовую цивилизацию, а селение Хасан Вахан выглядит в современном мире его антиподом.

Сходство усиливали и многие детали: как и Мохенджо-Даро, деревня была защищена от Инда ограждающей дамбой, а несколько лет назад в одном из соседних селений была найдена модель речной баржи — точная копия тех судов, которые в давние времена приставали к причалам Великого города.

У входа в музей я обратил внимание на картину. Художник изобразил на ней жизнь набережной Мохенджо-Даро в его лучшие дни. С нее и начинается осмотр экспозиции. Великолепной выделкой и бесконечным разнообразием форм отличается найденная при раскопках посуда, изготовленная древними мастерами. Ее, как правило, украшает богатый растительный или геометрический орнамент. Чаши из бронзы, меди и серебра свидетельствуют о большом искусстве чеканщиков. Мы уже упоминали набор женских украшений — браслетов, подвесок, ожерелий, в том числе из бадахшанского лазурита.

Коллекция оружия не менее красноречиво свиде-

тelleствует, что не войны, а мирная торговля была главным занятием жителей Мохенджо-Даро. До сих пор найдены лишь бронзовые кинжалы листовидной формы и наборы каменных и глиняных шариков для метания из пращи. Стражи городского порядка, надо полагать, были вооружены только дубинками.

Появилась возможность проследить и торговые связи. Мохенджо-Даро отправлял в другие города зерно, слоновую кость и многочисленные изделия своих умельцев, а привозил металл, строительный лес, драгоценные камни. При этом использовались как сухопутные, так и морские пути.

Совсем недавно, в 1961 г., на территории Индии был открыт порт Лотхал — современник Хараппы и Мохенджо-Даро. (Интересно, что как и «мохенджо-даро» на синдхи, так и «лотхал» на гуджарати имеют одно значение: холм мертвых). Уникальнейшим сооружением города-порта был сухой док с водным зеркалом площадью 0,8 га, выложенный обожженным кирпичом. От причалов Лотхала начинался путь к островам Бахрейна, а оттуда — к берегам Шумера. Трудно сказать, какие сюрпризы преподнесут дальнейшие раскопки другого древнего порта, Бамбхор, в окрестностях Карачи, знакомство с которым нам еще предстоит.

Украшения из лазурита ясно свидетельствуют о сухопутных связях с севером. Уникальное месторождение «небесного камня», из которого они изготовлены, находится близ Файзабада на территории нынешнего Афганистана. Найдены и другие свидетельства древних торговых путей.

Каракумская экспедиция под руководством известного советского ученого В. М. Масона обнаружила в последние годы на юге Туркмении руины городов — ровесников Мохенджо-Даро. В них найдены предметы и изделия, характерные для позднего периода хараппской культуры, например изображения трехглавого фантастического существа — трекифала. Такие же чудовища часто изображались на стеатитовых печатях хараппцев. Подобную табличку и нашел в 1856 г. А. Каннингем. В витринах музеев Мохенджо-Даро и Ашхабада можно увидеть одинаковые гадальные палочки из слоновой кости, украшенные затейливой резьбой.

Сложнее оказалась проблема расшифровки письмен-

ности, начертанной на табличках. Советский ученый Ю. В. Кнорозов, прочитавший письма мая, сделал попытку применить для разгадки тайны письменности хараппской цивилизации электронно-вычислительную технику, но таблички с изображениями божеств и священных животных продолжали молчать. Пока не найден ключ для прочтения древнего шифра. Впрочем, недавно появилось сообщение, что финским исследователям удалось прочесть 30 символов из 120.

Многое в истории хараппской цивилизации оставляет простор для теорий, гипотез, догадок и полета фантазии. В одном из своих романов индийский писатель Рангея Рагхав пытался воссоздать картину гибели Великого города*. Этот роман, в отличие от чисто фантастических экскурсов в прошлое, опирается на определенные научные данные. Критики сравнивали его с «Последними днями Помпеи» Булвера-Литтона и с «Саламбо» Флобера.

Роман увидел свет в 1948 г. Рангея Рагхав писал его в те дни, когда Индия и Пакистан только что сбросили цепи колониальной зависимости. Автор ратует за республику и демократию, призывает к борьбе против узурпаторов. «Самый большой грех — сделавшись рабом, примириться с этим», — восклицает один из героев, живших в Великом городе. Впрочем, по мнению автора, Мохенджо-Даро обречен. Подобно древнему Риму, он погибает от богатства, тщеславия, борьбы за власть и интриг.

Любопытно, что одна из героинь романа — танцовщица, пришедшая из страны дравидов. Вполне вероятно, что маленькая статуэтка мисс Мохенджо-Даро стала ее прообразом. Для меня же она обрела имя. Ее зовут Вени.

Автор романа описывает землетрясение и наводнение, которые одновременно обрушились на Великий город и обрели его на гибель.

«...С ужасным шумом рушились дома, заглушая на мгновения подземный гул. Гремели, сталкиваясь, огромные камни. Стены, колонны — все низвергалось от толчков... Волны смотрели, как молнии избивают черные тучи, и яростно хохотали. Земля содрогалась от тяжких

---

* Роман Р. Рагхава «Гибель Великого города» переведен с хинди и издан в СССР в 1963 г.

ударов. Великолепные дворцы, веками накопленные богатства исчезали в один миг... Мохенджо-Даро погибал. Теперь бесполезно было взывать к богам. Камни беспощадно губили людей. Земля разверзлась... Казалось, тысячи молотов гневно дробили весь мир».

В самом деле, существует гипотеза, объясняющая гибель Мохенджо-Даро резким изменением русла Инда после сильного тектонического сдвига.

В 1964—1965 гг. в одной из частей города были исследованы его ранние слои — раскопки ушли вглубь на 12 м. Поэтому бывшие колодцы стоят сегодня среди кварталов, как обломки заводских труб. Ученые определили четыре периода надстроек. Три из них были однотипными и лишь самый поздний отличает некоторая поспешность: не все кирпичи обожжены и уложены они без прежней тщательности, характерной для более ранних периодов. Это следы последних десятилетий пятивековой жизни города. Потомственные строители не могли утратить вдруг секреты мастерства, передававшегося из поколения в поколение. Поэтому вполне допустима версия, что дома и колодцы неумело достраивали пришельцы, сменившие коренных жителей, погибших или покинувших Мохенджо-Даро.

Американский исследователь Р. Райнес обнаружил в одном из кварталов человеческие скелеты, разбросанные в неестественных позах. Они как бы свидетельствуют о насильственной смерти людей от рук захватчиков.

М. Уилер и С. Пигот — сторонники сходной теории об уничтожении населения древних городов племенами ариев, нахлынувших с севера. Отметим, что во всех этих версиях неизменно присутствует тот или иной «фактор внезапности».

Впрочем, против каждой из теорий выдвигаются вполне аргументированные возражения. Последние исследования американских гидрологов, например, позволяют сделать вывод, что в течение по крайней мере четырех тысячелетий никаких существенных изменений в климате и ландшафте долины Инда не произошло.

Разумеется, дать окончательный и достоверный ответ на вопрос о причине гибели древней цивилизации — задача пока непосильная, но некоторые мысли, высказанные Анатолием Щетенко, казались мне интересными

и во время следующих поездок «обросли деталями». Поэтому я решил познакомить с ними читателей.

Явления, которые в конечном итоге привели хараппскую цивилизацию к гибели, нельзя объяснить только разгулом стихии или набегом завоевателей. Большую роль сыграли причины экономического порядка. До определенного периода весенний урожай — «раби» давал достаточно зерна, чтобы прокормить 35—40 тыс. жителей города. Однако население быстро росло, а кроме того, нужно было обеспечить питанием и разросшуюся сельскохозяйственную округу. Возникла необходимость получения двух урожаев, но для осеннего урожая — «харифа» необходим дополнительный полив. Есть основание полагать, что в хараппские времена уже существовали сложные ирригационные сооружения, которые впоследствии были разрушены и скрыты под могучими аллювиальными наслоениями. Однако люди, жившие в то время, не могли бороться с такими напастями, как засоление и заболачивание почвы. Не заботились они и об окружающей природе. Вокруг города были сведены леса. По самым скромным подсчетам, только для обжига 5 млн. кирпичей, вложенных в городские сооружения, потребовалось уничтожить более 400 га лесных угодий. Возможно, это и послужило причиной того, что Инд изменил русло и ушел на несколько миль от стен Мохенджо-Даро.

Эпидемии и внутренние неурядицы тоже сыграли не последнюю роль в гибели хараппской цивилизации. Попытка освоения новых земель не увенчалась успехом. На рубеже III и II тысячелетий до н. э. хараппские форпосты появляются в верховьях Ганга, Рангпуре и других местах, но в одних случаях поселенцы были вытеснены аборигенами, а в других — ассимилировались и утратили связи с метрополиями. Кризис углублялся. Военственные кочевники, ждавшие своего часа, нанесли последний удар по ослабленным городам.

Конечно, многие вопросы, связанные с изучением одной из блестящих цивилизаций Востока, еще требуют дополнительных исследований. Залогом успеха можно считать внимание и заботу пакистанских археологов об охране и изучении древних монументов. Они всячески приветствуют научные контакты, а их великолепные «музеи под звездами» открыты для ученых всего мира.

ЛАХОР: ПАМЯТНИКИ И ЛЕГЕНДЫ

Двухтысячелетняя летопись Лахора сплетена из легенд, родившихся на заре истории. Сменяли друг друга периоды расцвета и запустения, веротерпимости и религиозного фанатизма, осады и сражения.

Судя по легенде, город был заложен Лохом — одним из сыновей Рамы из эпоса «Рамаяна». Он построил в этом удобном месте Лох-аварум (форт Лоха). Почти одновременно его брат Каш заложил Каш-аварум (ныне город Касур).

С течением времени название Лох-аварум подверглось трансформации. Арабам в VII в. он был известен как «Алахвар, лежащий между Мултаном и Кабулом». Амир Хосроу называл его Лаханур, мусульманские историки употребляли названия Рахвар, Лохер и Лохар.

Эпоха Великих Моголов оставила потомкам главные архитектурные сооружения Лахора. Почти все они были построены в период с 1556 г., когда император Акбар возвел на берегу Рави форт-дворец, до 1674 г. — времени окончания постройки одной из крупнейших в мире мечетей Бадшахи. Именно эта эпоха превратила Лахор из города легенд в город памятников.

Утесом высится на северной окраине города каменная громада форта, построенного на приподнятой платформе у бывшего русла реки Рави. Сейчас мимо седых крепостных стен течет асфальтовая «река» оживленной улицы. Тенью и прохладой встречают путника сказочные сады Шалимар. Время почти не коснулось узких улочек и красочных базаров старого города.

Шесть Великих Моголов разделили между собой 165 лет царствования. Основатель династии Бабур начал

создание великой империи в 1525 г., в то время, когда великий князь Василий III завершал собирание земель Московского царства. Время его внука Акбара совпало с царствованием на Руси Ивана Грозного, покорением Казанского и Астраханского ханств, а затем Сибири. В годы Джахангира отшумело в Москве «смутное время», войско Дмитрия Пожарского и Козьмы Минина пришло к стенам Кремля. Правление Аурангзеба продолжалось во время крестьянской войны Степана Разина и окончилось, когда молодая Российская империя переживала бурную эпоху преобразований Петра I.

Границы двух империй за эти годы сблизились, а торговые и культурные связи Моголов с Самаркандом, Бухарой, Ферганой и Хорезмом были традиционными и достаточно прочными. Караваны купцов с берегов Инда дошли до Волги. В 1613 г. они построили в Астрахани свое подворье.

Бабур двинулся на завоевание полуострова Индостан из Кабула. Потомок Тимура был не только талантливым полководцем, внесшим много нового в военное искусство, но и выдающимся писателем. Его мемуары — пример образного, точного и правдивого описания жизни и быта народов Азии.

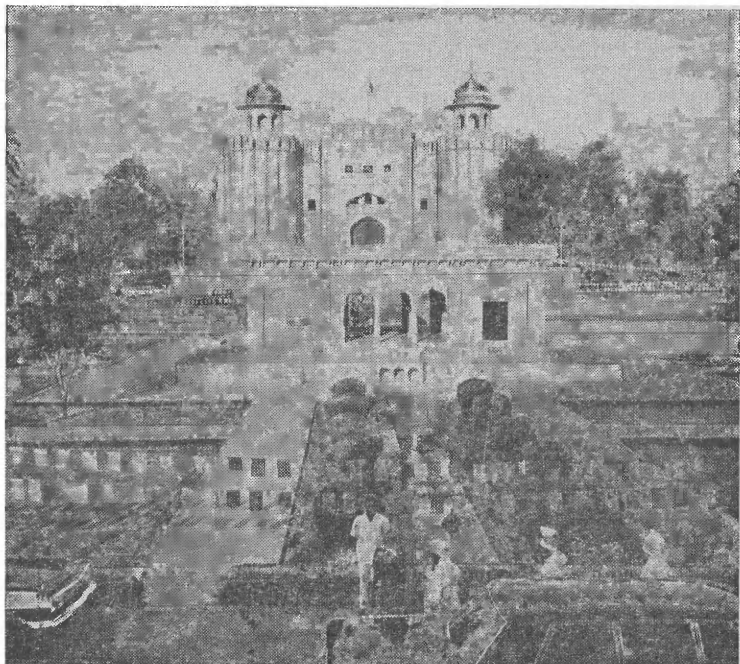
Умер Бабур в 1530 г., возвратившись перед смертью в Кабул. На склоне одной из гор, со всех сторон обступивших афганскую столицу, рядом с вековыми чинарами в небольшой, открытой всем ветрам беседке стоит его резное мраморное надгробие.

Внук Бабура — Акбар продолжил завоевания деда и менее удачливого отца — Хумаюна. Им было создано огромное государство с сильной администрацией. В империю входили все земли нынешнего Пакистана.

В ту пору Лахор становится главным культурным центром огромной, но далеко не всегда устойчивой империи. В трудные времена правители нередко избирали город своей постоянной резиденцией, а временами переносили сюда столицу из Дели или Агры. Лахор был столицей империи Акбара с 1585 по 1598 г. Сын Акбара — Джахангир, а особенно его внук — Шах Джахан продолжали строить и украшать город и форт.

Десятки тысяч безвестных строителей создавали шедевры. Лишь в редких случаях история сохранила имена особо выдающихся зодчих. Все постройки связывались

Ворота Аламгири, ведущие в древний форт

с именами правителей, их наместников или министров, а порой посмертные монументы из камня и мрамора напоминали о женах или наложницах: Нур Джахан и Анаркали в Лахоре, Мумтаз — в Агре.

С именем Анаркали, означающим в переводе «гранатовый цветок», связано одно из самых известных преданий. В ее честь назван большой торговый район города и одно из исторических зданий, а тема легенды до сих пор привлекает как поэтов, так и ученых.

...Когда танцовщица из гарема Акбара — красавица Надира-бегум в алом наряде кружилась в стремительном танце, она напоминала цветок граната. Серебристый звон ее ручных и ножных браслетов-колокольчиков разливался призывными трелями. Танец Анаркали легко представить, его можно даже увидеть, ибо движения и

костюмы традиционных танцев народов субконтинента без значительных изменений сохранились до наших дней.

Танцовщица пользовалась особой благосклонностью 57-летнего правителя. Однажды, сидя в зеркальном зале, Акбар уловил отражение взгляда, посланного Анаркали его сыну — принцу Салиму. Этого было достаточно, чтобы обвинить танцовщицу в преступной связи с ним. Последовал приказ: замуровать ее живой в стену. Молодая женщина погибла страшной смертью.

Через шесть лет принц Салим вступил на престол и стал императором Джахангиром. Он приказал построить для останков Анаркали роскошное надгробие и установить его в величественном здании. Некоторые ученые подвергают все это сомнению и, надо сказать, имеют для этого основания. Однако народ и поэты верят легенде о красивой и трагической любви, цитируют персидские надписи на саркофаге, якобы продиктованные Джахангиром, и показывают приезжим стену, ставшую, по преданию, могилой танцовщицы.

«О, если бы я мог,
хотя бы раз,
увидеть вновь
лицо моей любимой».

Ученые исходят из других данных. Дата казни, по одним источником, определяется 1598, по другим — 1599 г. Если последняя из них верна, то легенда теряет почву. В том году в Лахоре не было ни Акбара, ни принца Салима. В своей автобиографии Джахангир ни словом не обмолвился об этом эпизоде, который не мог остаться забытым. Гробница действительно была построена в 1615 г., поэтому ученые полагают, что в ней покоится Сахиб-Джамаль — жена Салима, умершая в 1599 г.

Романтическим ореолом окружено и другое имя — Нур Джахан, жены Джахангира. Акбар поначалу воспротивился их юношеской любви и заставил красавицу Михр-ун-Нису, происходившую из простой персидской семьи, выйти замуж за одного из своих придворных, по прозвищу Шер Афкан — «победитель тигров». Он погиб в Бенгалии, где охотился отнюдь не на тигров, а заколол правителя провинции Кутбуддина, за что, в свою очередь, был убит его слугами. Лишь тогда Ниса смогла

вернуться к любимому, ставшему к тому времени единовластным правителем.

Другие историки отвергают эту версию и утверждают, что Джахангир впервые встретил Нису в 1611 г. и вскоре женился на ней.

Однако сторонники обеих версий описывают Нур Джахан как очаровательную, умную и властную женщину. На монете, отчеканенной в честь Нур Джахан, значилось: «По повелению шаха Джахангира. Во сто крат увеличивается блеск золота, когда к нему прибавляется имя Нур Джахан» (слова «Нур Джахан» означают в переводе «свет мира»).

С высокой стены форта можно увидеть вдали четыре минарета гробницы Джахангира, расположенной в тенистом парке с вековыми деревьями. Парк, разбитый по велению Нур Джахан, был в те времена гораздо обширнее и назывался Диламезан или Дилькуша. В нем расположен и ее скромный мавзолей с эпитафией:

«Лишившей нас любви гробнице скромной
Не нужно ни цветов, ни пламени свечей,
Ни пенья соловьев, ни даже пчел жужжанья».

«Эти слова оказались пророческими, — пишет один из исследователей истории Лахора — Шакир Ризвани. — Гробница выглядела королевской только после постройки. Она была великолепно оформлена резным камнем и мозаикой, по все это было расхищено с приходом в Панджаб сикхов. Аналогичной была судьба и других могольских построек после крушения империи».

«Лахор — город великий и известный, оспаривающий титул столицы у Агры, — писал в 1595 г. англичанин Т. Хобарт Барт. — Улицы нарядны и содержатся в порядке. Большинство из них выходит к берегу Рави, которая берет начало в горах Кашмира, пересекает Панджаб и красиво огибает город». Восторженные оценки городу дали и другие путешественники — европейцы, которым довелось побывать в Лахоре.

«Великолепием своим город обязан Акбару, — писал один из историков. — Оценив стратегическое значение Лахора, он построил неприступный по тем временам форт и обнес весь город каменной стеной девятиметровой высоты».

Вы входите в форт через главные ворота — Хатхи-

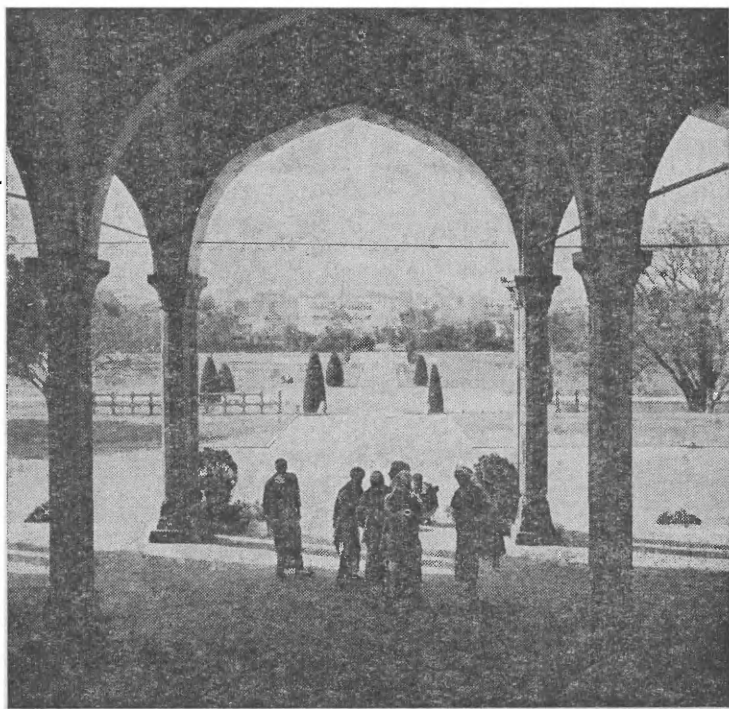

Каждый стремится посетить «Шис-Махал» — «Дворец зеркал»

Пол и поднимаетесь по лестнице с широченными ступенями. В былые времена по ним шагали боевые слоны. Повелителей встречали здесь наместники со свитой, а на верхней галерее выстраивались главные прислужники и евнухи.

Время каждого царствования оставило в стенах форта свои неповторимые следы. Квадратная площадь Джахангира отличается строгостью и симметрией. В бывшем императорском павильоне сейчас находится музей старинного оружия.

По обеим сторонам этого павильона разместились помещения для придворных с небольшим внутренним залом с каморкой для стражи при входе. В центре пло-

Под арками, опирающимися на 40 колонн, располагался
«Зал приемов» Великих Моголов

падаи — бассейн, а неподалеку — маленькая «Жемчужная мечеть». Они предназначались для обитательниц «зенана» — женской половины.

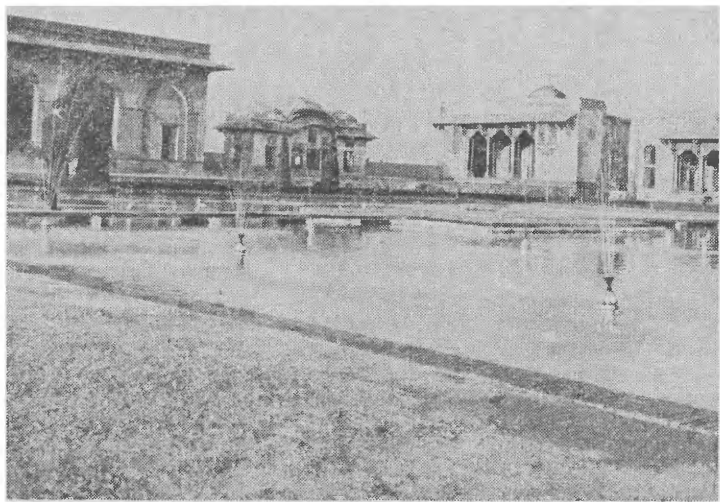
Шах Джахан перестроил многие сооружения времен Акбара, одев их в мрамор и украсив мозаикой. Он очень любил Тахт — тронную комнату и зал для гражданских приемов, где ежедневно проводил по несколько часов, давая аудиенции и нужные распоряжения.

Спальные комнаты Шах Джахана размещались в элегантном мраморном строении с арками, забранными ажурными металлическими решетками. Каждый вечер закат окрашивал площадку из инкрустированных мраморных плит в разные тона — гранатовый, персиковый,

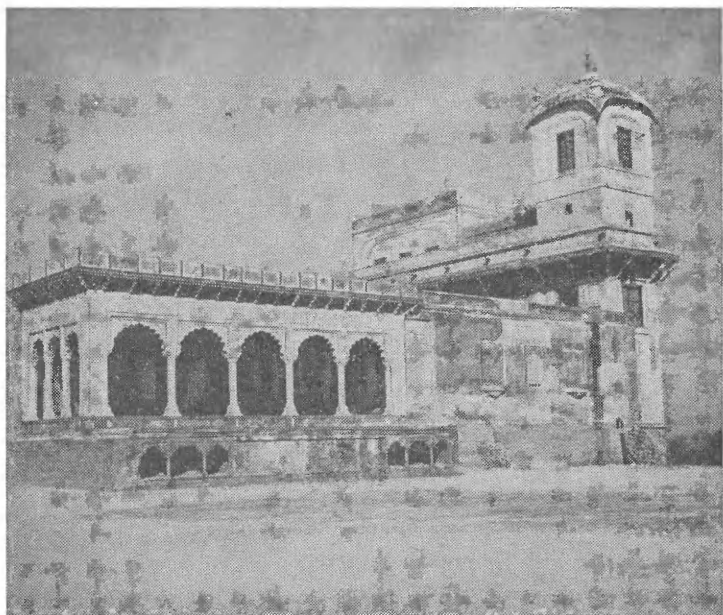
лимонный. Перед опочивальней была выдолблена каменная ванна для купания, а рядом помещался «Шип-Махал» — «Дворец зеркал». Когда в темном зале зажигают цветной фонарик, сводчатый потолок начинает мерцать тысячами звезд.

Во времена Шах Джахана город украсили и Шалимарские сады, которые были разбиты в 5,5 км севернее Лахора в рекордно короткий по тем временам срок — за 17 месяцев, хотя кроме сложной системы водоснабжения, включая специальный канал, отведенный от Рави, в его комплекс входило множество оригинальных построек.

За два года до начала работ опытные садовники уже подбирали фруктовые и декоративные деревья, цветы и кустарники на все сезоны, чтобы рассадить их на площади 32 га. Строительство было завершено в 1642 г. и обошлось в огромную сумму. Главная достопримечательность этого «Версаля Пакистана» — водная маги-

В таких павильонах жили придворные

Каждый из правителей строил в стенах форта свои дворцы

стрель длиной 850 м с искусственным озером и водопадом. На трех ступенях-террасах каскада бьет 412 фонтанов.

В наши дни сады Шалимара стали местом официальных торжеств и праздников. Каждую весну здесь проводится красочный «фестиваль огней», а в обычные дни сюда приезжают отдохнуть тысячи лахорцев с семьями.

Впервые мне пришлось побывать в этом парке в апреле 1968 г., когда в нем состоялся большой гражданский прием в честь А. Н. Косыгина, прибывшего в Пакистан с государственным визитом.

Шалимар поразил меня продуманной симметрией построек, фонтанами, морем цветов и огней. При встрече высоких гостей здесь возрождают старинные обычаи. На кровле одной из арок выстроились трубачи, на квадратном островке в центре обширного бассейна разместился оркестр.

Департамент археологии Пакистана многое делает для восстановления садов в их прежнем виде: освобождает парк от более поздних наслоений и бережно хранит романтические традиции Шалимара.

Бывая в Лахоре, я нередко часами бродил по роскошному парку, всякий раз узнавая или находя что-нибудь новое.

Главные ворота парка расписаны персидскими строфами:

«Когда защитник веры — Шах Джахан
Разбил сады, похожие на сказку,
Спросил я время их постройки у Ризвана,
Неправды не ронявшего ни слова.
Ты о садах спросил? — ответил он.
Так это не сады... А то,
Что мы в мечтах своих
Считаем светлым раем!»

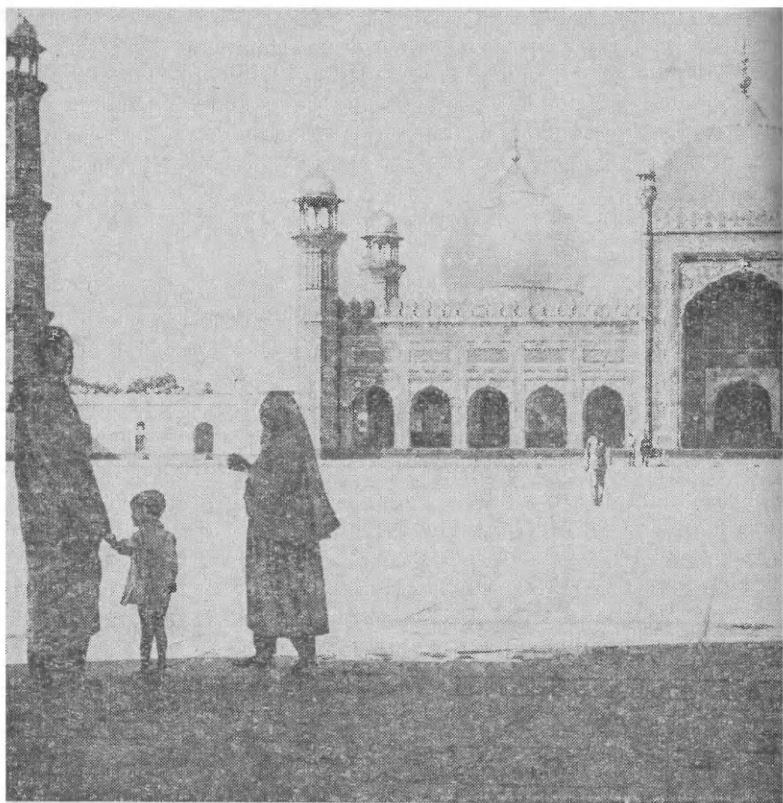
Каждая постройка парка — от дозорных вышек до турецких бань у восточной стены — имела точное назначение. Один из павильонов занимала старшая дочь падишаха Джахан Ара, которая после смерти матери — императрицы Мумтаз, в память о которой в Агре построен известный всему миру шедевр — Тадж-Махал, пользовалась всеми почестями и привилегиями.

Мраморный трон Шах Джахана устанавливался в самом прохладном месте — в беседке над бассейном, у главной ступени каскада. Искусственный водопад бесшумно скользил по наклонной полированной поверхности, наполняя бассейн. С трех его сторон были сделаны специальные ниши. Днем они украшались цветами, а когда темнело, в них зажигались свечи и факелы. Цветы и пламя, отражаясь в зеркальной воде, радовали шахский взор. В тот же час из всех уголков парка, словно эльфы, появлялись придворные красавицы в нарядах, делавших их похожими на цветы.

Квадратный островок в центре бассейна назывался «Махтаби» — «Лунный». В ясные ночи он был залит мягким светом. Отсюда придворные священнослужители наблюдали за появлением новорожденного серпика, ведя счет лунным месяцам, наступление которых многое значит для соблюдения законов ислама.

Во время Аурангзеба в садах царила его талантливая дочь Зеб-ун-Ниса, писавшая стихи под псевдонимом Махфи. Павильон над водопадом и «Лунный остров»

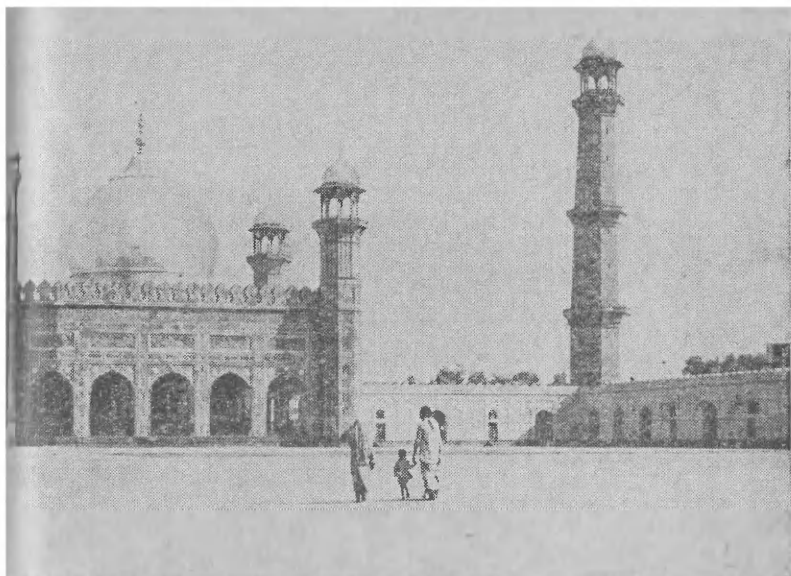

Просторный двор мечети вмен

она использовала как зрительный зал и сцену для представлений и концертов, которые давали певцы, танцоры и музыканты, приезжавшие из многих земель обширной империи — пустыни Синд, равнин Бенгалии и горных долин Кашмира.

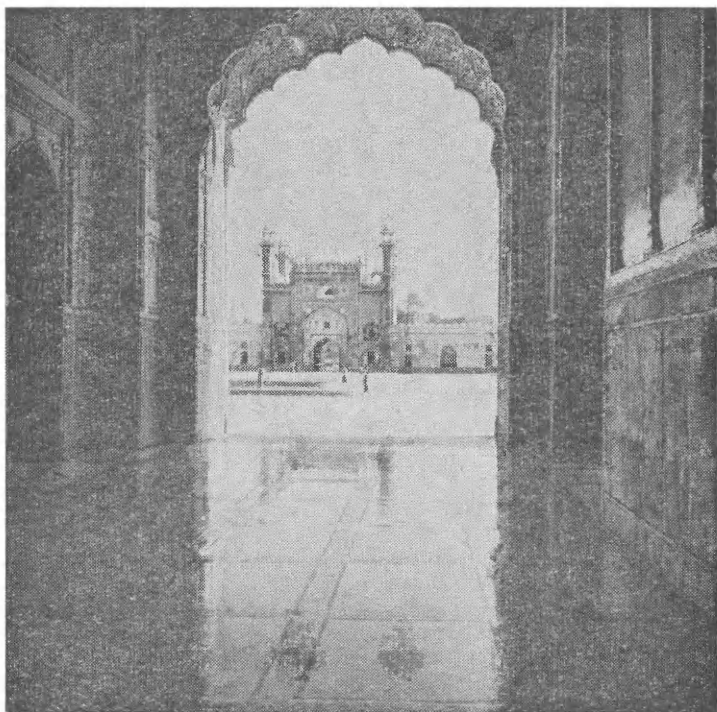
Последним замыслом Шах Джахана была постройка величайшей в мире шахской мечети. Сооружение ее продолжалось 22 года. Закончена мечеть Бадшахи была во время правления его сына — Великого Могола Аурангзеба. Бадшахи с ее изумительными пропорциями является гордостью Лахора.

100 тыс. молящихся (Панорама)

Нельзя пройти равнодушно мимо мечети в старом городе, построенной, а потому и названной в честь министра Шах Джахана и наместника Лахора Хакима Алиуддина, известного больше как Везир-хан. Из подобных, т. е. храмовых, зданий я мог бы сравнить ее только с костелом св. Анны в Вильнюсе, который вызвал такой восторг Наполеона, что он вслух пожалел, что не может перенести его в Париж.

Постепенно рождался могольский стиль архитектуры: сочетание белого мрамора и красного песчаника, легкие арки, строения, в конструкции которых четырех-

Входная арка мечети Бадхаши

угольник переходил в восьмиугольник и венчался круглой кровлей, напоминающей боевой шлем.

После ослабления власти Великих Моголов через Лахор много раз проходили завоеватели. В 1738 г. его захватил правитель Ирана Надирх-шах. Затем он разграбил Дели, захватив в числе трофеев, которые оценивались в 700 млн. рупий, знаменитый бриллиант «кохи-нур» и «павлиний трон» Шах Джахана, в который руками ювелиров вставлено 27 тыс. драгоценных камней.

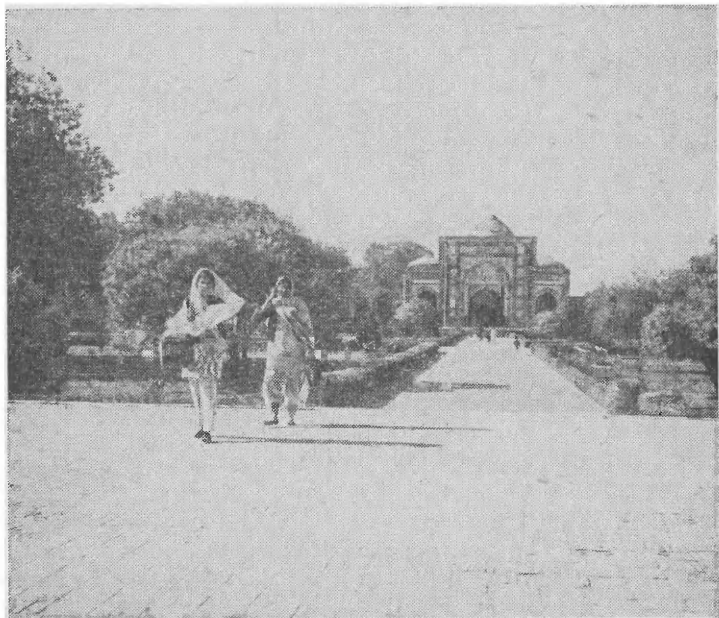
Не раз проходили через Лахор войска Ахмад-шаха Дуррани, основателя независимого афганского государства, время которого настало после Надира.

Все эти годы исторические здания Лахора постепенно приходили в упадок и никаких новых, равных им со-

оружий не создавалось. Вспоминая его историю, нельзя не упомянуть еще о двух зданиях. Одно из них — дом в старом парке — традиционная резиденция губернаторов. Он был построен в 1600 г. над могилой кузена императора Акбара видного военачальника Касим-хана.

После прихода колонизаторов этот дом занимал майор Мак-Грегор, а затем глава колониальной администрации полковник Генри Лоуренс. С тех пор историей точно зафиксированы все его обитатели. За годы независимого Пакистана их сменилось двенадцать, включая 100-часовое губернаторство Юсуфа Харуна в марте 1969 г. Как и в былые времена, у главного его входа застыли часовые — два панджабца двухметрового роста в пышных тюрбанах и с пиками, взятыми «на караул». Они похожи на статуи, и даже не из мрамора, а из сверхтвердого сплава.

На оживленном перекрестке, где, выливаясь из центральной улицы Молл-роуд, расходятся пути, ведущие

У мавзолея Джахангира

из Лахора в Мултан, Бахавалпур, Исламабад, находится удивительно симметричное квадратное сооружение с тремя минаретами на углах (четвертый унесло время). Некогда это были ворота, ведущие в сад уже упоминавшейся принцессы-поэтессы Макфи — дочери Великого Могола Аурангзеба.

Мы покидали Лахор на закате. Постепенно теряли очертания и исчезали в знойном мареве стройные минареты — часовые средневековья, несущие бесменный караул у сферических куполов мечетей. Позади остался Лахор — исторический город легенд и памятников. Нам еще предстоит возвратиться в современный Лахор — город шумный, яркий и темпераментный.

СЕРДЦЕ ПЯТИ РЕК

Сегодняшний Лахор — второй в стране деловой и промышленный центр с населением около 2 млн. человек, а в области культуры ему следует отдать пальму первенства. В Лахорском университете, основанном в 1882 г., учится 6 тыс. студентов, работает более 300 профессоров и преподавателей. К этому нужно добавить более 30 тыс. студентов колледжей, подшефных университету, организационной структурой копирующих английские.

В городе выходит наибольшее количество периодических изданий — 528 из 1524 (в Карачи — 452, в Равалпинди — 124). Многие газеты, даже не имеющие больших тиражей, печатаются на двух-трех языках.

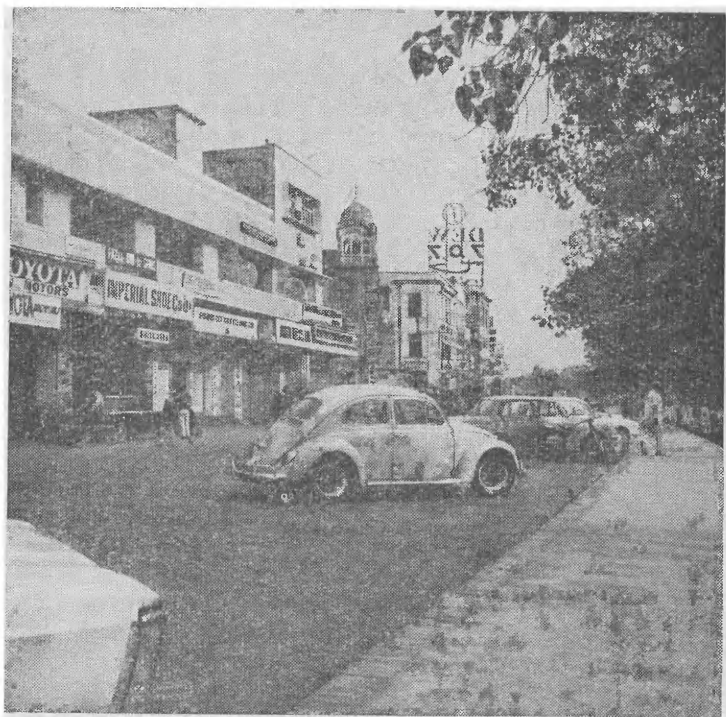
Образование Пакистана как суверенного государства неизменно связывают с Лахором. В 1930 г. поэт и философ Мухаммад Икбал высказал идею создания в составе Британской Индии отдельного мусульманского государства. Три года спустя лахорский студент Чоудхури Рахмат Али первым назвал слово «Пакистан» — «страна чистых». Одновременно это слово составляло довольно сложную аббревиатуру: П — Панджаб, А — территория пуштунов, т. е. афганских племен, населяющих Северо-Западную пограничную провинцию, К — Кашмир, С — Синд и, наконец, Белуджистан, обозначавшийся сокращенно «тан».

Еще до провозглашения независимости слово «Пакистан» «прижилось» и стало популярным среди миллионов мусульман.

23 марта 1940 г. на сессии Мусульманской лиги в Лахоре была принята резолюция, требующая территори-

Обелиск Независимости

Молл-роуд — центральная магистраль Лахора

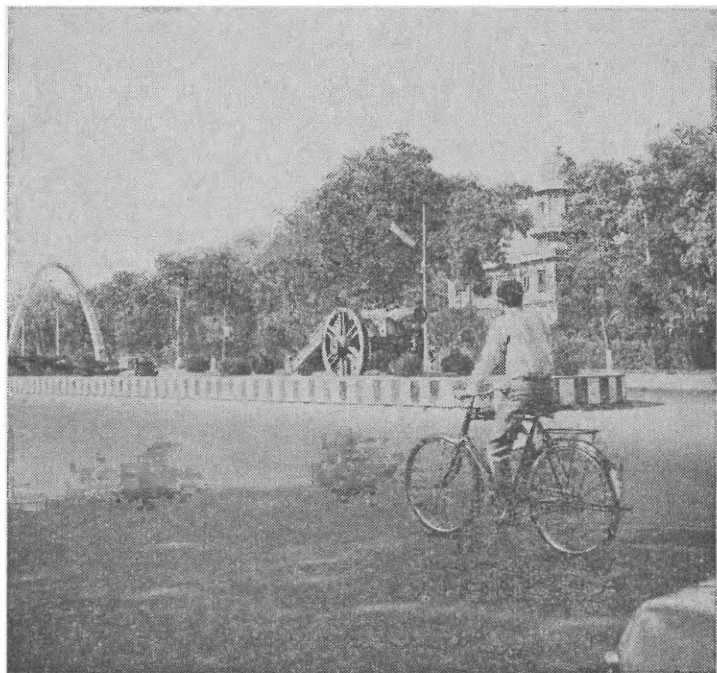
ального урегулирования и выделения районов, где мусульманское население составляет большинство. На огромной площади против форта высится ажурная вышка, похожая на маяк. «Обелиск независимости» воздвигнут в том самом месте, где состоялся многотысячный митинг, одоббивший лахорскую резолюцию. Вторая мировая война, уже бушевавшая в то время, отодвинула на семь лет срок такого урегулирования.

Английские захватчики, пробывшие в Лахоре более 100 лет, не смогли лишить этот город многовековой славы одного из главных очагов культуры Азии, города ученых и поэтов. Они построили в центре города несколько десятков административных зданий в особом «колониальном» стиле и железнодорожный вокзал, по-

хожий больше на крепость. В форте появились казармы и конюшни, испортившие его сложившийся ансамбль. В последние годы владычества англичане начали строительство роскошных особняков в двух районах — Гулберге и Моделтауие, стремясь придать им вполне respectable вид. Селились в них чиновники колониальной администрации и наиболее преуспевающие местные бизнесмены.

Здание лахорского музея на главной артерии города Молл-роуд, коллекция которого по праву пользуется славой одной из самых богатых в Азии, построено в типично викторианском стиле. Первый на субконтиненте, лахорский музей был открыт в 1864 г. Перед зданием посередине улицы стоит на цоколе старинная пушка «Замзама», окруженная цепями, провисающими между

Пушка «Замзама» у входа в лахорский музей, которую называют «орудием Кима»

низкими каменными столбиками. Ее миниатюрные копии продаются как сувениры.

Пушка «Замзама» имеет свою историю. Она была отлита пуштунскими мастерами в середине XVIII в. и участвовала во многих битвах Ахмад-шаха Дуррани и других правителей. Ядра «Замзамы» летели на стены осажденных городов, в том числе Мултана в 1818 г. Поврежденная пушка сначала занимала место у Делийских ворот Лахора, а в 1870 г. была установлена на постаменте, где ее можно видеть по сей день.

А совсем неподалеку вам покажут невзрачное здание, где в былые времена размещалась редакция «Гражданской и военной газеты». Она выходила ежедневно на английском языке, издавалась для колониальной администрации и явилась преемницей первой в Лахоре газеты «Индийское общественное мнение», основанной в 1867 г.

Все это тесно связано с фамилией Кипплингов. Редьярд Кипплинг родился в Бомбее. Когда ему исполнилось шесть лет, отец, Джон Локвуд Кипплинг, художник-англичанин, живущий в Индии, отвез сына учиться в Англию. Такова была традиция. Вскоре Кипплинг-отец переехал в Лахор, где в течение 18 лет был хранителем знаменитого музея. В 1882 г. сюда приехал и 17-летний Редьярд, сформировавшийся в закрытом Девонском колледже как истый британец. Ему была предложена работа в «Гражданской и военной газете». Официально именуясь младшим редактором, Кипплинг выполнял самые разнообразные обязанности, вплоть до корректора и метранпажа. Кипплинг проработал здесь семь лет и уехал в 1889 г. в Лондон в качестве корреспондента этой газеты в метрополии. Важно и интересно отметить, что больше Кипплинг не возвращался надолго в Британскую Индию, а это значит, что, начиная от первых новелл, которые печатались в «Гражданской и военной газете», все, что написано им о субконтиненте, так или иначе родилось в Лахоре. Здесь был собран тот запас впечатлений, из которого зрелый писатель и поэт, самый талантливый из бардов британского империализма, черпал материал долгие годы.

На Молл-роуд начинается, например, действие авантурного романа «Ким», написанного через 12 лет после того, как Р. Кипплинг покинул Лахор.

...Веселый бездомный мальчишка Ким сидит верхом на «Замзаме». Он случайно подслушивает разговор хранителя Аджайб-Гхара («Дома чудес»), т. е. отца Киплинга, с тибетским монахом-странником.

Ким — сын ирландского колониального солдата, оставшийся сиротой, вырос в Панджабе. Он до тонкости знает местные языки и обычаи и даже внешне похож на своих сверстников-панджабцев.

Случай приводит его в полк, в котором когда-то служил отец, и офицеры решают дать ему образование в школе св. Ксаверия в Лакхнау. Но за смышленного мальчишку сразу ухватилась британская разведка, поручения которой Ким выполняет с азартом и увлечением. Он умело перевоплощается и точно выполняет поручения полковника Крейтона и его агентов.

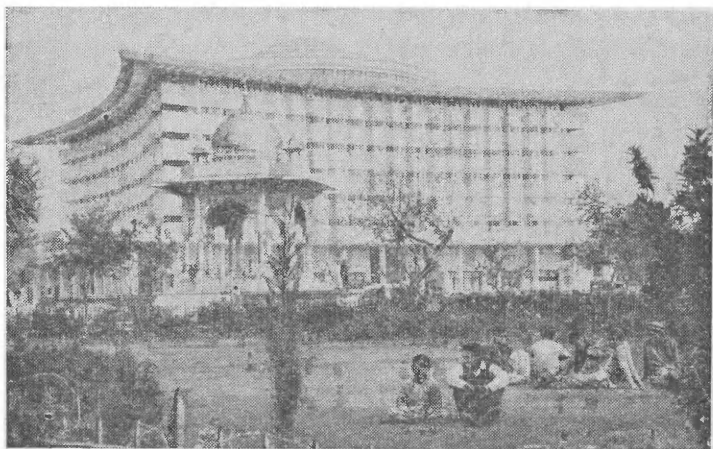
Быть может, не стоило бы вспоминать эту книгу, в которой Р. Киплинг возводит в ранг подвига шпионаж англичан в их колониях, если бы не одно обстоятельство. В 1901 г., когда был написан «Ким», особенно обострилась борьба Великобритании и царской России за сферы влияния в Азии. Поэтому главная авантюра Кима направлена против объединенной франко-русской разведки, действующей у афганской границы. И вот что хотелось бы отметить. Автор, давая характеристику одному из местных князей, пишет:

«Вместе с миллионами своих поработанных соотечественников он привык смотреть на Россию как на великую северную освободительницу».

Нельзя забыть, что эти слова принадлежат наиболее талантливому выразителю идеологии британского империализма, строки которого «Запад есть Запад, Восток есть Восток. И с места они не сойдут» можно поставить эпиграфом к полному собранию его сочинений.

Несколько лет назад на Молле появилось превосходное 11-этажное здание современной конструкции. Оно «вписалось» и удивительно гармонирует с колониальным корпусом Верховного суда и старинными беседками, украшающими сквер. В нем разместились государственная корпорация ВАПДА. Неподалеку в тени столетних платанов расположился вылизанный до блеска отель «Интерконтинентал» с ресторанами и бассейном.

...В Лахоре — праздник. Он проводится в первую не-

Старинная ротонда великолепно гармонирует с современным зданием ВАПДА

делю марта уже 15 раз и называется довольно прозаично: «Национальный показ лошадей и скота». Стадион «Фортрис» («Крепость»), вмещающий около 50 тыс. зрителей, переполнен. Название не случайно: одну из трибун заменяет крепостная стена с пятью воротами. Во время красочного недельного представления, являющего собой любопытное смешение обычаев и эпох, она служит своеобразной декорацией. Из пяти одновременно распахнувшихся ворот на огромное поле выходит сводный оркестр — 1700 музыкантов в шотландской форме, а затем въезжает отряд конной гвардии в киверах и красных доломанах. Так начинается каждый день праздника, а поздно вечером светящимися ручьями растекается по стадиону факельное шествие.

...Прожекторы выхватывают из темноты небольшие площадки, и вы видите воинственные танцы Белуджистана и Вазиристана. Скрещиваются сверкающие клинки, напоминая о вековых традициях, а затем ночное небо прочерчивают трассирующие автоматные очереди — век техники бесцеремонно вторгся в народные танцы.

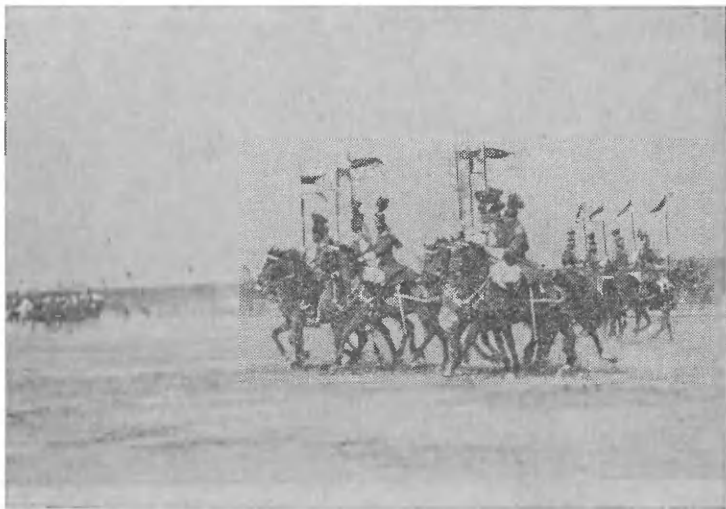
С утра стадион залит весенним солнцем. Четверки

всадников стремительно мчатся по полю. Копьем, напоминающим вилку, каждый из них на полном скаку должен вырвать вбитый в землю колышек. Это «тент-пеггинг») — национальный вид конного спорта, требующий большого мастерства.

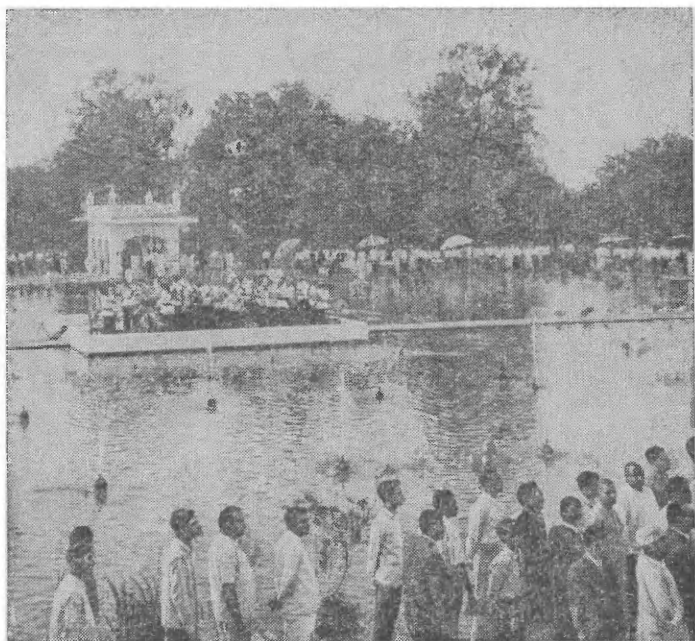
Отряд военной полиции демонстрирует искусство вождения мотоцикла. Люди в белых мундирах на большой скорости показывают индивидуальные и групповые спортивные упражнения, прыгают с трамплина через горячие кольца, а затем под аплодисменты зрителей девять человек проезжают на одном мотоцикле.

Скачки верблюдов — один из наиболее экзотических номеров программы. Вначале поражает резвость, казалось бы, неторопливых животных, а еще больше — ловкость наездников. Они проносятся вдоль трибун, стоя на спинах верблюдов, а наиболее опытные ухитряются промчаться сразу на двух животных по принципу: одна нога — один верблюд.

Но самое захватывающее зрелище — танцующие лошади. Прислушиваясь к затейливому ритму барабанов, вороная лошадка с звенящими браслетами на ногах старательно вытанцовывает. Вторая — гнедая двухлетка

Одно из выступлений на стадионе «Фортрис»

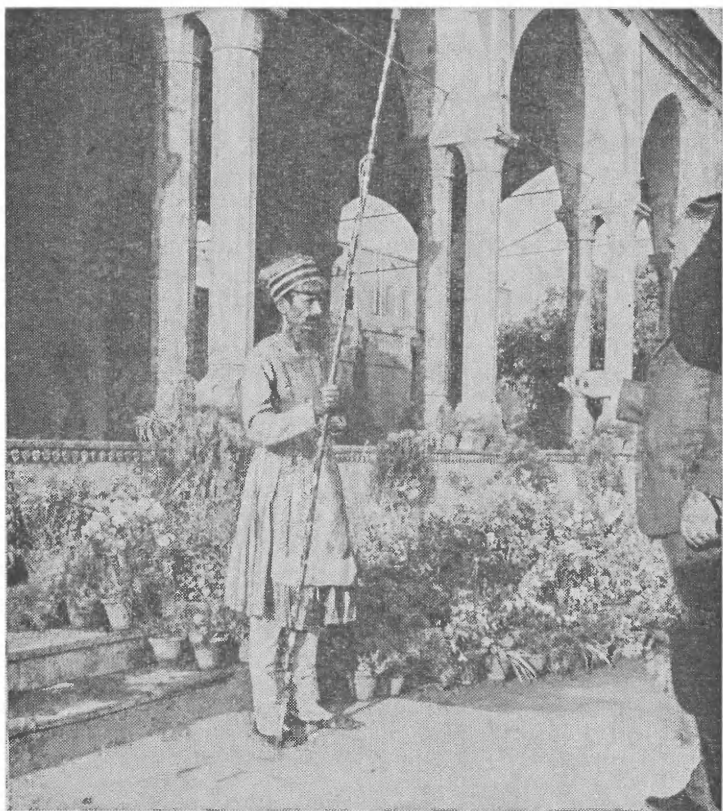
В дни праздников и торжеств в Шалимарских садах особенно многолюдно

без браслетов — ревниво топчется рядом, поводя влажными глазами и как бы призывая окружающих в союзники: «Это я — настоящая прима!» Но, видимо, по мнению загорелых до черноты людей, дирижирующих танцами, время гневной еще не пришло.

Пока гудит стадион, где-то на заднем плане идет деловой конкурс. Комиссии выбирают национальных призеров: лучших коней, коров, мулов, водяных буйволов, тонкорунных овец. В заключительный день зрители присутствуют при награждении победителей, а выращенных ими питомцев проводят мимо трибун.

На других площадках в те же дни проводятся собачьи бега, состязания в поло и обычные скачки.

День закрытия особенно торжественный. В последний раз звучат волынки и развеваются пледы шотланд-

У входа в дом губернатора. Страж в старинных одеждах

ских музыкантов, проводятся заключительные соревнования по «стиплъ-чезу» и «тент-пеггингу», вручаются призы. А ночью — заключительная факельная программа продолжается до тех пор, пока цветными огнями не загораются на поле слова: «Доброй ночи!»

— Легче схватить черную оспу, чем такси! — недовольно произносит наш случайный сосед-канадец у выхода со стадиона. Но мы с приятелем решили, что пятикилометровая прогулка не повредит, и шли, смешавшись с многоликой толпой. Азарт еще не остыл, и люди

оживленно обсуждали увиденное. За семь дней увлекательное зрелище посмотрели сотни тысяч лахорцев и гостей города. Надо отдать должное инициаторам и руководителям «Национального показа лошадей и скота», сумевшим превратить сугубо деловое предприятие в красочный праздник.

Змейками уходят в темноту узкие улочки с крошечными мечетями. Светятся огнями фабричные корпуса на рабочих окраинах, и горят керосиновые светлячки у лавок ремесленников. Но вдруг все взрывается заревом рекламы. Вы выехали на улицу кинотеатров, показывающих главным образом фильмы местных киностудий.

Еще до завоевания независимости кинопромышленность Индостана развивалась в двух городах субконтинента — Бомбее и Лахоре. Лахорские студии стали центром национального кино Пакистана. На них создаются каждые восемь фильмов из десяти. По выпуску художественных лент Пакистан в 1970 г. вышел на пятое место в мире.

Кино в Лахоре — особый микромир. Обложки иллюстрированных изданий украшают фотографии «звезд». Тонкое интеллигентное лицо Шамим Ара сменяет кокетливая улыбка Дибба, застенчивая — Нишо, ласковая — Розины. «Звезды» зовутся именами-псевдонимами. Вы можете прочесть об их бесконечных разводах и женитьбах. Картины делаются быстро, а браки часто оказываются в прямой от них зависимости.

В один из жарких июльских дней в Гималаях я случайно попал на съемку очередной ленты. Подвесная канатная дорога уходила вверх и обрывалась где-то «у самого неба». Плыли в воздухе цветные двухместные кабины, а атмосфера была самая непринужденная: незнакомые люди приветливо махали друг другу, обменивались фразами. В одной из таких кабин удобно расположился молодой человек в чалме. Звонким тенором он распевал незнакомую песню. В другой кабине улыбалась симпатичная девушка в живописном национальном костюме. Снимался новый фильм с участием известного киногероя Мухаммада Али и молодой актрисы Нишо. Внизу, на горном уступе, меня познакомили с продюсером и режиссером Икбалом Шехзадом. Веселый и энергичный руководитель съемок неожиданно приветствовал меня по-русски, потом перешел на английский.

— Приходится спешить. Через несколько дней лечу в Москву на фестиваль, возглавляю пакистанскую делегацию.

Вторая встреча состоялась в Лахоре, где Икбал представил меня актрисе Шамим Ара, оказавшейся в жизни такой же спокойной и строгой, как на портретах.

— Мне особенно приятно познакомить вас с участницей многих моих фильмов. Один из них — «Золотые серьги» — демонстрировался в Советском Союзе, — сказал Шехзад.

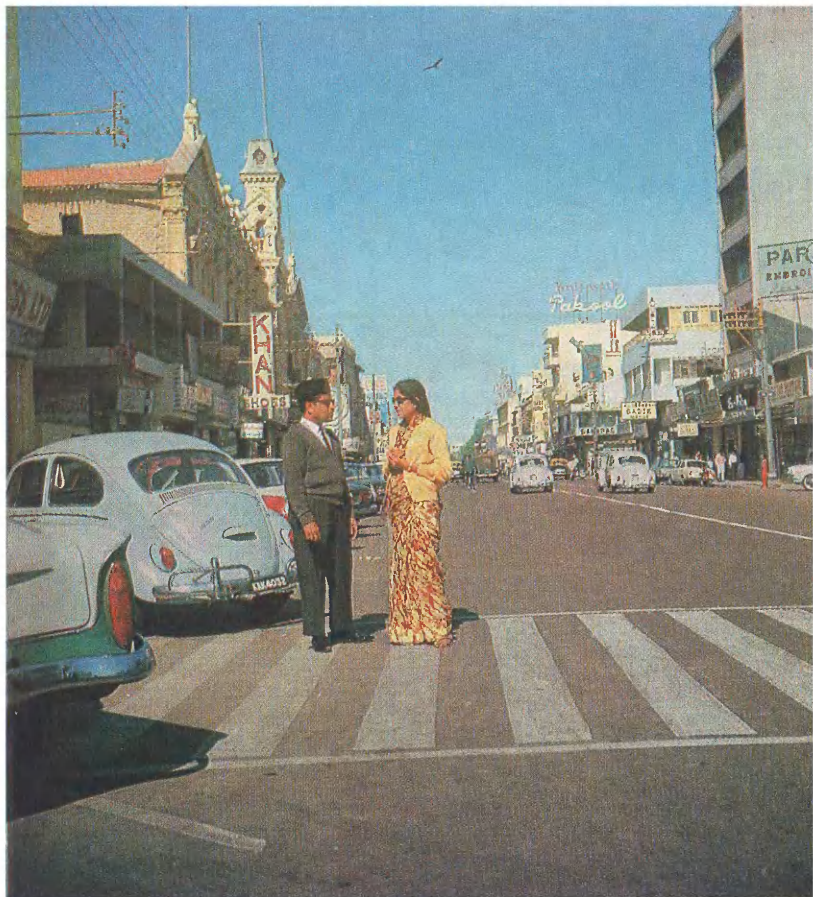
— А что за фильм вы снимали в горах?

— Он называется «Бази». Это романтическая история любви простых людей. Он — владелец тонги, бедный извозчик, она — обыкновенная девушка. В картине много народных мелодий. Я надеюсь, что «Бази» понравится зрителям.

Удивительно красочны торговые центры пакистанских городов в вечерние часы, когда загораются огни, а торговля идет особенно оживленно. В Лахоре ощущение «тысячи и одной ночи» особенно сильно. Миновав веселый многоцветный калейдоскоп ярких тканей, сверкающего металла, бижутерии, овощей и фруктов, мы приехали в гости в дом известного литератора Масгар Али-хана. Он один из наиболее прогрессивных публицистов, опытный газетчик. В те дни он был вице-президентом Пакистано-советской культурной ассоциации в Лахоре, а его жена — Тахира — активно участвовала в работе этого общества.

Высокий, худощавый, немного болезненного вида, Масгар был одет в длиннополый легкий сюртук национального покроя. Он охотно отвечал на любые вопросы, говорил негромко и, как всегда, продуманно. При встречах, которые последовали в более трудные времена, мне было особенно интересно узнать мнение Масгар Али-хана о сложившейся ситуации. Он являлся выразителем точки зрения наиболее прогрессивных кругов местной интеллигенции, которую изложил в серии статей на страницах «Доон», а вскоре после прихода к власти гражданского правительства возглавил эту газету.

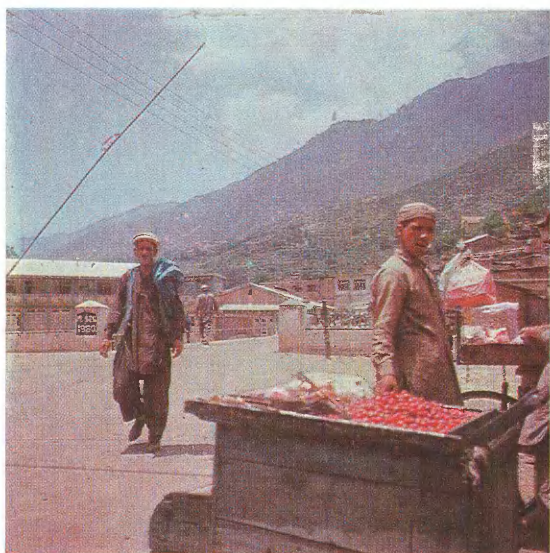
Тахиру отличала скромность и подлинная художественность натуры. Прекрасным вкусом была отмечена каждая деталь ее уютного, гостеприимного дома.

Элфинстон-стрит — главная торговая улица Карачи

Матери и дети

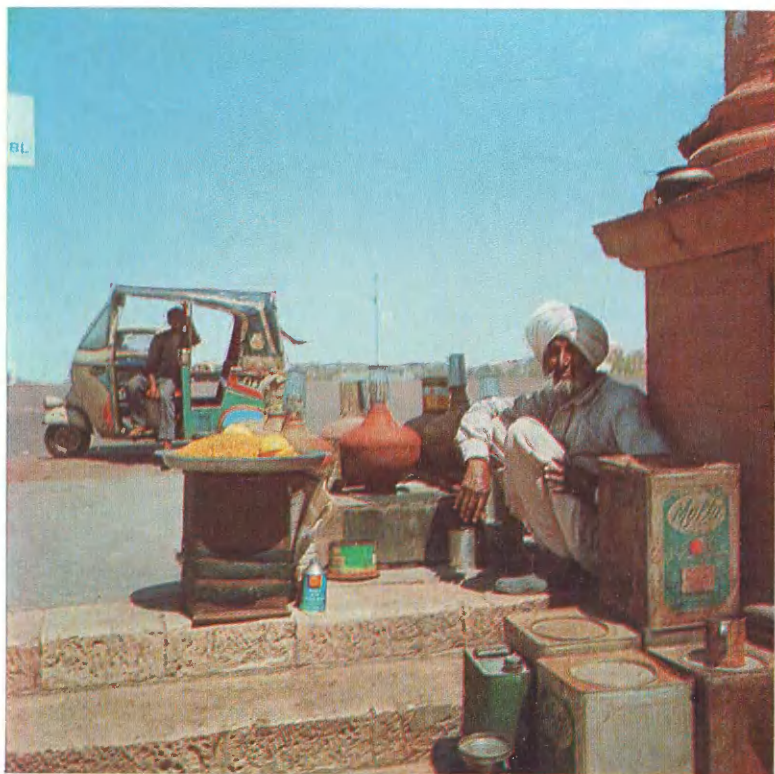

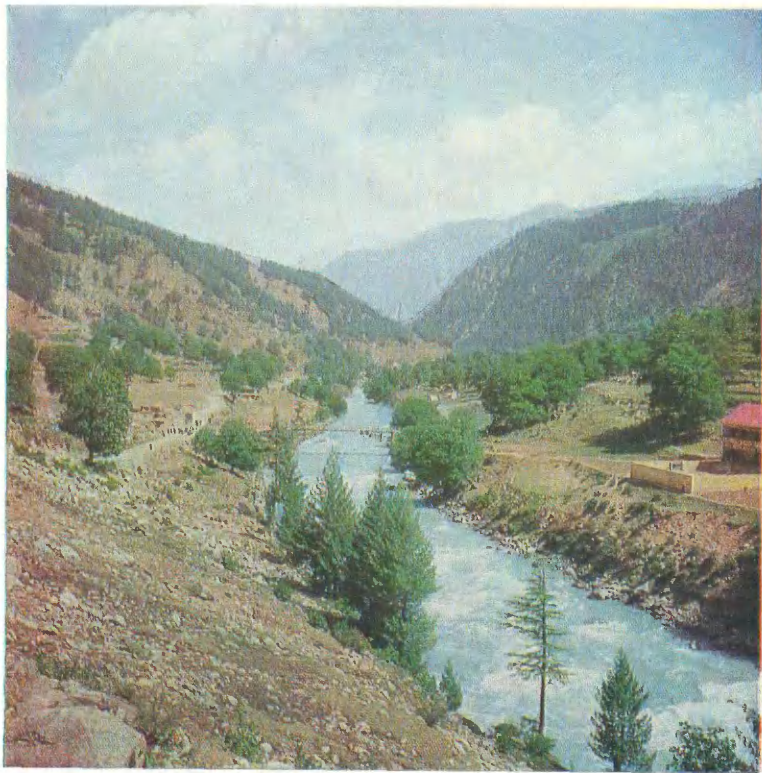
Горное селение

Одинокий вдовец.
Его борода всегда
окрашена хной

Центр Ларканы

Долина реки Сват

Главным украшением стены над камином был корень дерева, очищенный от земли. Он напоминал одновременно оленьи рога и пышную шевелюру. Блюдом для экзотических фруктов — шарифы, личи, амрута — служила кора обычного дерева. Трудно припомнить, сколько мы увидели в тот вечер интересных находок, гениальных по своей простоте.

В атмосфере гостеприимства и теплой дружбы мы провели чудесный вечер и возвращались за полночь. Улицы особняков и окраины давно уснули, но центральные улицы еще шумели, а в районе Анаркали трудно было найти место для стоянки машины.

Вместе с Григорием Ошеверовым, бывшим тогда заместителем главного редактора «Известий», мы провели насыщенный день: побывали в редакции «Пакистан таймс», местном пресс-клубе, осматривали город. Утром нас ждали в промышленном районе.

...Одетый «с игопочки» управляющий велосипедной фабрики «Сохраб» К. Латиф — инженер новой формации, энергичный, хорошо знающий как производство, так и управление. Молодой инженер окончил лахорский технологический колледж и три года практиковался в США.

— Мы начали 15 лет назад как кооперативное предприятие, — рассказывает управляющий. — Между прочим, я считаю этот принцип наиболее целесообразным в условиях нашей страны. В то время дельцам, продающим велосипеды, нужно было объединиться, чтобы выдержать конкуренцию с иностранными фирмами. Они и создали кооператив, — продолжает Латиф. — Первое время приходилось ввозить 80 процентов деталей. Сейчас весь велосипед собирается из пакистанских деталей. Мы импортируем только сталь из Англии и США и шарики для подшипников из Японии. Это, пожалуй, самая большая трудность для нас. Фабрика выпускает в день 305 велосипедов, а могла бы 450. Но получить лицензию на покупку металла довольно трудно, и цены на сталь, особенно американскую, непомерно высоки, хотя заказы выполняются точно в срок. 15 велосипедов ежедневно идет на экспорт. Их покупают страны Ближнего Востока и соседний Афганистан. Наши марки «Рустам» и «Сохраб» очень популярны в стране, а для багдадских покупателей мы по их просьбе сохранили привычное

для Ирака название «Кинг». Прежде такие велосипеды они покупали в Англии.

Уровень технической оснащенности фабрики управляющий не считает высоким. Однако недвижимый капитал за эти годы увеличился более чем в 100 раз, а акционеры уже получили вдвое больше первоначальных вкладов. На фабрике 1600 рабочих. Управленческий аппарат состоит из семи инженеров, один из которых занимается проектированием и реконструкцией велосипедов с учетом последних достижений. Кроме того, на фабрике 22 помощника инженеров и прорабов (техников) и 30 десятников (мастеров).

Нас интересует система оплаты. Гарантированный месячный минимум для неквалифицированного рабочего — 125 рупий, квалифицированный зарабатывает 180—200 рупий. Средняя заработная плата инженера — 1500 рупий, техника — 700. Кадры предприятие готовит на собственных курсах, в то время на них занималось 52 ученика.

На фабрике два сильных профсоюза. Это помогло рабочим добиться определенных льгот, в том числе выдачи бесплатных лекарств для работающих и членов их семей. Болеть рабочему «разрешается» 10 дней в году, за которые он получает полную заработную плату, а за следующую декаду — уже половину. Месячный оплаченный отпуск делится пополам: две недели — свадьбы и семейные дела, вторая половина — для отдыха.

При предприятии открыта столовая, в которой завтрак стоит 75 пайса, а чашка чая — 12. Каждому рабочему разрешается приобрести велосипед в рассрочку на два года. Учитывая трудности с жильем, владельцы фабрики купили землю под строительство домов для рабочих и инженеров.

— Многие предприятия Лахора сейчас бастуют. Как к этому относятся ваши профсоюзы? — спрашиваем мы.

— В прошлом году у нас была шестидневная забастовка. На этот раз рабочие решили не присоединяться к забастовке, но отчислили в фонд бастующих половину заработной платы.

Так постепенно от поездки к поездке продолжалось знакомство с современным Лахором, с представителями самых разных слоев пакистанского общества.

Слово «махалла» я услышал случайно от бойкого

мальчишки, когда попытался свернуть в одну из улочек старого города.

— Туда нельзя, там «махалла»,— крикнул он предостерегающе и засверкал голыми пятками.

Я прислушался к совету, взглянул на уходящую вдаль грязноватую мостовую, на небольшое кафе у перекрестка и отправился дальше. Ужиная вечером с одним из местных журналистов, Халидом, я спросил, что такое «махалла». Оказалось, что это просто трущобы, куда попасть без приглашения более чем рискованно.

— В Гулберге вы можете гулять повсюду целыми днями, но «махалла»... даже я боюсь попасть туда... В каждом из таких кварталов верховодит определенное лицо. Неофициально, разумеется. Как правило, это физически очень сильный человек, который любой спор решает с помощью кулаков. Его зовут «халифа» или «пехлаванджи», т. е. главарь. Стоит появиться в квартале незнакомому человеку, и он ни на секунду не останется без самого пристального наблюдения, а если сунет нос куда не следует, то эта прогулка может оказаться для него последней.

— Однажды со знакомым кинооператором я забрел случайно в «махалла»,— рассказывал Халид, прихлебывая кофе.— Вскоре мы заметили двух парней. Они неотступно шли за нами. Один из них подошел и спросил, кто мы и что делаем в этом квартале. Мой приятель ответил, что хотел бы сделать несколько кадров для фильма. Взгляд нашего гида стал гораздо дружелюбнее. Он даже помог организовать съемку, а затем пригласил нас выпить по чашке чая и на прощание крепко пожал нам руки. Мы решили, что нам здорово повезло,— закончил Халид свой рассказ.

В ответ я заметил, что очень верю в доброжелательность лахорцев, и привел недавний пример. Неожиданно в самый ответственный момент вышла из строя моя фотокамера. Сломался всего один винтик, но снимать было нельзя. Войдя в первую мастерскую на Молле, я попросил помочь мне. Нужного шурупа не оказалось. Тогда мастер снял свои очки, вывернул винт из них и через несколько секунд протянул исправную камеру, отказавшись взять плату.

— Это как повезет,— улыбнулся Халид,— но все-таки в «махалла» ходить не совету.

СИМВОЛЫ И СИМПТОМЫ

Бурлят предвыборные митинги по городам и весям. По улицам проносятся джипы с флагами и плакатами партий. Из установленных на них мегафонов слышны, как правило, только обрывки лозунгов «Голосуйте за... защитников народных интересов... прогресс и демократию!».

Вечерами на площадях и в парках собираются митинги. Нередко они оканчиваются конфликтами и кровопролитными столкновениями. «Сверху», из Исламабада, время от времени раздаются призывы к сдержанности. Тогда в дело вступает армия.

Избирательная кампания в разгаре!

За 23 года существования страна впервые готовится к прямым, всеобщим выборам, проводимым по принципу: «один человек — один голос». Это означает, что при любом исходе голосования Восточный Пакистан, где больше населения, получит большинство мест в парламенте.

Избирательная система, существовавшая прежде, игнорировала основное население. В марте 1965 г. президента, депутатов Национальной ассамблеи и двух провинциальных собраний избирали 80 тыс. выборщиков. Теперь в голосовании примут участие 56,9 млн. избирателей: не считая кандидатов, объявивших себя независимыми, на представительство в парламенте претендовали 24 партии. В конкурсе на 300 мест в Национальной ассамблее участвовало около 2 тыс. кандидатов.

Используя возможность одновременной баллотировки одного кандидата в нескольких округах, некоторые лидеры пытаются сделать для себя выборную лотерею бесприоритетной. Зульфикар Али Бхутто выставил свою

кандидатуру в четырех округах, Шейх Муджибур Рахман — в трех. После избрания они определяют, какой округ будут представлять в ассамблее, а на освободившиеся места будут проведены довыборы.

Прочие лидеры ограничились одним округом. Абдул Вали-хан решил баллотироваться в Чарсадде, М. М. Даултана — в Мултани, А. Каюм-хан — в Пешаваре, Нурул Амин — в Майменсингхе, экс-маршал авиации Асгар-хан — в Равалпинди. Маулана Бхашани и бывший амир «Джамаат-и ислами» Маулана Маудуди не выставили на этот раз свои кандидатуры.

Еженедельник «Интервинг» прогнозировал в феврале: на Востоке «Авами лиг» должна получить 61,8 процента, ННП (А. Х. Бахашани) — 16,8 процента, «Джамаат-и ислами» — 21,2 процента голосов. В Панджабе журнал предсказывал победу Мусульманской лиге (группа Даултаны) — 53,4 процента, отдавал джамаатовцам 21,2 процента, Партии пакистанского народа (З. А. Бхутто) — 4,1 процента голосов. В Синде, по мнению «Интервинга», Народная партия должна привлечь 30,3 процента избирателей, а Объединенный фронт Синда — 40,9 процента. В СЗПП предпочтение отдавалось ННП (А. Вали-хана) — 60,2 процента, а три Мусульманские лиги могли разделить между собой 37,9 процента голосов.

Однако прогнозы — дело сложное.

— Точно можно предсказать только одно: за кого будут голосовать крестьяне! — сказал мне знакомый адвокат.

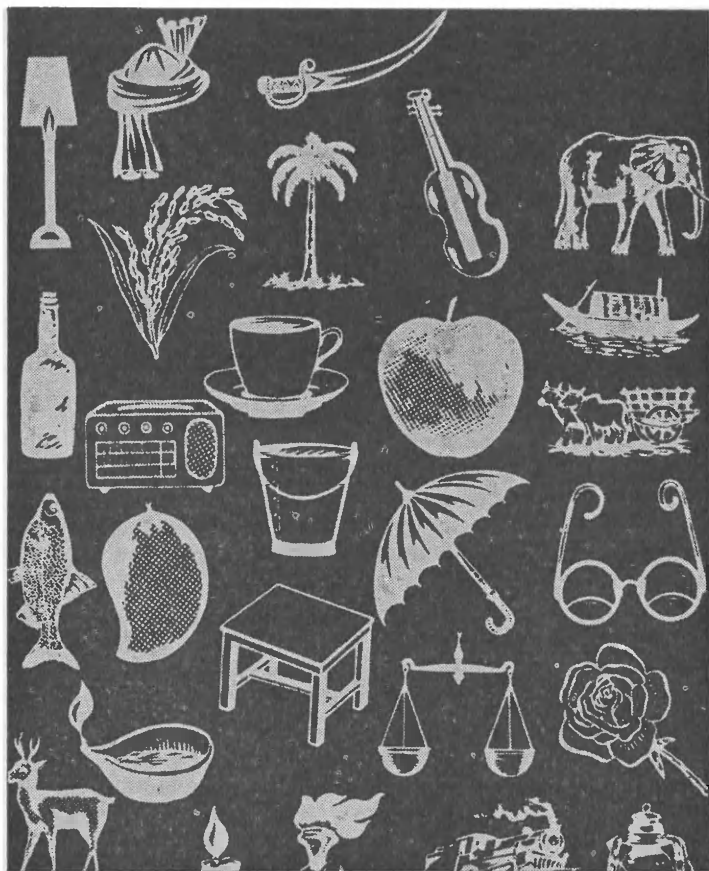
— За кого же?

— За того кандидата, которого им назовет помещик.

Словно в подтверждение этих слов, газеты сообщили на следующий день, что 12 самых крупных помещиков Суккура решили поддержать на выборах А. Каюм-хана.

Учитывая, что основная масса избирателей неграмотна, а страна многоязычна, все партии и независимые кандидаты выступают под символами, утвержденными избирательными комиссиями. Это небольшие рисунки, изображенные на предвыборных плакатах. Они будут воспроизведены и на бюллетенях для голосования.

Вот некоторые из них. «Авами лиг» избрала симво-

Символы партий и кандидатов в канун выборов

лом небольшую лодку — «сампан», партия З. А. Бхутто — «саблю». ННП А. Вали-хана в ходе кампании сменила символ: вместо «лошадиной головы» была взята «хижина». «Джамаат-и ислами» предпочла «весы», Демократическая партия — «зонтик» и т. д.

Перед выборами в Карачи я насчитал 55 символов-рисунков. Из них можно было укомплектовать небольшой зоосад (слон, тигр, олень, конь, буйвол, рыба, пара

Символы партий и кандидатов в канун выборов

волов в упряжке), неплохо сервировать десерт (ананас, манго), обставить комнату и воспользоваться различными видами транспорта.

Чтобы яснее представить предвыборную картину, я взял список претендентов, оспаривающих одно из мест в парламенте от округа Лахор I.

Писательница Бегум Аламгири, издающая журнал «Аказ-и-Нау», трижды избиралась в провинциальную и один раз в Национальную ассамблеи. Выступает как

независимая. Ее цель — «создать процветающее исламское государство в противовес социалистической экономической системе». Женщина при этом должна стать равным партнером мужчине.

Два представителя религиозных партий. Амир латорского отделения «Джамаат-и ислами» Чоудри Гулам Джилани желает видеть Пакистан «демократической страной, избравшей исламский путь жизни, предначертанный в Коране». Аналогичные взгляды и у торговца стальными изделиями Маулви Уллаха.

Торговец кожей Мухаммад Хусейн и владелец фармацевтической фирмы Миан Рахман представляют разные группы Мусульманской лиги. Оба строго придерживаются «пакистанской идеологии» и являются сторонниками создания сильного центрального правительства. Первый — решительный противник «социалистических концепций», второй заявляет о необходимости «ограничения диктата картелей и монополий».

Лидер профсоюзов Мирза Мухаммад Ибрагим, избравшийся президентом Пакистанской федерации профсоюзов, в прошлом организатор крупных забастовок железнодорожников. Газеты называют его «признанным руководителем крестьян и рабочих страны». Он считает, что будущая конституция должна отвечать нуждам народа и гарантировать его права, а производство в стране должно быть поставлено под контроль трудящихся масс.

Инженер д-р Мубашир Хасан — преподаватель колледжа и университета, один из организаторов Партии пакистанского народа, под символом которой намерен баллотироваться, увольнялся за поддержку студенческой забастовки. Выступает за кардинальные изменения в экономической системе страны и призывает положить конец эксплуатации трудящихся, при этом, по его мнению, Пакистан не должен идти по пути некоторых западных стран. Ныне д-р Мубашир Хасан — министр финансов, планирования и развития Пакистана.

Далее газета называет фамилии еще трех независимых кандидатов без биографий и позиций.

Итак, 10 претендентов на один депутатский мандат из 300. В Карачи за семь мест в ассамблее ведут сражение 62 кандидата. Как распределятся голоса 1 млн. 375 тыс. избирателей города, предугадать невозможно,

и обозреватели осторожно называют в каждом из округов двух-трех наиболее вероятных победителей.

В правительственных кругах велись лихорадочные подсчеты возможного исхода выборов. Власти не скрывали своих симпатий к правым, но понимали, что в сложившейся обстановке в лучшем случае можно рассчитывать на коалиционное правительство с неперменным участием в нем левых сил.

Яхья-хан издает «Закон об основах конституции». Главные положения конституции, предложенной правительством, не содержали ничего нового в сравнении с двумя прежними, кроме признания автономии провинций. Яхья-хан предупредил при этом, что «тенденции к организации беспорядков могут серьезно затормозить продвижение к обеспечению демократии». Разработанные положения, по мнению правительства, обеспечат «независимость, территориальную целостность и национальное единство Пакистана».

После выборов Национальная ассамблея должна, опираясь на этот закон, в течение 120 дней выработать новую конституцию страны. Если не удастся достичь согласия, то ассамблея распускается и назначаются новые выборы. Это положение вызывало наибольшие опасения. Многие влиятельные деятели предпочли выдвинуть свои кандидатуры в ассамблеи провинций, которым не грозила опасность роспуска.

В июне 1970 г. А. М. Яхья-хан побывал с официальным визитом в Советском Союзе. В совместном коммюнике было отражено стремление к дальнейшему укреплению существующих связей между обеими странами и расширению добрососедского сотрудничества в различных сферах. Советская сторона согласилась оказать экономическое и техническое содействие Пакистану в сооружении крупного металлургического завода в Карачи, а также внимательно изучить возможности помощи по другим объектам четвертого пятилетнего плана развития Пакистана.

В политическом плане советская сторона вновь подчеркнула твердое убеждение, что спорные вопросы индийско-пакистанских отношений должны быть урегулированы путем переговоров в духе Ташкентской декларации.

К осуществлению четвертого плана Пакистан при-

ступил 1 июля. Впервые преимущество в темпах развития отдавалось в нем Восточному Пакистану (60,2 процента). Даже такой грандиозный проект, как завершение строительства плотины Тарбела на Западе, «уравновешивался» сооружением защитного пояса дамб и плотин на Востоке протяженностью 2500 км, который обезопасил бы поля, селения и людей от капризов природы.

Для финансирования программ развития согласно плану выделялось 70—75 млрд. рупий, с преимущественным развитием государственного сектора (40—45 млрд.), особенно таких его отраслей, как производство стали, минеральных удобрений, станков и средств транспорта. Планом предусматривался ежегодный рост общего национального продукта на 6,5 процента. Кроме того, были намечены определенные меры к «достижению социальной справедливости».

Заканчивался мой отпуск, который я провел по традиции на Урале, бродя по лесам. В Москву я возвратился недели за две до вылета в Карачи, чтобы закончить кое-какие дела.

Первые телеграммы из Пакистана, которые я прочел в редакции, были тревожны. Очередное наводнение в Восточном Пакистане принесло огромные бедствия. Вода залила треть территории, и реки не собирались возвращаться в русла. Около 10 млн. жителей остались без крова, снесено 656 тыс. домов и хижин, 42 человека погибли. На большой площади смыло посевы. Убытки от потери урожая оценивались в 750 млн. рупий. Миллионам людей угрожал голод.

Отпуск пришлось прервать. Через несколько дней я уже передавал материалы из Дакки. Река Буриганг, вышедшая из берегов, затопила целые районы города. Более 35 тыс. жителей столицы поселились в палаточных городках. Огромные очереди выстраивались у пунктов распределения продуктов. Сильно пострадал край чайных плантаций — Силхет. Связь между многими городами и селениями нарушена.

В Дакке было много встреч с журналистами, бизнесменами, представителями администрации. Меня удивило, что о стихийном бедствии говорили очень мало и относились к этому событию спокойно.

— Наводнения в период муссонов бывают у нас каж-

дый год, — объяснил редактор газеты «Сангбад», вручая снимки для «Известий». — Нынешнее отличается лишь тем, что обычно вода сходит через неделю, а на этот раз продержалась на высоком уровне более 20 дней. Наводнение было использовано и для политических целей: выборы с 5 октября переносились на 7 декабря.

С редактором «Сангбада» Шахидуллою Кайсером мы познакомились в памятные дни Ташкентской конференции. Как многие бенгальцы, он невысокого роста, худенький, на первый взгляд подросток, с блестящими черными волосами и кипучим темпераментом. Кайсер был известным писателем. Свой первый роман «Жена торговца» он написал в тюрьме, куда был заключен по обвинению в коммунистической деятельности.

Кайсер не принадлежал к «Авами лиг». Он многие годы оставался убежденным сторонником ННП А. Вали-хана, считая, что программа этой партии на данном этапе наиболее радикальна. Но это не мешало ему трезво оценивать обстановку:

— Отсрочка выборов! Она не поможет военному режиму. Авторитет Муджиба растет с каждым днем. Вы не представляете, какую он одержит победу.

Советское правительство оказало в то время значительную помощь районам, пострадавшим от наводнения, но ходили слухи, что львиная часть из выделенных материалов может попасть из трюмов сразу на военные склады. Я прямо спросил Кайсера, кто получит, например, двигатели для мотоботов, палатки, одеяла. Мне, корреспонденту, неплохо бы взглянуть, кому они вручены.

Он понимающе улыбнулся в ответ и сказал:

— Наша газета постарается, чтобы двигатели были переданы рыболовецким кооперативам.

Даже в дни бедствия в Дакке не утихала предвыборная борьба. Едва дождь прекращался, на улицы выходили процессии. Внушительная колонна старшекласников требовала замены устаревших учебников. Пикеты водителей частных автомобилей, объявивших забастовку, останавливали каждую машину в поисках штрейкбрехеров.

Политические митинги, проводившиеся по вечерам на площадях, продолжались часами. Люди внимательно выслушивали ораторов. Многие впервые осознали

себя избирателями, воля которых может повлиять на ход событий, улучшить их жизнь.

Возвратившись в Карачи, я попал в «неделю забастовок». События этих дней оттеснили на второй план даже перипетии предвыборной кампании.

Стачка 6 тыс. докеров остановила на несколько дней все движение в порту. У причалов простаивали 22 судна, а еще 16, растянувшись цепочкой до самого горизонта, ждали на открытом рейде окончания конфликта двух профсоюзов портовых рабочих. 80 тыс. т грузов было «заморожено». Убыток выражался в солидной сумме — 1 млн. рупий.

Автобусы, идущие в Карачи из Хайдарабада, Татты и других городов и селений Синда, были переполнены. Сюда съехались учителя начальных школ провинции. Часть из них расположилась лагерем в парке Арамбаг, а 500 человек провели ночь у мавзолея Мухаммада Али Джинны. Здесь состоялся пятитысячный митинг под лозунгом: «Мы не уйдем отсюда, пока наши требования не будут удовлетворены!» 32 тыс. учителей начальных школ провинции требовали повышения заработной платы — со 120 до 250 рупий — и предоставления медицинского обслуживания.

Выступления учителей были на этот раз особенно упорными и продолжительными. Многочисленные локальные стачки в других городах также свидетельствовали о том, что существующим положением недовольны все слои населения, представители всех профессий.

Десять дней не печаталась кинореклама. Владельцы киностудий, кинотеатров и продюсеры требовали изменения системы налогов и правил цензуры. К забастовке, организованной на этот раз самими предпринимателями, поневоле примкнули все работники кинопромышленности. Их процессии возглавляли известные кинозвезды.

Для правительства это был тревожный симптом. На среднего пакистанца не производили впечатление цифры четвертого пятилетнего плана. Он видел, что жизнь дорожает с каждым месяцем, работу найти все труднее. Выборы выборами, а пока нужно, не теряя времени, заявить о своих нуждах. Бастовали 7 тыс. газетчиков: в стране не выходили 50 крупнейших газет общим тиражом более 1 млн. экземпляров. Радио и телевидение не

могли восполнить потери информации. Лишились предвыборной трибуны и политические партии.

Первой вышла из борьбы «Ивнинг стар», заявив, что «перо сильнее, чем шпага», а поэтому газета не может покинуть своих читателей. Несколько дней «Вечерняя звезда» была единственной утренней газетой. В итоге журналисты добились удовлетворения большинства своих требований.

Затем в Карачи бастовало 30 тыс. уборщиков мусора. Вслед за ними покинули госпитали молодые врачи. Продолжались стачки и на многих промышленных предприятиях. Борьба рабочих за свои права становилась упорнее, хотя капиталисты все чаще прибегали к локаутам. После трехмесячной забастовки владельцы «Адам Силк Миллз» закрыли предприятие, выбросив на улицу более 600 текстильщиков.

Предвыборная кампания подходила к концу. Мне пришлось говорить о выборах с разными людьми: чиновниками, шоферами такси, мелкими предпринимателями и даже с помещиком. Каждый из них стремился получить прежде всего определенную личную выгоду: дешевую квартиру, большой заработок, снижение налогов на землю или цен на горючее. В самом деле, что значил для крестьянина-арендатора призыв к национализации банков, если единственным банком для него всегда оставалась долговая книга заминдара.

И все же народу Пакистана впервые было предоставлено право задуматься о судьбах страны, ее будущем. Объективно это был большой шаг к демократизации пакистанского общества, к росту активности широких слоев населения.

Растянувшаяся предвыборная кампания была неприятным сюрпризом и для лидеров большинства партий. Она требовала все больше средств. В самом ее начале министерство информации объявило, что для предвыборных воззваний и разъяснения своих программ лидеры партий и независимые кандидаты могут пользоваться радио и телевидением, заплатив по тысяче рупий за каждую минуту выступления в эфире. Вскоре многие кандидаты убедились, что поговорка «время — деньги» имеет буквальный смысл, и начали пересчитывать свои партийные кассы.

Громкоговорители на джишах, курсирующих по

улицам, плакаты и макеты символов также обходились в круглую сумму. Каждому рядовому «агитатору» нужно было платить минимум 10 рупий в день.

Впереди еще два месяца предвыборной кампании. Где взять деньги? В этот момент и появились меценаты с толстыми бумажниками. Им было наплевать на предвыборную программу любого из кандидатов, важно иметь в будущем свой «голос» в ассамблее.

Количество мест в собраниях провинций было определено в соответствии с населением: Восточный Пакистан — 300, Панджаб — 180, Синд — 60, СЗПП — 40 и Белуджистан — 20. На них претендовали соответственно 2121, 1887, 895, 489 и 170 кандидатов. Итак, на 600 мандатов 5562 претендента. Предвыборный корабль оказался перегруженным.

Особенно обострились экономические противоречия между Западным и Восточным Пакистаном. Ни для кого не составляло секрета, что Восточный Пакистан был выгодным рынком сбыта товаров, производимых на Западе, и надежным источником получения промышленного сырья и иностранной валюты.

Главным предметом экспорта (от 47 до 51 процента) долгие годы оставался джут, который выращивался на плантациях Восточной провинции. Провинция давала 60 процентов общих поступлений в казну, получая для своих нужд всего 25 процентов. Западный Пакистан поглощал к тому же большую часть иностранной помощи.

Нужно учесть еще одно обстоятельство. Многие товары, произведенные в более развитых Западных провинциях, не были конкурентоспособны на мировом рынке, а рассчитаны только на сбыт в Восточной провинции. Поэтому инвестиции западных концернов в промышленность Дакки, Комиллы или Читтагонга приносили их владельцам практически двойной доход.

Иными словами, как писал один из видных экономистов, Пакистан извлекал в то время из бывшей Восточной провинции «все выгоды, которые могла бы получить империя из своей колонии».

Приближающиеся выборы должны были стать серьезным политическим экзаменом для 128-миллионного народа страны.

ШИРОКИЕ ПЛЕЧИ ИНДА

Синд полон контрастов. Огромные многолюдные города и безмолвная холмистая пустыня. Зеленые поля и плантации, разрезанные голубыми лентами каналов, а рядом — пустоши почти без растительности, покрытые белым налетом. И тогда возникает мираж. Из жарко нагретой избы глядишь в окно. Первый снежок покрыл землю и клочья пожухлой травы. Пожелтели заросли камыша у дальнего озера. Но затем вновь возвращаешься к реальности. В автомобиле действительно жарко. Вокруг вовсе не снег, а соль, выступившая из земли, вдали не камыш, а стебли сахарного тростника.

Единственная провинция Пакистана, где большинство населения живет в городах, — Синд. Всего 1,5 млн. жителей занимаются сельским хозяйством, но тем не менее Синд — важный аграрный центр, где выращивается почти половина риса, более четверти хлопка, производимого в стране, а также значительное количество пшеницы, сахарного тростника, овощей и фруктов.

Вся жизнь земледельцев навеки обречена с Индом. Даже народ, который издавна живет здесь — синдхи, — взял свое имя от слов «река», «речной». Река-кормилица давала средства к жизни многим поколениям, и если когда-то узкая зеленая полоса тянулась только вдоль русла, то после создания на Инде крупнейшей в мире оросительной системы она расширилась на десятки и сотни километров, опираясь на бетонные тела плотин и широкие плечи магистральных каналов.

Время от времени природа противится регулированию и преподносит сюрпризы. Осенью 1970 г. нижний Синд был объявлен районом бедствия. Ливни, продолжавшиеся почти два месяца, разрушили местные оро-

сительные системы, дороги, селения, погубили посевы на сотнях тысяч акров. Только за десять дней в районах Хайдарабада и Татты выпало 500 мм осадков. Было снесено 4 тыс. строений. Многие деревни превратились в острова. Убытки оценивались в 20 млн. рупий.

А следующий год выдался засушливым, и через Инд можно было перейти, не замочив ног. Вод могучей реки не хватило, чтобы заполнить каналы. Жители прибрежных районов с трудом находили питьевую воду для себя и скота. До океана не доходило ни капли влаги.

Два больших шумных города, Карачи и Хайдарабад, разделяют 150 км пустыни. Соединяют их железная дорога и две ленты бетона. При поездке по новой автостраде на всем пути не встретишь ни одного селения. Лишь кое-где стихийно вырастают лачуги на четырех столбах с громкими и не лишенными юмора названиями: «Аромат лепестков розы», «Роскошный вид» и даже «Интерконтинентал». Это примитивные ресторанчики с двумя столиками и десятком топчанов для короткого отдыха шоферов. Порой приходят бульдозеры и сравнивают такие временки с землей, но через несколько дней подобный городок возникает на другом месте. На всем остальном пути по обе стороны автострады мелькают только гряды холмов, напоминающие спящих верблюдов, да ложбины, заросшие пропыленными кактусами.

Второе шоссе веселее. Оно пересекает крупный промышленный район, минует деревни, огибает своеобразный оазис озера-водохранилища. На его берегах выстроены небольшие коттеджи, которые сдаются в аренду. Здесь проводят уик-энды состоятельные дельцы и чиновники из обоих городов, приезжая на день-другой с семьями или друзьями.

По этому шоссе мы и отправимся в путешествие по Синду, чтобы посетить уснувшие города Бамбхор и Татту.

Порт-памятник Бамбхор расположен километрах в 60 от Карачи. К его раскопкам, которые начались в 1958 г. и ведутся только в зимние, относительно прохладные месяцы, от оживленного шоссе ведет дорожка. Путь указывает стрелка с надписью «Бамбхор. Археологический музей».

Горячий воздух волнами плывет над пустыней. Озеро, чуть отступившее от полукруглых каменных ба-

стионов, не дает прохлады. Широкий сухой колодец археологической шахты уходит вниз почти на 9 м, до самых грунтовых вод. Шахта прорезала 23 культурных слоя, которые рассказали археологам о 15 столетиях жизни города-порта: от II в. до н. э. до XIII в. Пока неизвестно, какие тайны хранят слои, лежащие ниже подпочвенных вод. Историки упорно ищут доказательства, которые позволили бы связать судьбы Бамбхора и Мохенджо-Даро. Археологи рассчитывают именно здесь найти следы похода Александра Македонского. Есть все основания полагать, что отсюда флот Искандера под командованием Неарха отправился к берегам Тигра и Евфрата. Если бы только найти доказательства, что порт называли тогда Дабул.

Подземные этажи Бамбхора — целые эпохи. Пакистанские историки разделяли их на скифо-парфянский, индо-сасанидский и исламский периоды. В государстве с мусульманской идеологией последний из них приобретает особое значение: в Бамбхоре откопана самая древняя мечеть на субконтиненте, построенная предположительно в 727 г. Обнаружены также каменные плиты, покрытые арабской вязью цитат из Корана.

На пустынном холме обнажились внушительные полукруглые бастиионы, крепостные стены. Наметились кварталы домов, отдельные постройки, городские ворота.

По неизвестным причинам раскопки запрещено фотографировать, поэтому все экспонаты приходится хранить в памяти. Особенно хороша керамика (амфоры, покрытые росписью и темно-зеленой глазурью), женские украшения и детские игрушки. Среди найденных в руинах древних монет есть золотая багдадской чеканки 842 г. Изделия из слоновой кости, китайская керамика и другие находки говорят о широких торговых связях города-порта.

Скифы, пришедшие, по мнению некоторых исследователей, в I в. до н. э. из Ирана, приняли буддизм, но в искусстве остались преемниками эллинизма. В Бамбхоре найдены первые свидетельства их пребывания на берегах Аравийского моря. Так перекидывается мост на север — к Таксиле — греко-бактрийского периода.

Огромный интерес представляют и памятники времен персидской династии Сасанидов. В V в. персидские

суда свободно плавали от Рима до Цейлона и держали под контролем все побережье. На месте нынешних раскопок гремели барабаны персидских завоевателей, увозивших из покоренных городов богатую добычу.

Как только персидская империя ослабла, ее сменили на берегах Аравийского моря индийские династии. В Бамбхоре остался от этого времени храм Шивы с обилием архитектурных украшений, стоящий в центре площади, вымощенной морскими раковинами.

...Шел 708 год. По календарю хиджры, ведущему счет времени с момента переселения пророка Мухаммада из Мекки в Медину, минуло 89 лет. По пустыням и оазисам, поднимая вековую пыль, мчалось на конях небольшое, но хорошо обученное войско. Сильные и выносливые верблюды везли в разобранном виде осадную и штурмовую технику. Возглавил экспедиционную армию арабского халифата совсем юный правитель Кермана Мухаммад ибн Касим. Первым был захвачен Синд, который вошел в состав халифата.

Крепость-порт Бамбхор, возведенный у самого устья Инда, стал первым центром ислама и, как полагают, дал жизнь многим мусульманским городам, поднявшимся на пустынном побережье. Вокруг крепостных стен Бамбхора возник многоликий восточный город. На большой площади раскинулись кварталы ремесленников, шумели базары, грузились суда. Расцвет города продолжался до тех пор, пока Инд в XIII в. не ушел от стен города, неожиданно изменив русло. Жизнь порта была всецело связана с рекой. Лишившись главной артерии, Бамбхор оказался обреченным. Вновь, как это произошло когда-то в Мохенджо-Даро, последовало жестокое разорение города неизвестными племенами кочевников. При раскопках обнаружено множество скелетов, оставшихся непогребенными на улицах. Вместе с ними неизменно находили железные наконечники стрел.

Современность вторгается в этот древний город вереницами автомобилей. Всеми цветами радуги вспыхивают среди руин яркие сари. Сюда приезжают экскурсии и небольшие компании. В двух ажурных гостевых павильонах они оставляют термосы и коробки с едой, а затем спешат к историческим памятникам.

Обычно отсюда путь лежит в расположенную непо-

далеку Татту — средневековую столицу Синда. Оба города представляют разные эпохи. Татта как бы приняла в свое время эстафету Бамбхора, напоминая потомкам еще об одном периоде истории древней синдской земли.

Всего три столетия назад в этом городе насчитывалось 200 тыс. жителей, он с полным правом гордился своими дворцами, мечетями, многоэтажными жилыми домами, пышными фруктовыми садами.

Единственным молчаливым свидетелем былого величия, сохранившимся до наших дней, остается гигантский некрополь, занимающий площадь в 15 кв. км, на которой разбросаны мавзолеи, памятники, арки мечетей, орнаментированных мозаикой.

Свой «золотой век» город пережил в конце XV в., в годы правления султана Низамуддина. Быть может, от тех времен унаследованы только оригинальные сооружения — «уловители бриза», далекие предки современных воздушных кондиционеров: над крышами домов выступают трубы квадратного сечения. Они строятся над каждым из четырех углов здания и повернуты широкими раструбами строго на юго-восток, словно застывшие локаторы. Трубы «ловят» свежий морской ветер, который охлаждает помещения. Любопытно, что этим способом и сегодня избавляются от жары почти все жители Хайдарабада — наследника Татты.

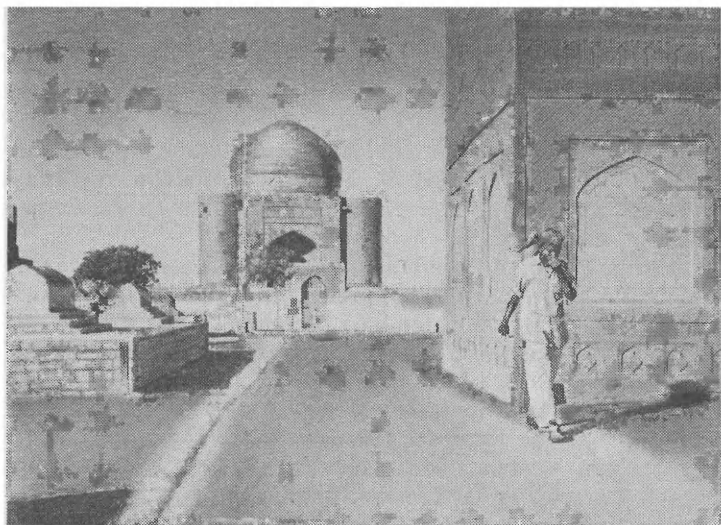
Известно несколько достоверных фактов из истории города. В 1555 г. 28 португальских кораблей под командованием Педро Баретта Ролима высадили близ Татты пиратский десант. Пираты захватили и разграбили город. Они покинули Татту с огромной добычей и ушли, освещенные заревом пожара.

В 1542 г. в Синде родился сын и наследник императора Хумаюна — Акбар. Ровно через полвека он присоединил Татту к могольской империи.

Город к тому времени отстроился вновь после пиратского набега, а вскоре его украсили многие архитектурные памятники, в том числе мечеть «Ста куполов», построенная во времена Шах Джахана.

Затем наступают сумерки. Множество легенд повествует о том, почему жители вдруг покинули Татту. В них говорится о страшных эпидемиях, нашествиях, междоусобицах, но все это — версии. Наиболее вероят-

Гробницы Татты

ное объяснение запустения Татты — разрушение экономики края в период общего упадка, наступившего при поздних Моголах, и изменение традиционных торговых путей.

В 1768 г. правитель Синда Гулам-шах из династии Кальхоров построил на левом берегу главного русла Инда крепость Хайдарабад и перенес туда столицу. В 1809 г. английский офицер Поттингер писал о Татте как о «большом разрушающемся городе, в котором осталось не более 20 тыс. жителей».

...В огромном некрополе почти всегда пустынно. Часть города, где теплится жизнь, находится по другую сторону шоссе. Гробницы расположены в беспорядке. Издалека видны одинокие фигуры, бродящие между памятниками. Остатки удивительной мозаики на сводах и колоннах кажутся никчемной роскошью.

Только однажды мы с приятелем вышли случайно к действующей мечети, заполненной народом. Под низкими сводами билась о пол каящая молодая женщина. Несколько фанатиков внимательно следили за каждым

ее движением. Маленькая жалкая фигурка распласталась на каменных плитах и напоминала полураздавленное насекомое. Мы покинули храм с таким чувством, словно побывали в средневековье...

Из всех пакистанских городов, в которых мне довелось побывать, Хайдарабад производит впечатление наибольшей скученности: беспорядочность застройки, лабиринты узких улочек, отсутствие простора. Старый глинобитный форт в центре города выглядит, как слепленный из песка ребятишками.

Если пересечь Инд по гребню плотины Гулам Мухаммада, наблюдая, как волны цвета кофе с молоком стремятся к океану, вы попадете в Джомшоро — вполне современный пригород, где расположены Синдский университет и один из крупнейших в стране медицинских центров. (В Пакистане всего 8500 врачей, один врач приходится на 6500 жителей.) Госпиталь в Джомшоро — база медицинского колледжа, который ежегодно выпускает более 100 квалифицированных врачей.

Над одним из зданий госпитального городка в 1968 г. появилась вывеска «Атомный медицинский центр». В нем я побывал во время одной из первых поездок по Синду. Все оборудование центра для диагностики и лечения тяжелых заболеваний прислано из Советского Союза, а его руководитель доктор Н. Кизилбаш проходил практику в Москве.

Слава о целительном атоме Джомшоро мгновенно распространилась по всему Пакистану. И если к сентябрю 1968 г. центр медицинской радиологии успел оказать помощь всего 65 пациентам, то через три года их было несколько тысяч.

Мне было особенно приятно услышать слова благодарности в адрес нашей страны не только от доктора Кизилбаша и генерала Гардези, который в ту пору был начальником госпиталя, но и от рабочего-текстильщика Калай-хана, вылечившегося от саркомы.

В университете в то время не было занятий. Поэт Муслим Шамим рассказал мне, какие самоотверженные усилия приложила интеллигенция Синда, чтобы сохранить древний язык синдхов, собрать поэтические и литературные произведения, навеянные песнями и легендами пустыни. Литературный факультет университета поэт назвал «цитаделью синдхи», хранителем традиций

Встречи в пути

замечательного певца Синда.— Абдул Латифа, творившего в XVIII столетии. Одновременно поэт с глубоким сожалением говорил о том, что только 40 процентов студентов университета — синдхи, а большинство лекций читается на урду или по-английски.

Великолепные мосты и плотины, весь облик Джомшоро мгновенно тускнеет, если въехать в черту «старого» города, хотя этот эпитет можно употребить только условно: Хайдарабату немногим более 200 лет, он — один из самых молодых городов Пакистана.

Неподалеку от вокзала раскинулся пустырь Кичарапар, застроенный редкими хижинами. Используется он как свалка для ржавых скелетов отслуживших свой век автомобилей. На первый взгляд место кажется необитаемым. Только женщина в лохмотьях сидит у порога одной из хижин, время от времени оглядывая все во-

Заминдар

круг. Оказывается, Кичара-пар — крупнейший центр нелегальной торговли наркотиками и местным самогонном «катчи-шараб». С утра до поздней ночи сюда тайком пробираются сотни наркоманов. Единственная обязанность опустившейся женщины — поднимать тревогу, если в округе появится кто-либо, похожий на переодетого полицейского, или просто незнакомец. Окончив дежурство, она бесплатно получит инъекцию наркотика и немного еды.

О судьбе этой женщины рассказал как-то репортер газеты «Сан». Всего за год до этого она потеряла мужа, но у нее остался дом и немного денег. Виной всему оказался морфий. Деньги кончились, дом был заложен. Тогда женщина перешла на более дешевый наркотик — «ракету», а вскоре очутилась на Кичара-пар.

Наркотики и самогон — самые процветающие из незаконных видов бизнеса. Производство «катчи-шараб» обходится всего в пять рупий за маунд (37,3 кг), а продается он по пять рупий бутылка. В окрестностях Хайдарабада действует более 20 тайных винокуренных заводов, множество складов и агентов. Имена их владельцев, как утверждала газета, хорошо известны полиции, но она ничего не предпринимает. Аналогичное положение и с «ракетными» капсулами, опиумом и марихуаной. Уничтожить преступные логова невозможно без активного участия самых широких кругов общест-венности.

После Хайдарабада оба шоссе сливаются в одно: до-рога бежит вдоль Инда к пальмовым рощам Суккура, рисовым полям Ларканы и памятникам Мохенджо-Даро.

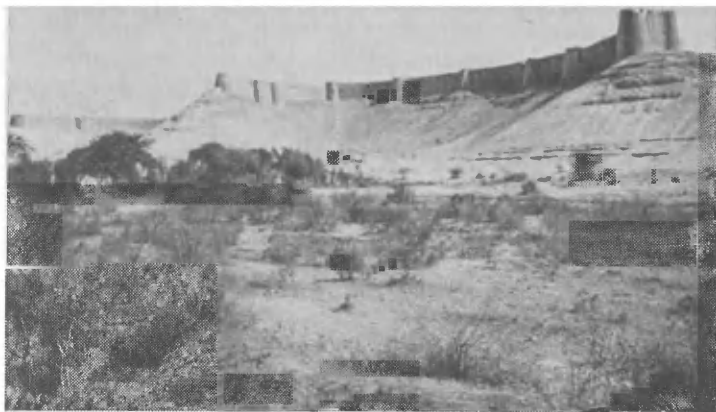
Идет уборка осеннего урожая — «харифа». Повсю-ду над метелками созревшего риса склонились фигурки людей, не покидающих поле даже в часы полуденного зноя. Все делается вручную. Не менее примитивно ве-дутся обмолот и вспашка.

На этот раз мы сворачиваем в небольшой городок Тандо-Джам. Я попросил знакомого профсоюзного дея-теля Шамима Васти представить меня живому поме-щику. (По статистике газеты «Бизнес рикордер», в стране 63 348 помещиков). Итак, впервые в жизни я разговариваю с помещиком. Мир Расул Бахш Таль-пур — представитель одной из старейших фамилий Син-да. Беседа проходит на веранде возле скотного двора. Рослый человек лет пятидесяти в ослепительно белой рубашке сразу после неожиданного для него знаком-ства (Шамим привел меня неожиданно) переходит в атаку:

— Я не помещик, я рабочий, помогающий стране развивать сельское хозяйство. Мой прадед Джамхан, поселившийся здесь, бесплатно раздавал землю,— гово-рит он.— Таких, как я, не так уж много. Больше тех, что лежат в своих городских домах под кондиционера-ми и стригут купоны.

— Какое у вас хозяйство?

— Орошаемой земли 155 акров, 100 из них под хлоп-ком. Фруктовый сад также 100 акров. Он не культиви-рованный. Растут плоды — и ладно. Главное для

Форт Кот-Диджи — одно из крупнейших крепостных сооружений Азии

меня — молочная ферма: около 100 коров, бычков и телят ценной местной породы. Дойные коровы дают 12 литров молока в день.

— Вести дела трудно, — продолжает Тальпур. — Мало воды, нет налаженного сбыта продукции. Всю коммерцию приходится вести через посредников-брокеров, которые бессовестно наживаются. Цены на хлопок диктуют владельцы текстильных фабрик, создавшие свой пул. Тракторы и другие машины я арендую на государственной прокатной станции, плата — 22 рупии за час. Машина арендуется вместе с трактористом, которому я обязан предоставлять ночлег и кормить.

— Сколько человек работает в вашем имении? Какой, если не секрет, оно приносит доход?

— Нас ведь целая семья — сыновья, дочери, — уклоняется собеседник от прямого ответа. — Это, если хотите, коллективная ферма. На всех мы имеем 500 ак-

ров земли. Живем, как средняя интеллигентная семья. В саду и на ферме я держу 25 наемных рабочих. Каждый получает 80 рупий в месяц (около 15 рублей). Всего в хозяйстве работают 65—70 человек.

— Кто же остальные?

Вопрос остается без ответа, но скорее всего они — издольщики, задолжавшие хозяину. Заминдар предупредил, что «его люди» не говорят на урду, а тем более по-английски, исключив тем самым всякую возможность разговора. Вскоре заминдар с чувством облегчения проводил нас до машины.

— Меня самого эксплуатируют посредники, — заявил он на прощание. — Я считаю, что государство должно больше помогать тем, кто веками трудится на этой земле, даже заминдарам.

Мир Расул Бахш Тальпур возглавлял муниципалитет городка Тандо-Джам, в котором 12 тыс. жителей, и был председателем местного отделения Партии пакистанского народа.

Между прочим, говоря о посредниках, Тальпур был прав. Многотысячная прослойка мидлмэнов паразитирует как за счет производителя-земледельца, так и за счет городского покупателя. Крестьянин, вырастивший овощи, получает, как правило, от посредников чуть больше трети их стоимости на рынке. Остальная сумма, за исключением стоимости перевозки и дохода розничного торговца, составляющих не более 15—20 процентов, оказывается в кармане посредника.

Не раз в прессе поднимался вопрос о создании на месте закупочных пунктов, чтобы уничтожить посредника и платить производителю более справедливую компенсацию за труд, а какую-то часть, изъятую у посредника, передать городскому покупателю за счет снижения розничных цен. Но сделать это в социальных условиях Пакистана практически невозможно.

Неподалеку от Суккура высится старинный форт Кот-Диджи. Он опирается своими бастионами на два холма. Седловина между ними перекрыта зубчатыми крепостными стенами. Когда-то форт считался одним из крупнейших фортификационных сооружений Азии. Всякий раз, минуя его мощные стены, я невольно вспоминал историю колонизации Синда и яркие страницы борьбы его народа с незваными гостями в пробковых

шлемах. Ведущую роль в сопротивлении англичанам сыграло движение хуров *. Поэтому Кот-Диджи всегда казался мне символом этого движения.

В 1831 г. колониальный деятель А. Бернс поднялся по Инду и Рави до Лахора. Один из местных мудрецов сказал по этому поводу: «Раз англичане увидели реку, мы потеряли Синд». Слова оказались пророческими. Англичане уже давно подбирались к этой территории. Еще в 1809 г. эмиры Хайдарабада, Хайрпура и Мирпура заключили с ними договор, направленный против французов. Впоследствии в него была включена туманная статья о необходимости ликвидации «разбойничьих банд», нарушающих мир на границе.

В 1843 г. во время первой Афганской войны по приказу лорда Элленборо колонизаторы под командованием Чарльза Непира начали оккупацию.

— Мы не имели права на захват Синда, но все же сделали это,— заявил через три года новоявленный правитель страны.

За столетие сменилось не одно поколение колонизаторов, но никто из них не мог заявить, что народ Синда покорился. Этот район был самым беспокойным на субконтиненте.

Еще до захвата Синда англичанами в обширных районах под Суккуром сложилась религиозно-реформаторская секта хуров. После колонизации ее деятельность приняла ярко выраженный антианглийский характер.

Местечко Пирджо Годхо, расположенное в 20 км от Кот-Диджи, где жил вождь и идеолог хуров Пир Пагаро, стало центром движения, охватившего широкие слои населения, особенно крестьянства. Опорой Пира Пагаро стала тайная организация «Фирка», объединившая десятки тысяч до конца преданных делу хуров единомышленников. Имя и титул Пир Пагаро стали наследственными и передавались от отца к старшему сыну.

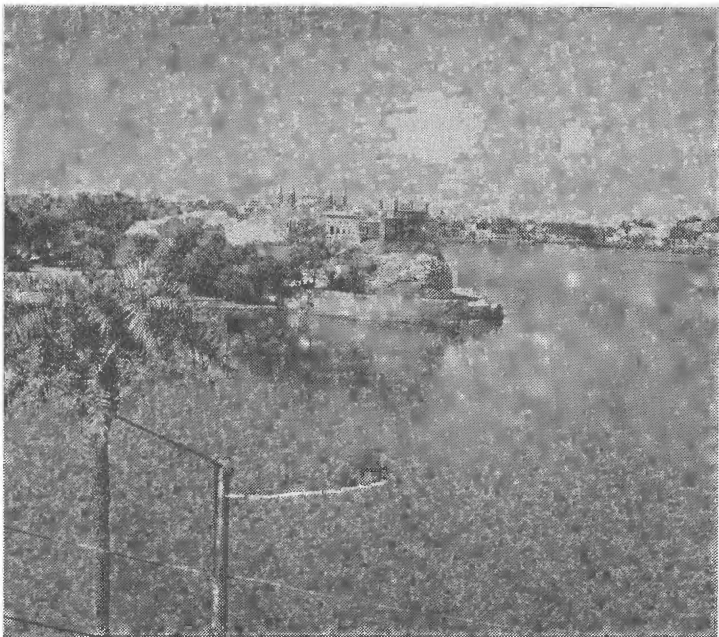
Первое вооруженное восстание хуров против колонизаторов началось в 1896 г. Подавить его англичанам удалось только через 12 лет, опустошив районы восстания.

С этого времени вплоть до ухода колонизаторов почти 40 лет здесь сохранялся военно-полицейский режим,

---

* Хур (араб.) — независимый, вольный, свободный.

Словно в зеркало смотрится Суккур в спокойные воды Инда

а в годы второй мировой войны в провинции находились тысячи солдат, артиллерия, бронемашины и авиация.

Восстания хуров под лозунгом «Синд для синдхов» вспыхивали еще дважды — в 1928 и 1941 гг. Последнее было подавлено с особой жестокостью. Пир Пагаро (третий) был схвачен и повешен, а его сыновья отправлены в Англию. Однако «Фирка», в которой числилось уже 200 тыс. хуров, продолжала борьбу.

Возвратившийся после освобождения Пакистана на родину старший сын Пира Пагаро фактически управляет в наши дни из Пирджо Годхо обширной областью, ставшей «государством в государстве».

...Словно в зеркало смотрится Суккур в спокойные воды Инда. Река кажется здесь широким озером, к самому берегу которого ступенями сошли здания и минареты. На холме высится овеянный легендами замок «Семи сестер», построенный в доисламские времена.

С левобережным пригородом Рохри Суккур связан старым горбатым мостом и плотинной, сооруженной в 1932 г. До создания энергетических гигантов на реках Советского Союза она считалась самой большой в мире. Здесь начинается крупнейшая в мире ирригационная система. У плотины берут начало семь магистральных оросительных каналов общей протяженностью 10 тыс. км. После завоевания независимости оросительная система распространилась на нижний Синд, где в 1955 г. в пригороде Хайдарабада — Котри выросла плотина Гулама Мухаммада. Она позволила довести обрабатываемые площади почти до 14 млн. акров (более 40 процентов всей территории Синда). Борьба с природой продолжается и сегодня. Трудностей много: засоление и заболачивание почв, недостаток машин, химических удобрений и сортовых семян. Главная же проблема — социальная пропасть, разделяющая арендаторов-издольщиков и заминдаров, стремящихся удержать доходы и привилегии. Она ждет радикального решения, так как стала тормозом в развитии сельского хозяйства края.

Колонизаторы построили в Суккуре не только плотину, но и «самую большую тюрьму в Азии». Оросительная система была нужна колонизаторам, чтобы выращивать в долине хлопок и отправлять его на фабрики Манчестера, а огромная тюрьма в самой горячей точке субконтинента — чтобы держать за прочными запорами тысячи борцов за землю и свободу.

Тюрьма существует и сегодня. Это огромное белое здание, окруженное деревьями. У входа — статуя полицейского, держащего на цепях двух зубастых мифических чудовищ. Начинается тюрьма, как это ни странно, с магазина, открытого для всех. В нем продаются ковры, ткани ручной выделки и керамика. Все это также сделано узниками. Наш гид, местный адвокат и поэт Хасан Хамиди, предложил пройти внутрь, но мы вежливо отказались.

От Суккура мы избрали обходную дорогу по правому берегу, через «город охотников» Шикарпур, в окрестностях которого еще сохранились островки джунглей, через тихую Ларкану, где некоторые дома украшены затейливой деревянной резьбой, не подозревая, что в пути нас ожидало приключение.

ЛИЦО, МЕЛЬКНУВШЕЕ В ТУМАНЕ

При выезде из небольшого синдского городка Даду я затормозил возле группы мужчин — рослых и бородатых. Солнце уже пригрело, но все они были задрапированы в одеяла из верблюжьей шерсти. От этого группа из пяти или шести человек выглядела таинственно и живописно.

Нужно было спросить дорогу в Севан-Шариф, где в эту неделю, на пороге рамазана — месяца поста и молитв — раскинулась традиционная ярмарка. Каждый год она напоминает о мусульманском святом, похороненном здесь лет 800 назад. Звали святого Лал Шахбаз Каландар.

До многоцветных ярмарочных шатров и лент оставалось еще миль 30, а мы, как назло, забыли на месте ночлега последнюю, хотя и плохонькую, дорожную карту из тех, что можно получить иногда на заправочной колонке в качестве рекламного презента. Мы ехали вторым и очень спешили в Карачи, чтобы встретить московский самолет. Поэтому приходилось считать минуты.

— Пожалуйста, я покажу вам дорогу,— сказал один из ожидающих.

Обычная на Востоке услуга. Я открыл дверку, и высокий стройный человек средних лет опустил на сидение. Вслед за ним в машину полез было еще один малый довольно устрашающего вида, но две женщины, сидящие сзади, крикнули в один голос:

— Только один!

Люди перекинулись несколькими словами на синдхи, один из них остался, кинув недобрый взгляд, дверь захлопнулась, и машина помчалась дальше.

Повозка, пришедшая из времен Мохенджо-Даро

Слева, за квадратами рисовых полей, поднимались остатки джунглей. Когда-то они были непроходимы, да и теперь, кто знает, что скрывается за зеленой пушистой каймой, протянувшейся вдоль берегов Инда. Справа медленно и лениво разворачивалась цепь холмов, изредка мелькали селения или старинные одинокие мечети, похожие на театральные декорации.

Стада буйволов отдыхали в небольших водоемах. На поверхности оставались только ноздри и черные, лоснящиеся крупы. На многих чудовищах с белесыми глазами сидели изящные белоснежные цапли. Они деловито и невозмутимо отыскивали в толстых буйволиных шкурах свой завтрак.

Дорога отнимала почти все внимание. Она была узко-

Отдыхающие буйволы

вата, а навстречу один за другим мчались автобусы, тяжелые грузовики и цистерны. Со случайным попутчиком мы обменялись всего несколькими банальными фразами. Он спокойно глядел на дорогу черными с синью глазами, похожими на переспевший терновник, и дважды взглянул на ручные часы — дорогие и современные. Я, помнится, спросил, чем он занимается.

— По лесной части, — ответил сосед с улыбкой.

Минут через 40 у Севана он попросил остановить машину возле подobia лесного склада. Во всяком случае, у ворот стояли упряжки волов, притянувших откуда-то мощные кряжи. От костра, возле которого маячили две-три фигуры, поднимался голубоватый дымок.

С неожиданной галантностью попутчик предложил

нам сойти и выпить по чашке чая. «У нас хороший чай!» — подчеркнул оп. Мы вежливо поблагодарили, сказав, что очень торопимся.

Добровольный гид слегка поклонился. Именно в эти секунды он поразил меня и изрядно напугал женщин. Когда распахнулась накидка, оказалось, что на бедрах его висят два внушительных пистолета, а грудь перекрестили патронные ленты, которых, вероятно, хватило бы для серьезного боя.

Быстрыми упругими шагами он направился к костру. Люди, сидевшие на корточках, поднялись и, как мне показалось, приветствовали прибывшего довольно подобострастно. Бывший наш спутник обернулся, помахал рукой. Облачко дыма наплыло в этот момент на его лицо. Таким оно и врезалось в память — исчезающим в тумане.

Мы двинулись дальше. Какое-то время мои спутницы были не на шутку встревожены. Уж слишком сильное впечатление произвел на них арсенал незнакомца.

Стало ясно, что они вспомнили бесчисленные сообщения о похищениях женщин и детей.

— Да оставьте, — вяло возражал я. — Ведь сами слышали, что он лесник. Наверно, охраняет делянки или склады где-то на севере. А там — все с оружием.

На этом разговор прервался. Нас захватил и увлек фейерверк сельской ярмарки. Она бурлила ярким цветником, начиная от мечети Лал Шахбаза, украшенной флажками. Горы мандаринов горели, как игрушечные закатные солнца, сверкали золотистые созвездия маленьких планет-лимонов, а между ними рубиновыми огнями мерцали стаканы, наполненные гранатовым соком. За фруктовым рынком — лавки-навесы, где продавались ткани, радугой развевались шелковые ленты. Их палитра еще богаче. На Востоке любят контрастное противоборство красок.

В многоголосом гуле ярмарки звучала целая симфония звуков. Донесся издали отрывок грустной мелодии. Ей ответили бубенцы верблюжьего каравана. Плотные, насыщенные ритмы барабанов сплетаются с резкими позывными флейты, мяуканьем прирученной пантеры, фанфарным призывом слонов.

Шумит, волнуется сельская ярмарка. В обеденный час она слегка притихает, но едва спадет полуденный

зной, вновь раздадутся крики зазывал у балаганов, лавок и ресторанчиков. Ярмарка будет шуметь до глубокой ночи, пока в небе не вспыхнут крупные звезды, а у столиков и харчевен — фонари, гирлянды разноцветных лампочек и колеблющиеся огоньки свечей.

Когда разлился закат, мы были уже далеко и мчались по современной автостраде. Остановка была только одна: в месте, где такси, столкнувшись с грузовиком, превратилось в подобие двух изуродованных мотоциклов.

Наутро в газетах под заголовком «Трагедия суперхайвея» было подробно описано столкновение. Оказалось, что компания сильно подвыпивших лиц с уголовным прошлым решила прокатиться в Севан-Шариф, а инициатор ночной прогулки Салахутдин занял место шофера. При столкновении на полной скорости пять человек погибли, а водитель грузовика скрылся «в направлении пустыни». Подробности и имена удалось узнать, когда один из трех тяжелораненых пришел в сознание.

Прошло месяца два. Однажды, когда я почти машинально перелистывал маленький журнальчик — приложение к газете «Сан», с одной из страниц на меня бросил взгляд человек, исчезнувший в тумане.

Подпись под расплывчатой фотографией гласила:

«Это единственный снимок Мабина Дахри, которым располагает полиция. Он действует в сговоре с местными помещиками. Его главный источник дохода — лесные подрядчики». Статья называлась «Король бандитов Синда». Одному из корреспондентов, Наджмалу Хасану, удалось довольно коротко познакомиться с Мабином Дахри.

Начинался репортаж так: «Мабин Дахри, наводящий ужас на округ Хайдарабада, признан некоронованным правителем бандитов Синда. Причиной тому ловкость, с которой он вот уже пять лет проходит сквозь сети, расставленные полицией. Главарь шайки из девяти головорезов живет с риском, смело переносит неудобства, доставляемые погодой и джунглями, полными змей, ядовитых насекомых и постоянной опасностью полицейских рейдов».

Мне сразу вспомнился попутчик, его ответ относительно «лесной части», тип, пытавшийся влезть в машину, пистолеты.

Дальше я попытаюсь изложить историю Дахри. Итак, его объект — лесные подрядчики, они же бизнесмены, скупающие концессии на вырубку участков. Называют их коротко: «контракторы». Шайка облагает их данью, составляющей, как правило, десятую часть общей суммы контракта. Мабин неплохо поставил собственную «службу безопасности». Он превосходно осведомлен как о коммерческих сделках, так и о передвижениях полицейских отрядов.

...В лесу появляется новый контрактор с артелью нанятых лесорубов. Вскоре к нему прибывают гости, которых он совсем не ждет. Возглавляет делегацию обычно сам Мабин и его вспыльчивый помощник Обахио Мирбахар. Он — грубый человек. (Как хорошо, что я не пустил его в машину!) Мирбахар кричит, размахивает пистолетом, угрожает убить контрактора или похитить его детей.

Мабин успокаивает его:

— Перестань, Обо! Должны же мы в конце концов дать человеку возможность получить прибыль. А за то, что он тебя так огорчает и расстраивает, при следующем контракте мы не сделаем ему никаких уступок.

Так устанавливается рента. После уплаты денег контрактор получает от бандитов расписку с подписью Дахри или Мирбахара. Она служит гарантией, что никто более не имеет права требовать денег. Если договоренность не будет достигнута, контрактора могут избить, а на следующий день ни один из лесорубов не выйдет на работу...

Инспектор, возглавляющий отдел по борьбе с бандитизмом, вызвал в полицейское управление 20 помещиков. Им предъявлено обвинение в пособничестве шайке Дахри. Полиции известно, что местные заминдары обеспечивают ее продуктами и патронами, предоставляют приют и информацию.

Все напряженно молчат, вытирая потные лбы. Лишь изредка раздаются хриплые реплики: «Что мы можем поделаты!», «Только здесь, в полиции, мы в безопасности! А что будет завтра?», «Горе тому, кто попытается обмануть Дахри!».

Опытный инспектор, обезвредивший в своей жизни не одну банду, знает об этом не хуже заминдаров. Он тоже нередко получает сведения о местах пребывания

или ночлега шайки, но его люди всякий раз опаздывают. Совсем недавно в окрестностях Даду был убит в перестрелке с бандитами один из констеблей. Инспектор помнил и тот случай, когда Мабин перехитрил «лучшего следопыта на субконтиненте», пройдя около мили по грудь в воде, чтобы непревзойденная служебная собака Пэгги окончательно потеряла след.

А заминдар из деревни Куча-Ханат думает о другом. Знакомый ему подрядчик потерял почти все свое состояние — 400 тыс. рупий. Он попытался не уплатить Мабину обещанные 10 тыс., а наутро весь заготовленный лес был сожжен. У другого упрямого контрактора бандиты похитили племянника. Вернули его почти через месяц, после уплаты суммы гораздо более внушительной, чем та, которую требовали до пленения заложника.

Что может предпринять заминдар, у которого куча детей, против Мабина? В джунглях действует закон джунглей, а заминдару вовсе не хочется терять семью и имущество. К тому же никто не может поручиться, что Мабин не узнает каждого произнесенного здесь, в полиции, слова.

В это время на поляне, окруженной густыми зарослями, пылает костер. Мабин Дахри, развалившись на паласе, ждет, когда его пригласят к обеду. Готовит его один из членов шайки, бывший повар. Подрумянивается над огнем молодая баранина, булькает в котелке острый соус карри. Мабин размышляет. Ему скоро сорок, а жизнь, которую он ведет, началась в 22 года, когда он, поссорившись с помещиком, примкнул к шайке Шуджи Бамбро, промышлявшей обычными мелкими грабежами. Он помнит, как вскрикнул Шуджи, смертельно раненый в перестрелке. Лет семь назад вместе с Разой, братом Шуджи, он убил заклятого врага — заминдара. Вскоре и Мабину довелось познакомиться с полицией. Всесильный Пир Пагаро передал ему приказ сдаться. Дахри наивно рассчитывал, что скоро получит свободу, но вдруг почувствовал, что над ним нависла реальная угроза петли. Когда его перевозили в более надежную тюрьму, он на ходу спрыгнул с поезда.

С тех пор продолжается жизнь начеку, среди таких же отверженных и опасных. О чем думает сейчас Мирбахар? Кажется, что он дремлет, но так ли это? Впрочем, если Обахио и превосходит его, Мабина, в дерзости

и жестокости, то далеко уступает ему в коварстве, опыте и умении избегать расставленных ловушек. Пока его можно не опасаться, как Салеха, которого пришлось пристрелить. Уж слишком ретиво и нахально пробивался он к его атаманскому месту.

Обед готов, и вся шайка рассаживается у костра. Потом все долго пьют ароматный чай «желтая этикетка» — единственный сорт, который признает Дахри.

— С севера пожаловал свежий контрактор Вазирхан, — говорит Мирбахар. — Теперь он в Севане. Неплохо бы повидаться...

— Какая сумма контракта? — коротко спрашивает Мабин.

— Тысяч 100—120.

— Возьмем на первый раз 10. Завтра поедем в Севан-Шариф. Там нынче ярмарка и полиции не до нас. Доберемся попутными машинами по одному или по двое.

Еще и еще раз Мабин Дахри продумывает план. Так не хватает ему сейчас Сабу Хасхели, убитого совсем недавно полицейскими. Их осталось только девять.

Инспектор в Хайдарабаде тоже думает о Дахри. О нем известно многое, вплоть до мелких привычек. Он, например, любит хорошо одеваться. Его обычный костюм — широкие шальвары, шелковый тюрбан, рубашки из дорогой ткани. Однако главное хобби Мабина — ручные часы.

— Только Аллах ведает, что он делает с таким количеством часов, — жаловался один из пострадавших контракторов. — Еще хорошо, что он требует «Кэми», считая, что это лучшая марка в мире. А что будет, если он захочет «Ролекс»?

«Быть может, послать ему в подарок часики с „начинкой“ и покончить на этом, — думает инспектор. — Нет, это не годится, нет гарантий. Пора уже иметь в отделе специальные средства связи, хороший транспорт для холмистой местности, наладить специальную тренировку людей. А начальство только требует и выражает недовольство».

Инспектор вызвал джип и поехал в Даду. Я не уверен, что ему не встретился на пути «форд», с переднего сидения которого настороженно глядит человек средних лет, с глазами цвета переспевшего терновника, закутанный в одеяло из верблюжьей шерсти.

Примерно через год после описанной встречи имя Дахри вновь замелькало на газетных страницах. Власти обратились к Пиру Пагаро с просьбой помочь обезвредить неуловимого «короля бандитов», которого не удалось поймать даже специально сформированному полицейскому отряду. Не помогла и награда в 15 тыс. рупий, обещанная за поимку Дахри и членов его шайки. К тому времени их было только пятеро: убит Гахело, Валло Лунд и Обахио Мирбахар сдались в плен, Джам Чачар схвачен рейдерами.

Дахри обратился с письмом к властям, выражая готовность капитулировать, если ему и сообщникам будет гарантировано помилование. В ответ полицейское начальство заявило, что о прощении не может быть и речи. Слишком много преступлений совершил Дахри. Он будет схвачен при любых обстоятельствах. Таким образом, история эта еще не окончена, хотя, судя по всему, близка к финалу.

«ЛОДКА» И «САБЛЯ»

Предвыборная кампания как бы застыла в ожидании перед финишем. В крупных городах Синда и Панджаба преобладали флаги Партии пакистанского народа из красного, черного и зеленого полотнищ. На одном из них изображена сабля — символ партии. В некоторых районах Карачи на фонарных столбах раскачиваются весы, демонстрируя, что здесь сильны позиции джамаатовцев. Их профсоюз, объединяющий персонал аэродрома, взял верх на очередных выборах в авиакомпании PIA. Об этом напомнила трагедия, происшедшая 1 ноября в аэропорту.

В Карачи встречали польскую правительственную делегацию, прибывшую из Исламабада. Глава делегации и сопровождающие лица обходили шеренгу встречающих. Я прошел вперед, где стояли друзья из польской колонии, и перекинулся несколькими словами с Ежи Вайтковским из торговой миссии. В моей камере была цветная пленка, и я поднял аппарат, чтобы взглянуть на будущий кадр. В этот момент сзади налетела какая-то тень и в метре от меня мелькнул грузовик. Через секунду он врезался в колонну встречающих. Раздался крик и скрежет машины. Она остановилась перед самым зданием аэровокзала. Это был аэродромный «вэн» — машина, развозящая бортпитание. Под ее кузовом смонтировано гидравлическое подъемное устройство.

Наступило минутное смятение. Водитель-убийца был немедленно арестован и изолирован. В момент трагедии на несколько шагов впереди прибывших оказался заместитель министра иностранных дел ПНР Зигфрид Вольняк. Он стал первой жертвой. Под машиной погибли пакистанцы — два ведущих фоторепортера и офицер служ-

бы безопасности. 12 человек получили ранения и травмы, среди них посол ПНР в Пакистане Алоизий Бартошек и другие сотрудники миссии, главный редактор газеты «Доон» Джамиль Ансари, мотоциклисты эскорта. Этот день стал днем траура.

По сведениям, просочившимся в печать, шофер-убийца Мухаммад Фироз принадлежал к террористической группе «Чария», близкой к «Джамаат-и ислами». Ведя машину на шеренгу людей, среди которых были дети, обезумевший фанатик выкрикивал антикоммунистические лозунги, а в момент ареста заявил: «Я полностью выполнил свой долг!»

В этот час убийца не должен был находиться на аэродроме, а завладел машиной сменщика, который в то время спокойно пил чай. Фироз не смог выехать с территории аэропорта, где его ждала машина с сообщниками, которые рассчитывали гранатами проложить ему путь к бегству. Сигнал к покушению Фирозу якобы подал кто-то с балкона аэровокзала.

Как только началось официальное расследование, всякие подробности, кроме коротких коммюнике, исчезли с газетных страниц. Несколько чинов полиции, отвечающих за безопасность в аэропорту, были смещены с занимаемых должностей, а более 20 человек, в том числе три шофера РІА, арестованы. Вскоре последовало заключение, что покушение задумано и осуществлено террористом-одиночкой.

Этот трагический случай характеризовал обстановку в стране: в любой момент могло что-то произойти. Хотя джамаатовцы заявили, что партия, членом которой был Фироз, не имеет никакого отношения к заговору, это мало кого убедило.

...В ночь на 13 ноября циклон необычайной силы обрушился на побережье Восточного Пакистана. Он промчался широкой полосой от Кокс-базара до Кхулны со скоростью 240 км в час, унося тысячи жизней и причиняя огромные разрушения.

Гигантские волны хлынули на прибрежные острова, затопив их. Ураган и водные потоки смели с лица земли целые районы. Такой катастрофы не знала история. Если первые газеты, вышедшие с траурными рамками, писали, что число жертв достигает 300 тыс., то через несколько дней называлась цифра 1,5 млн. Над уцелев-

шими жителями трех полностью разрушенных округов нависла угроза голода и эпидемий.

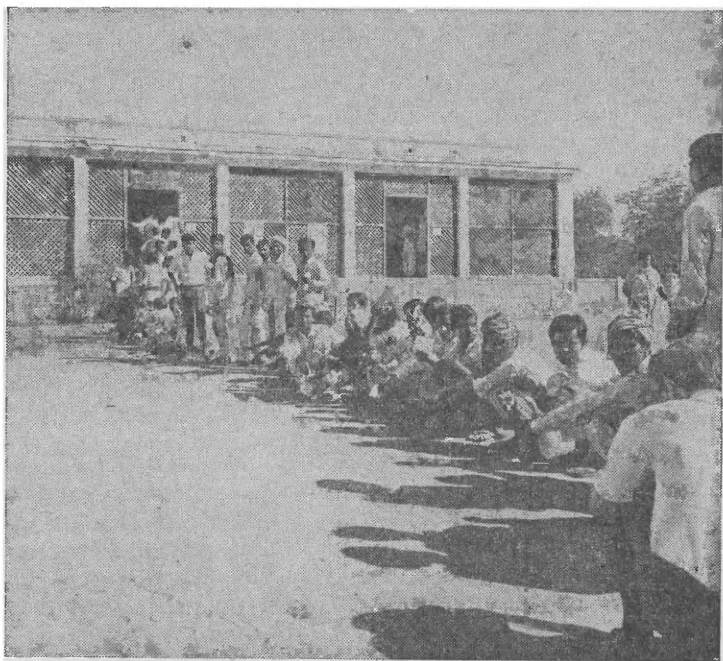
Бедствие на Востоке стало главным событием этих дней. Из многих стран немедленно начала поступать помощь пострадавшим. Один за другим на аэродром Теджаон в Дакке приземлялись самолеты с медикаментами, продуктами, одеялами. Из портов вышли корабли, взяв курс на Читтагонг, вертолеты патрулировали над опустошенной землей, помогая тем, кого пощадил ураган. 20 ноября по всей стране был объявлен траур.

Из Москвы прибыли делегация и грузы советского Общества Красного Креста и Полумесяца. Я встретился с группой эпидемиологов, возглавлявшейся профессором В. И. Покровским. В нее входили врачи Т. С. Кереселидзе и В. С. Минервин.

На следующее утро мы вместе выехали в Ноакхали — один из наиболее пострадавших районов. Джип с трудом пробивался по гребню размытой дамбы и узким дорожкам в сторону моря — к Чар Джаббару. Рвы по обе стороны дамбы были, по существу, братскими могилами. Все больше попадалось у обочин разлагающихся трупов животных, а порой захороненных людей. Военные власти считали, что здесь погибло 120 тыс. человек и 200 тыс. голов скота.

Увидеть общую панораму бедствия нам помогли французские вертолеты, которые должны были оказать помощь раненым и обеспечить уцелевших жителей пищей и питьевой водой. Перелетев пролив, мы опустились над некогда цветущим островом Хатия. Деревни почти безлюдны, городок в центре острова разрушен. Морская вода залила все колодцы и пресные водоемы. Погибли целые стада буйволов. Их распухшие туши напоминали гигантских жаб.

Порой видны вырванные с корнем, распластанные по земле пальмы. По дорогам и тропам идут цепочками люди, несущие на головах мешочки с рисом, свертки одежды, коробки молока. Они возвращаются в свои деревни с пунктов по оказанию помощи пострадавшим. Уцелевшие участки шоссе превращены в токи. Проходящие машины вымолачивают из перепутанных кип рисовой соломки оставшиеся зерна. Сейчас на счету каждая рисинка. Не скоро просоленная морской водой земля даст новый урожай.

В ожидании избирательного бюллетеня

Советские врачи готовы были в любой момент надеть белые халаты и начать работать. Профессор Покровский спросил, какое содействие потерпевшим бедствие может оказать советский Красный Крест. Но военные власти округа сказали, что в этом нет необходимости.

В Дакке готовились к выборам и власти и избиратели. В этом городе повсюду были видны макеты «лодки», символизирующей «Авами лиг». Победа партии Муджибур Рахмана была предрешена, ее популярность среди 31 млн. избирателей провинции росла с каждым днем. Но случайно в канун выборов Маулана Бхашани, предвидя поражение, снял 15 кандидатур от ННП, заявив, что сейчас все усилия должны быть направлены на оказание помощи жертвам циклона. Количество кандидатов несколько уменьшилось и в других округах.

Женщины голосуют на отдельных участках

В полночь 7 декабря, когда умолкли репродукторы, провозглашавшие последние предвыборные лозунги, я был в Карачи. Утром у каждого из 600 избирательных участков города выстроились белые и черные очереди: у одних — мужчины в белых одеждах, у других — женщины в черных покрывалах. Пункты для голосования для тех и других разделены. Избирательная процедура предусматривала и другие особенности. Тому, кто получил бюллетень, на правую руку кисточкой наносится знак трудно смываемыми чернилами, чтобы кто-нибудь не проголосовал дважды. Только после этого избиратель удалялся в кабину, где ставил штампик против символа и фамилии своего кандидата.

Бюллетень вручен.
Остается нанести на руку чернильный знак

«Это день не только политических партий и 1570 кандидатов, вышедших на выборную арену, — писала газета „Сан“, — это день миллионов избирателей и всего пакистанского народа».

С утра я отправился по избирательным участкам и побывал на нескольких из них, где голосовали мужчины, в том числе в наиболее бурном районе — Назимабаде и в пригородной деревне Голимар. В бюллетене для голосования на первом участке баллотировалось восемь кандидатов, на втором — десять.

Вскоре после полудня стало ясно, что «Авами лиг» одержала победу в 119 округах из 162. В западных провинциях уверенно лидировала партия З. А. Бхутто, получившая абсолютное большинство в провинциях Панд-

жаб и Сипд. Газеты отметили, что в выборах участвовало около 70 процентов избирателей из 56,9 млн. По всей стране произошло лишь несколько случаев нарушения порядка, когда потребовалось вмешательство полиции и был обнаружен ряд мелких недочетов в организации выборов, которые следовало учесть 17 декабря при выборах в ассамблеи провинций.

Ход выборов производил благоприятное впечатление. Народ был организован и дисциплинирован. Если образовывалась длинная очередь, то люди усаживались на корточки и мирно беседовали.

Итак, «лодка» и «сабля» вышли на финишную прямую. Выборы, состоявшиеся 17 декабря, подвели черту. Для многих результаты их были неожиданными, но, как мы увидим далее, вполне закономерными.

Весь декабрь пришлось провести в пути: сначала — районы, пострадавшие от циклона, затем дважды я пересек Западный Пакистан от Карачи до Пешавара и обратно. Мне довелось увидеть многотысячные митинги и демонстрации в Дакке, торжество победителей в Хайдарабаде, Мултане и Лахоре и настороженный «нейтралитет» столицы.

Главным итогом выборов была триумфальная победа «Авами лиг» в Восточном Пакистане и Партии пакистанского народа в Западном и сокрушительный разгром правых сил, которые долго не могли оправиться от шока.

Окончательно картина определилась 19 января, через день после выборов в округах, над которыми пронесся циклон. «Авами лиг» получила мандаты в Национальную ассамблею от всех девяти округов, потерпевших бедствие, и 20 мест из 21 — в провинциальное собрание.

В результате из 300 мест в Национальной ассамблее 160 принадлежало «Авами лиг». Это означало абсолютное большинство в масштабе всей страны. Кроме того, партия имела право занять семь мест из 13 резервированных для женщин. В бывшем Восточном Пакистане партия лишилась только двух мест. Одно из них получил президент Демократической партии Нурул Амин, второе — независимый кандидат Раджа Тридив Рой.

Партия пакистанского народа получила 81 депутатский мандат, независимые — 16, Мусульманская лига (группа А. Каюма) одержала победу в девяти округах,

ННП (А. Вали-хана) — в шести, «Джамиат-и улама-и ислам» (группа Г. Г. Хазарви) — в семи округах.

Остальные четыре правых партии смогли послать в ассамблею всего 20 депутатов, из них «Джамаат-и ислами» — четырех депутатов. Партия пакистанского народа получила право сформировать правительства в Панджабе (113 из 180 мандатов) и Синде (32 из 60 мандатов). В Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистане создавались коалиционные правительства с лучшей позицией у депутатов от ННП А. Вали-хана.

Поражение правых сил было полным: достаточно привести два примера. Бывшая правящая Мусульманская лига, расколовшаяся на три группировки, выставила 375 кандидатов, а получила 18 мест. «Джамаат-и ислами» делала ставку на 148 своих претендентов, а получила большинство всего в четырех округах.

Выборы окончены. Исчезли с улиц Дакки макеты «лодок», вложены в ножны фанерные «сабли», сняты с фонарных столбов «весы», не оправдавшие надежд джамаатовцев. После месячных «предвыборных» каникул вновь открылись университеты и колледжи. Пришла пора выбора пути, по которому пойдет страна, пора выполнения обещаний, которые авансом оплатили избиратели, решения назревших социальных и экономических перемен.

Развалились, как карточные домики, многие партии, а их лидеры, считавшие себя столпами политической жизни пакистанского общества, получили наглядный урок, лишившись привычных депутатских мандатов. Близкая к правительственным кругам «Пакистан таймс» писала: «Страна переживает демократическую революцию под покровительством военного режима, что является примером феноменальным, не имеющим параллелей в современной истории».

Заявление это было не только откровенно верноподданническим, но и чересчур оптимистичным, ибо невозможно было предугадать, до какого предела указанное «покровительство» будет распространено. Армия также еще не сказала своего слова, а оно нередко оказывалось решающим. Не менее сложно было предсказать, какие усилия приложат правые партии для укрепления своих пошатнувшихся позиций и нейтрализации влияния левых сил. Для этого они располагали необходимыми материальными и пропагандистскими средствами.

В предвыборной борьбе широко использовался весь арсенал средств, выработанных западной «демократией». Платные агитаторы, мнимые разоблачения, личные выпады и спровоцированные столкновения живо напоминали известный памфлет Марка Твена «Как меня выбирали в губернаторы».

Вскоре после выборов из Лахора в Карачи одним самолетом прилетели лидеры двух фракций расколовшейся Мусульманской лиги М. М. Даултана и А. Каюм-хан. Возле трапа их окружили репортеры.

— Произошли ли между вами во время полета какие-нибудь переговоры или дискуссии? — таков был один из первых вопросов.

— Я летел в туристском классе, а м-р Даултана в первом, — перехватил инициативу Каюм. — Поэтому мы не могли общаться. Впрочем, это обычная дистанция между простым человеком и привилегированным.

Страна вступила в новое трудное полугодие. Все превосходно сознавали, что судьба демократизации общества зависит от выработки новой конституции. Если для ее принятия необходимо две трети голосов в Национальной ассамблее, то единственным условием мог быть только взаимный компромисс Муджибур Рахмана, твердо стоящего на позициях Восточного Пакистана, и Зульф리카ра Али Бхутто. В сложившейся обстановке на него и Партию пакистанского народа делалась ставка как на защитников интересов Западного Пакистана.

Видный публицист Масгар Али-хан, анализируя обстановку, предупреждал: «Если две партии не смогут прийти к соглашению, это вызовет серьезные осложнения, так как конституция должна отвечать интересам различных районов страны, если она рассчитана на длительное действие. З. А. Бхутто заявил также, что ввиду географического положения страны, разделенной на два „крыла“ территорией Индии, ни одна из двух победивших партий не имеет поддержки в другом „крыле“. Поэтому лучшим решением вопроса было бы создание коалиционного правительства в центре. Для этого важно, чтобы Муджиб и Бхутто немедленно встретились и приступили к обсуждению конституционной проблемы. Результаты этих переговоров столь важны для будущего Пакистана, что ничто не должно им препятствовать».

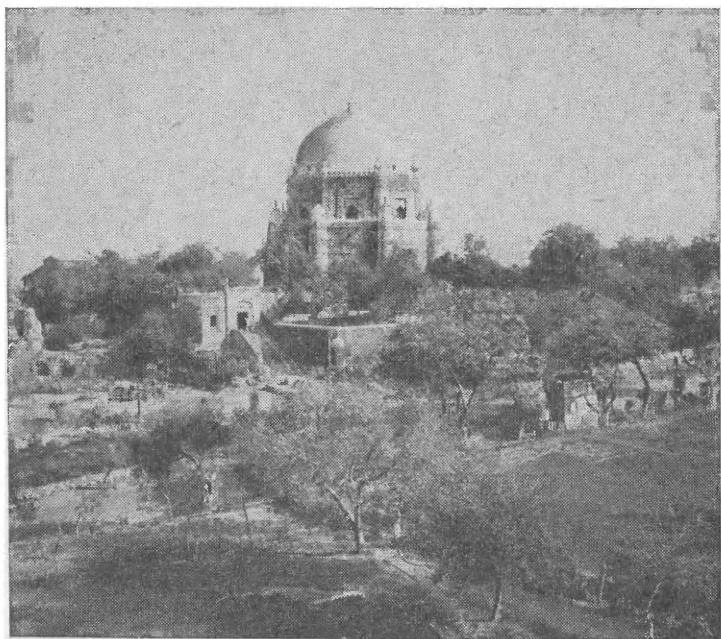
ГОРОД СВЯТЫХ И НИЩИХ

О том, что Мултан — одна из самых жарких точек планеты, узнаешь задолго до того, как, миновав пальмовые рощи, окружающие город, попадаешь на его пыльные улицы. Особенно гнетущий зной испепеляет город весной. Он льется с безоблачного неба, и нет от него спасения, как от потока расплавленной лавы.

Широкое распространение в Мултане получила легенда «О дервише, мяснике и кузнеце». Как правило, она приводится при любом воспоминании об этом городе. Кроме того, она эффектна и удобна для театрализации. Не случайно каждую весну в городе разыгрываются на эту тему своеобразные представления.

...Шел когда-то по Мултану дервиш по имени Шамсуддин. Он не отличался от тысяч своих собратьев и шагал из города в город, кормясь подаянием. На одной из улиц добрый мясник отрубил ему кусок баранины. Дервиш немедленно отправился к соседу мясника — кузнецу и, отвлекая его от работы, нахально потребовал поджарить баранину в горне.

Кузнецу не хотелось превращать свою мастерскую в шашлычную, и он прогнал нищего. Судя по всему, дервиш оказался порядочным занудой, так как никто из других горожан, к которым он приставал, тоже не согласился жарить для него мясо. У дервиша, конечно, был выход: съесть мясо сырым, но это претило его гастрономическим вкусам. Он предпочел валяться в пыли и возносить молитвы, чтобы всевышний не дал ему умереть с голоду. Вняв Шамсуддину, Аллах опустил солнце ниже. Жар хлынул с неба: баранина сразу подрумянилась. Удивительно лишь одно: как сам дервиш, уписывая за обе щеки полупрожаренное мясо, избежал солнечного удара.

Мавзолей Рукни-Алам

С той поры, едва наступают знойные дни, многие жители Мултана жарят лучшие куски мяса и раздают нищим. И уж вовсе несправедливо, что кузнецы в эти дни подвергаются остракизму, особенно со стороны нищих.

Легенда остается легендой, но многие мултанцы пытаются связать ее с именем знаменитого исмаилийского миссионера Пира Шамса из Тебриза — наставника и друга персидского поэта Руми.

Пакистанская литература подчеркивает, что прежде к слову Мултан непременно добавлялось «мадинат аулия» («город святых»). Известные путешественники и историки раннего средневековья Ибн-Баттута, Амир Хусроу и другие считали своим долгом посетить город и описать его жизнь, нравы и святыни, создав ему славу «нового Багдада». Был среди них и Лал Шахбаз Каландар из Севан-Шарифа.

Городские ворота

В самом центре города высится один из замечательных памятников архитектуры — мавзолей Рукни-Алам, постройка которого была закончена в 1324 г., во времена Делийского султаната.

От отеля «Шезан», в котором рекомендовано остановиться иностранцам, до бывшего форта, где выстроено мавзолей, нужно несколько минут пройти пешком и подняться на зеленый холм. Внезапно перед вами во всей красе откроется массивное здание, увенчанное куполом. Оно состоит из двух восьмиугольников, поставленных один на другой. Каждая грань нижнего, более широкого уступа, как бы опирается на круглый минарет, грани верхнего «этажа» декорированы изящными башенками.

Стены из бледно-розового кирпича богато украшены мозаикой.

Чтобы взойти на холм, нужно миновать ворота, построенные, вероятно, позже, но в стиле минаретов мавзолея. Справа, на возвышении,— смотровая галерея, с которой силуэт города в туманной утренней дымке выглядит особенно таинственным.

Мултан занимает заметное место в истории субконтинента. Многие захваты, набеги и сражения вошли в летопись города. Здесь проходили орды Чингисхана, Тимура и других завоевателей. Нередко этот город становился центром мятежей. Но в мирные времена Мултан был прежде всего крупным торговым центром для всей Азии.

Приезжих гостей поражали многоэтажные дома, чистота улиц, богатые рынки. Свежие и засахаренные фрукты, сладости, хлопок, пряности, благовония были дешевы и привлекали купцов из ближних и дальних стран. Они отмечали, что местные торговые люди всегда честны в делах, а вес товаров точен.

«Большинство населения торгует и многие очень богаты,— гласит одна из хроник.— Все женщины в чадрах. Их не увидишь на городских базарах, и мужчинам не позволено заговаривать с ними». Второй особенностью считали пуританизм жителей Мултана, их набожность и соблюдение законов Корана.

В 1257 г., во время одного из монгольских набегов, Шейх Хазрат Мултани спас город от опустошения. Когда орды подступили к его стенам, он откупился, выплатив завоевателям 100 тыс. динаров контрибуции. Деньги собрали среди горожан. За это Мултани был возведен в ранг святых. Оказывается, чтобы попасть в святые, требовались порой обычные мирские дела.

Через три года после этого события родился внук Шейха Хазрата Мултани — Рукнуддин («опора веры»), прах которого покоится в мавзолее Рукни-Алам. Он — представитель третьего поколения святых. Хотя отец его, Садруддин Ариф, и не вошел в сонм, но мать, Биби Расти, считалась святой.

Каждый год 29 сентября к величественному зданию, господствующему над городом, со всех концов страны на праздник «урс» стекаются десятки тысяч паломников. Главные почести воздаются Мултани, которого в народе

зовут Гаус Бахавал Хак, и Рукнуддину, над которым со дня рождения витала слава деда.

Как это ни парадоксально, но в столь роскошную гробницу Рукнуддин попал случайно. Мавзолей построил для себя султан Гиясуддин из династии Туглаков, затем на место в нем претендовал его сын — Мухаммад, но ни тому, ни другому не суждено было воспользоваться усыпальницей.

По этому поводу бытует легенда, имеющая два варианта.

...Когда Гиясуддин возвратился из похода в Бенгалию, наследный принц Джауна-хан устроил в честь отца пышный праздник. Торжественная встреча происходила неподалеку от Дели, в Афганпуре, где для этого был построен специальный павильон. В числе приглашенных был и Рукнуддин, пришедший в столицу султаната, чтобы почтить память своего учителя Хазрата Аулия. Когда начали разносить яства, Рукнуддин беседовал с Гиясуддином. Он сказал ему, что предчувствует опасность и советует немедленно покинуть пир.

На султана мрачное предсказание не произвело ни малейшего впечатления. Оставив его без внимания, он продолжал веселиться. Рукнуддин, считая, что высказался с полной откровенностью, откланялся и удалился.

Вскоре легкомыслие Гиясуддина было наказано: рухнула кровля павильона, и он был убит со всей свитой, не успев оставить завещания.

Такова первая версия.

Как уточняет вторая, павильон был построен «с секретом». Если в определенном месте приложить силу, все здание мгновенно развалится.

Нетрудно было понять, что принцу Джауна-хану, который решил таким способом без особых хлопот получить престол, не годилось в этот момент находиться в павильоне.

Он попросил у отца разрешения устроить шествие слонов вокруг павильона, и тот милостиво согласился полюбоваться зрелищем. Один за другим могучие животные двинулись к зданию. Одна «ошибка» погонщика у «слабого места» — и все было кончено. Джауна-хан стал султаном Мухаммадом.

Вскоре губернатор Мултана Кшило-хан поднял против нового правителя мятеж. Султан послал одного из

своих полководцев, Гази Каримуддина, с приказом усмирить и жестоко наказать непокорный город.

Наиболее рациональным способом наказания Гази считал разграбление Мултана. Тогда Рукнуддин, вспомнив пример деда, сумел уговорить военачальника не прибегать к столь крайним мерам, чем спас город от грабежей, насилий и кровопролития.

Рукнуддин пережил пятерых султанов. Во времена правления Алауддина и Кутбуддина из династии Хилджи он несколько раз бывал в Дели, где его принимали с большим почетом. Он получал богатые подарки, но немедленно распределял их среди бедняков. Пророчество в отношении опасности, грозящей Гиясуддину, и спасение города от разорения окончательно укрепили за ним славу святого. Рукнуддин пережил и Мухаммада, умершего в 1351 г. при осаде Татты.

По преданию, будучи уже древним старцем, Рукнуддин стал отшельником. Через три месяца после уединения он вызвал слугу, дал ему детальные инструкции в отношении похорон, распорядился земными делами и во время вечернего намаза отошел в мир иной.

Так как старец был бездетным, его сан — «гадди» — унаследовал племянник Шейх Садруддин. Сначала он похоронил дядю в другом месте, но однажды его посетил вещий сон. Проснувшись, он повелел перенести прах святого в пустующий мавзолей Туглаков. Эта процедура была обставлена с исключительной пышностью. В грандиозной религиозной церемонии принял участие султан Фироз Туглак.

Веками Мултан был сильным форпостом ислама на границах мусульманского мира, но одновременно он оставался священным городом индусов. Веды и Коран мирно соседствовали в нем. Даже наиболее фанатичные и ортодоксальные поборники ислама из правителей Мултана не допускали разрушения индуистских храмов и святынь. Они даже расходовали определенные суммы на их содержание.

В километре от города была расположена резиденция правителей — Джандпур, окруженная гарнизонным поселком. Шейхи появлялись в Мултани только по пятницам, прибывая на слонах для совершения молитвы. Остальные дела их вроде бы не касались.

Причина веротерпимости, столь необычной в жесто-

кие времена деспотизма, крылась в том, что масса паломников-индусов ежегодно посещала Мултан, стекаясь со всего субконтинента. Их пожертвования были одним из главных источников дохода правителей.

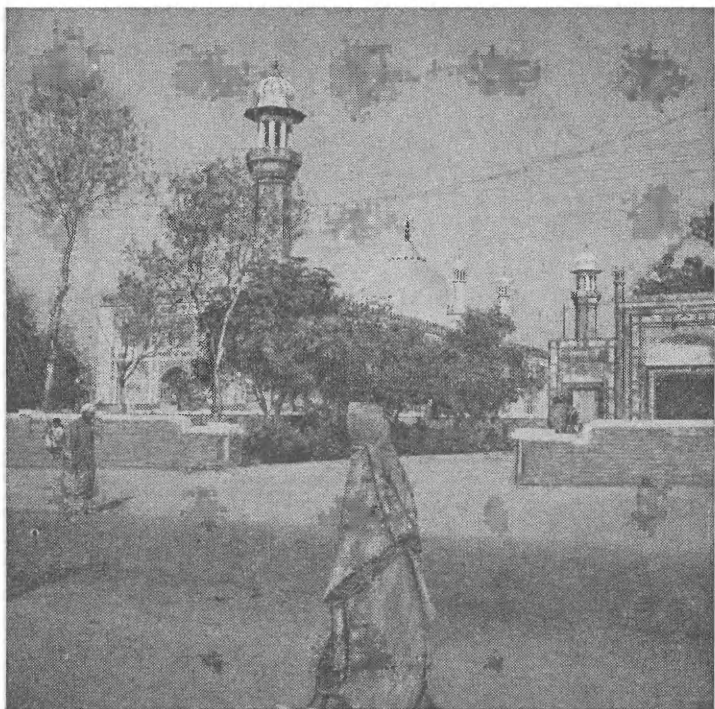
А доходы оказывались немалыми. Путешественники рассказывали о древней священной статуе 30-метровой высоты, изображающей мужскую фигуру. Индусы считали, что она послана с неба, свято чтити и приносили дары. Когда умирал богатый человек, половина его имущества отдавалась «божеству».

«Приходят на поклонение из дальних мест, и паломничество порой длится месяцами, — гласит одна из средневековых хроник. — Некоторые пилигримы несут с собой два бревна, каждое из которых весит вдвое больше, чем человек. Паломник берет одно из бревен, пронесит на определенное расстояние и возвращается за вторым. Затем все повторяется вновь. Пришедшие располагаются перед статуей и готовят для нее рис, рыбу, овощи, выкладывая еду на банановый лист, который можно обернуть вокруг туловища. Иногда божество получает жбан растительного масла или молока. Так продолжается круглый год».

Историк Масуди писал, что в центре города находится «идол», которого зовут тоже «Мултан». Люди из Индии и Синда часто приходили сюда и приносили деревья алоэ с мягкой сердцевинкой, обладающей целебными свойствами, драгоценные камни и ароматические смолы. Правящие круги обращали все это «в государственный доход». Продукты и мелкие подношения забирали хранители храмов, а более дорогие предметы пополняли хранилища правителей.

В наши дни можно увидеть группы паломников, направляющихся к Мултану. Они идут пешком в специально сшитых зеленых одеждах, цитируя Коран и распевая гимны, чтобы поклониться гробницам Гаус Бахавал Хака (Мултани), Рукни-Аламу и Шамсу Табризу. Чаще всего это синдхи. Их легко узнать не только по одеждам. Каждый гаус-джа-пандхи, как называют паломников, вооружен длинной деревянной палкой. Ее запрещено использовать для нападения. Это только отличительный знак пилигрима.

В Пакистане мне не пришлось специально заниматься вопросами религии. Правда, я внимательно читал се-

Просторны и тихи улицы «города святых»

рию статей по истории ислама, которую печатала с продолжениями одна из пакистанских воскресных газет.

Иногда мне приходилось встречаться с религиозными деятелями, но всякий раз разговор с ними шел о самом обыденном. Поэтому разобраться в нюансах, различающих 72 мусульманские секты, существующие в Пакистане, было для меня непосильной задачей, и знакомство со всем, что касалось веры, оставалось умозрительным.

Великолепие многих мечетей, старинных или ультрасовременных, оснащенных новейшей радиоаппаратурой, вызывало восхищение. С уважением я относился к дисциплинированности людей, соблюдающих месячный пост в рамазан, когда от восхода до заката солнца нельзя прикасаться ни к воде, ни к пище.

Отцы города

Для меня в этом месяце возникали известные неудобства. Все дни рамазана перед восходом солнца мимо моего дома проезжает велосипедист. Он бьет в барабан и звонким голосом произносит нараспев призыв к молитве. Его слышно во всей округе, и не проснуться невозможно. Но еще слишком рано и часто не удается заснуть вновь. Когда же кончился пост, ко мне пожаловал симпатичный паренек в ослепительно белой рубашке и попросил бакшиш.

Я узнал его по голосу, но все же спросил:

— За что же?

— Ведь я будил вас каждый день перед зарей...

Каждый из правочерных должен хотя бы раз в жизни совершить паломничество в Мекку. Поэтому в сезон хаджа не хватает мест в самолетах, летящих в священный город мусульман. Один за другим вылетают из Ка-

рачи дополнительные самолеты, чтобы разгрузить переполненный аэропорт. На пароходах, берущих курс к берегам Аравии, верующие занимают в это время все 6 тыс. пассажирских мест, которыми располагает пакистанский торговый флот. Внушительное зрелище представляют и массовые моления в дни праздников.

Однажды молодой мулла, живший по соседству с моим приятелем, дал нам повод для размышлений. На вопрос, почему он избрал именно это поле деятельности, он спокойно ответил:

— Мое призвание — руководить своей паствой. Если завтра я скажу прихожанам, что вас, например, следует убить, вы будете растерзаны.

Вскоре после полного провала на выборах «Джамаат-и ислами» попыталась проверить свое влияние на верующих, для чего избрала отнюдь не добропорядочный метод. В газетах появилось сообщение, что в Пакистане найдена книга д-ра Пинаса-бен Нахима «Турецкое искусство любви в иллюстрациях», изданная в Лондоне, в которой якобы допущены непочтительные высказывания в адрес пророка Мухаммада.

В Пакистане злополучной книги никто не видел, но она стала причиной крупных волнений, особенно после того, как амир джамаатовцев Маулана Маудуди заявил, что указанная книга «глубоко оскорбила чувства мусульман, а ее автор, отбросивший всякое приличие и скромность, виновен в чудовищном, невиданном преступлении».

В ответ на такое заявление толпа немедленно сожгла два этажа британского консульства на Рейс-курроуд в Лахоре и три автомобиля. Руководили этим студенты из джамаатовской организации «Ислами Джамаат-ут-тулаба», возглавлял которую сын амира Маудуди — Абу Зафар. Демонстрации были организованы в Равалпинди и Лаялпуре.

В ответ на представление пакистанского правительства по поводу книги английский верховный комиссар в Пакистане сэр Сирил Пикард ответил, что он «искренне сожалеет и серьезно озабочен по случаю возможных оскорблений, нанесенных исламу в Англии», но подчеркнул при этом, что «английское правительство не осуществляет контроль над изданиями».

На следующий день вопрос о «турецкой любви» был

поставлен в иную плоскость. «Дейли ньюс» вышла с аршинным заголовком. «Кощунственная книга — дело рук русских». После столь категорического утверждения был поставлен крошечный вопросительный знак. Собственный корреспондент газеты из Лондона передал высосанную из пальца версию, что «русские агенты использовали эту книгу для саботажа визита премьера Хита в Пакистан», где он рассчитывал остановиться на пути в Сингапур.

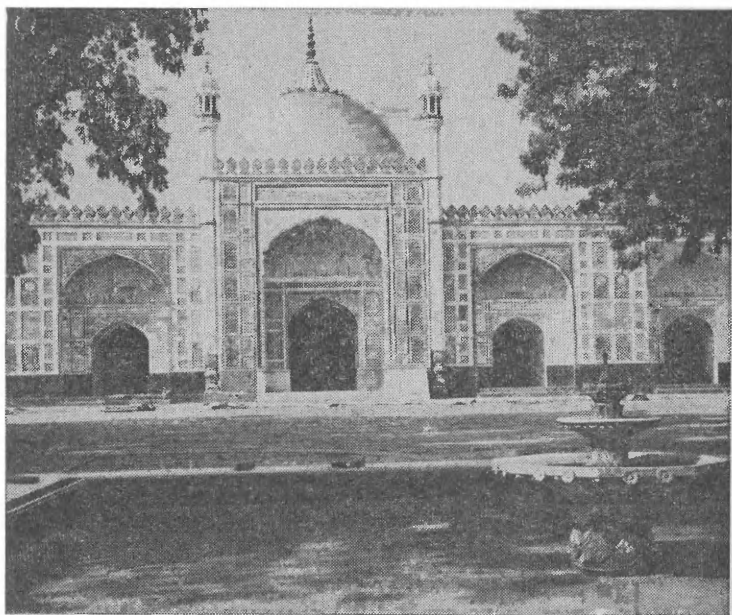
Вскоре дотошные репортеры лондонской «Дейли экспресс» установили, что книга написана давным-давно и повторно издана пять лет назад в Нью-Йорке издательством «Тауэр Букс». Английские книготорговцы приобрели часть тиража, однако ни одного экземпляра в Пакистан не отправлялось.

Тем временем буйства в стране продолжались. В течение пяти дней только в Карачи было разгромлено 600 магазинов и лавок, главным образом винных. Госпитали превратились в вытрезвители. Они были переполнены пациентами, напившимися до бессознательного состояния.

Газетная «утка» лопнула. Но искусственно раздутая сенсация в конечном итоге причинила ущерб именно Пакистану, и вряд ли стоило подробно рассказывать о ней, если бы она не оказалась достаточно яркой иллюстрацией методов, которыми пользуются реакционные боссы для достижения своих целей.

Писать о Мултане, как о современном городе, сложно, хотя по населению он занимает в стране пятое место. Крупнейший в Пакистане магистральный газопровод, проложенный от месторождения Суи к столице, проходит через Мултан. Это позволило построить в окрестностях города на реке Чинаб ряд химических предприятий, в частности по производству искусственных удобрений. Здесь сходятся несколько железных дорог и построена крупная тепловая электростанция, поэтому Мултан стал значительным транспортным энергетическим центром. Почти вся остальная промышленность осталась на полукустарном уровне.

В одном из тенистых парков города стоит изящная мечеть, содержащаяся в идеальном состоянии. Ее роскошные мозаичные орнаменты не потеряли ни кусочка смальты. У небольшого бассейна сидят несколько стари-

Старинная мечеть

ков в чалмах. Они словно изваяны из темного камня и похожи на ученых-богословов. На самом деле это нищие, но особого склада: они не кланчат подаяния, а собирают дань и делают это строго, с преувеличенным уважением к своей профессии.

Одна из передовых в «Морнинг ньюс» называлась «Нищие». В ней говорилось, что представители этой профессии под предводительством некоего Нурула Хака формируют свой «профсоюз, который призван защищать их права и интересы». Н. Хак заявил, что ассоциация нищих «Анджуман» намерена вскоре открыть отделения по всей стране и созвать в Карачи конференцию, на которой «могут быть представлены даже иностранные делегации». Между прочим, новоявленный президент «Анджумана» декларировал, что ассоциация «не будет поддерживать ни одной политической партии. Ее задача — улучшить положение нищих».

У заправочной колонки

Столь многообещающее заявление говорит о существовании широких связей между нищими, а сам факт появления передовой статьи указывает, что нищенство действительно является достаточно важной социальной проблемой. Однако газета выражает недоумение, почему нищие называют свою ассоциацию профсоюзом: «ведь по сути дела они сами являются эксплуататорами, паразитирующими за счет общества». Однажды мне попала заметка «Богатый нищий». В ней рассказывалось, как один из хайдарабадских побирушек, выдавая замуж свою дочь, устроил шикарный ужин. В качестве подарка он приволок 50-килограммовый мешок монет достоинством в рупию. (Монета, крайне редкая в обращении.) Затем, растрогавшись, он преподнес каждому из приглашенных по золотой монете, а жениху отвалил семь штук.

Я ни минуты не сомневаюсь, что такую свадьбу могли бы сыграть многие из мултанских дервишей. Когда правительство Яхья-хана изъяло из обращения купюры

достоинством в 500 и 100 рупий, на обменные пункты явилось немало нищих. Один из них предъявил к обмену 180 «красных» банкнот на сумму 90 тыс. рупий. Другой, притворяющийся слепым, оттолкнул мальчишку-поводыря, снял темные очки и четким почерком заполнил декларацию на обмен 10 тыс. рупий, а у «сумасшедшего» наступило временное просветление, и он приволок в отделение банка 20 тыс. рупий.

Я покидал «город святых и нищих». У заправочной колонки, где скопилось десятка полтора грузовиков, многие почтительно кланялись сухонькому старичку в лохмотьях, не достаивая вниманием его «двойников», бродивших поблизости. Невольно подумалось, что дед — святой, и я деликатно поинтересовался, кто он.

— Сааб имеет сорок грузовиков, которые курсируют по дорогам и работают на него, — ответил хозяин автоколонки.

ТРАДИЦИИ И АНАХРОНИЗМЫ

В Пакистане достраивалась первая атомная электростанция, а аэродром Карачи демонстрировал летающий гигант «Боинг-747», или «Джамбо». На страницах прессы обсуждаются самые современные проблемы. Но порой небольшая заметка, затерявшаяся в море информации, приводит в оцепенение. Сразу вспоминаются фантастические романы, и кажется, что «машина времени» перенесла вас в иную эпоху. Анахронизмы вплелись в современность, столетия часто шагают рядом по узкой тропе, а порой перебегают дорогу одно другому.

На людных улицах больших городов, словно пауки, затаились в толпе похитители детей. Несмотря на угрозу строжайшего наказания, вплоть до виселицы, они продолжают гнусный промысел.

Для чего красть детей? Цели разные: некоторых могут вернуть состоятельным родителям за солидный выкуп, другие исчезают бесследно. Существуют тайные корпорации нищих, использующие для сбора подаяний искалеченных подростков с деформированными конечностями и вывернутыми суставами. Подростки становятся наложницами купивших их собственников или, едва минует детство, продаются в тайные публичные дома.

Однажды в газете «Пакистан таймс» была помещена фотография некоего Нисар Хусейн-шаха. Вместе с двумя сообщниками он похитил в разных городах 36 детей и долгое время оставался неуловимым, пока наконец не был схвачен и повешен по приговору военного суда в лахорской тюрьме. Его компаньонам — Бодки и Акбару предстояло отбывать по 14 лет каторги.

Дельцы из частных приютов Карачи систематически

продавали детей-сирот за пределы страны, это выяснилось, когда власти вынесли специальное решение о запрещении вывоза из Пакистана мальчиков и девочек, брошенных родителями.

Вспоминается еще один случай, когда дело касалось не детей, а взрослых.

В заливе неподалеку от Карачи тихо покачивалось на волнах небольшое суденышко, до предела забитое пассажирами. Каждый из них уплатил посредникам по 300—400 рупий за нелегальный рейс через Аравийское море — последнее, что мог наскрести или занять.

Вскоре в судебной хронике был опубликован приговор шести авантюристам — организаторам тайной эмиграции. Они разыскивали безработных или разоренных бедняков и, суля им золотые горы, убеждали тайно уплыть в Дибай и другие эмираты Персидского залива. Многие продавали последнее имущество и клочки земли, чтобы оплатить проезд. Когда судно захватила полиция, преступники скрылись. Их задержали позднее, но отделались они смехотворным приговором: по году тюрьмы и штраф от 5 до 10 тыс. рупий.

На границе Панджаба и Белуджистана, в районах Джакобабада и Дера Гази-хан, произошло несколько кровавых столкновений между племенами. В одном из них 600 вооруженных белуджей племени мазари сожгли и разграбили деревню племени бугти. Сардары враждующих племен срочно послали своих представителей на рынки всех городов страны для закупки оружия. Они готовились к настоящей войне. Один сардар взорвал бетонный мост через канал, чтобы обезопасить свою деревню от внезапного нападения.

Вероятно, только эти события помогли властям обнаружить частную тюрьму, принадлежавшую вождю племени бугти Акбар-хану. Из темницы освободили 78 узников. Выяснилось, что Акбар-хан сажал в личную темницу любого из соплеменников, вызвавших его гнев. Там они подвергались изощренным пыткам, которые, по словам одной из газет, «своей жестокостью привели бы в восторг инквизиторов». Об ответственности Акбар-хана не было сказано ни слова. Скорее всего князек отделался порицанием или внушением.

Так постепенно свыкаешься с анахронизмами. Вдруг одна из газет выступает за отмену нелепого пра-

вила, существующего с 1869 г., согласно которому мужские места в омнибусах и конных экипажах строго отделены от женских; позже оно было распространено на автобусы и трамваи. Другая газета фиксирует, что заработная плата сторожей, работающих у деревенских старост, была установлена в 1870 г. и составляет 6 рупий в месяц. С тех пор она ни разу не пересматривалась. На эти деньги можно было купить всего пять килограммов самого дешевого риса.

Амир одной из правых религиозных партий Маулана Дархваста призвал сажать на неделю в тюрьму любого мусульманина, который пропустит хотя бы одну из пяти обязательных ежедневных молитв. Он объявил себя поборником установления в стране твердых законов ислама. В качестве первого шага к их введению Дархваста потребовал запретить в стране демонстрацию любых кинофильмов.

Через некоторое время главный министр одной из провинций Маулана Муфти Махмуд заявил, что каждый правоверный, употребляющий спиртные напитки, должен подвергаться публичной порке и он приложит все силы, чтобы добиться такой меры наказания, предусмотренной Кораном.

Разумеется, призыв фанатика или требование ретивого администратора несколько отличаются от описанных здесь преступлений, но если вдуматься, то и дельцами, торгующими детьми, и ханом-самодуром из Белуджистана, и воинствующим проповедником движет одно стремление — увести страну под своды ушедших веков, возродить порядки, время которых давно миновало.

Порой нелегко бывало различить традиции и анахронизмы. Особенно это чувствуешь, когда попадаешь в деревню. Уклад ее жизни с начала нашей эры почти не менялся. Процесс урбанизации втягивал в капиталистический водоворот и поглощал миллионы выходцев из деревни, но сама она стремилась сохранять традиции. Поэтому когда речь идет о политической активности, об экономических трудностях в их современном понимании и других проблемах и болезнях сегодняшнего дня, то нужно учитывать, что они далеко не всегда касаются пакистанской деревни, опирающейся во многом на натуральное хозяйство.

Днем небольшая деревня кажется вымершей. Вас окружают высокие глинобитные заборы-дувалы. По узким улочкам, разделяющим их, порой можно идти только друг за другом. В наиболее жаркие периоды — хархи и сауни — люди почти круглые сутки проводят в поле. На окраине волы с завязанными глазами бесконечно ходят по кругу, вращая «персидское колесо». Мутноватая вода из бадеек переливается в желоб и уходит по арыкам на поле, где идет за парой волов с деревянной сохой иссушенный солнцем человек. Его единственная одежда — тюрбан и лунги — кусок материи, обернутой вокруг бедер. В другие сезоны его можно увидеть с серпом или лопатой. Это весь инвентарь.

За дувалами стоят довольно просторные дома из того же материала с плоскими крышами. Крыша — место для сна и отдыха всей семьи, она используется также для сушки зерна или хлопка.

Если вас пригласят в дом, то только в одну, самую большую комнату. Как правило, она почти пуста, пол покрыт домотканым паласом, в углу сложено несколько валиков и подушек. На небольшом выступе, похожем на камин, можно увидеть потрепанный Коран, в нише под ним — несколько пиал.

Еду обычно готовят во дворе в небольшой пристройке к скотному сараю. Буйволицу или корову имеет почти каждая семья. На очаге пекут чапати, готовят блюда из гороха, фасоли, овощей и риса. Мясо появляется в меню только в праздники.

Три четверти деревенских семей составляют «джаты» — земледельцы, а четверть — «камины» — ремесленники. Крупные деревни делятся на кварталы — «патти», и каждый из них будет как бы отдельной маленькой деревней с таким же разделением труда.

Сила традиции заключается в том, что чаще всего не только земля, но и профессии ремесленников и даже должности старост деревень и кварталов наследственные. Хотя бы один сын из семьи становится по примеру отца земледельцем, кузнецом, плотником, гончаром, брадобреем или водоносом.

Обычно семьи многодетны, и город получает пополнение за счет младших членов семьи. Самой благополучной считается семья, у которой сыновьям удастся получить работу в городе. Они становятся связующим

звеном между современным и патриархальным укладами жизни, так как семья остается в деревне.

Почти все годы шофером у меня работал славный малый — Ибрагим-хан. Неожиданно выяснилось, что он заминдар. Его семье, живущей в горной деревне, принадлежит чуть больше трех акров пахотной земли, которая не может прокормить всех, и небольшой сад. Пара волов и две коровы дополняют хозяйство. На узкой полоске земли, которая обрабатывается семьей, сажают кукурузу, пшеницу, овощи и немного риса. Все это идет на питание. Ибрагим — единственный добытчик денег, необходимых для уплаты налогов и приобретения промышленных изделий. Он довольствуется редкими поездками к семье и больше всего боится потерять работу. Таким образом, в данном случае понятие «заминдар» — «землевладелец» — весьма условно.

Познакомиться с обычаями в Пакистане не так просто. Меня долго интересовал свадебный обряд. И вот однажды я получил приглашение с золотым обрезом и тиснением размером с тетрадь на свадебный ужин в один из лучших отелей Карачи. Зохра Джабин и доктор Абдул Вахил не были мне знакомы, поэтому приглашение меня удивило.

Оказалось, что это был ужин человек на 800, на который были званы представители иностранных миссий и журналисты. Молодые были симпатичные: невеста — в красном сари, жених — в европейском черном костюме. И единственная дань обычаю: в одном из холлов размещалась выставка, я не оговорился, именно выставка свадебных подарков, преподнесенных невесте. Женщины внимательно осматривали их, горячо обсуждая каждый «экспонат». Еще бы! Ведь молодая пара имела непосредственное отношение к одному из богатейших «22 семейств» страны. Поэтому церемония больше походила на выставку мод и ювелирных изделий.

Настоящую свадьбу я увидел года через два в Лахоре. Машины жались к тротуарам узкой улицы, уступая дорогу свадебному кортежу: такси, украшенное, словно новогодняя елка, возглавляло колонну из нескольких машин, окруженных толпой. Время от времени из окна автомобиля выбрасывалась горсть мелких монет и вездесущие мальчишки устраивали свалку на мостовой.

Жених с гирляндами цветов на головном уборе, со-

проводимый родственниками, отправился в дом невесты. Вид у него был, мягко выражаясь, странный: издали казалось, что на его голову нахлобучили огромный торт.

Свадебный ритуал в Панджабе и Синде почти не менялся в течение столетий. Только в городах коня и паланкин заменяли автомобили. В деревнях же все осталось как в далеком прошлом, и соблюдение всех старых обычаев считается делом фамильной чести, а отступление от них — открытым вызовом обществу.

Впрочем, большинство традиций не так уж отличается от обычаев других народов: помолвка, свадебные песни и подарки. Как правило, все начинается с помолвки с помощью посредника — «вакиля» или «мираси». Часто помолвки устраиваются, когда жених и невеста еще бегают в одних рубашонках, а порой — сразу после их рождения. Браки между близкими родственниками (двоюродными братьями и сестрами) не только допускаются, но и всячески поощряются, особенно в деревнях. Такие процессы, как ухаживание и любовь до брачного союза, категорически исключены, и нередко муж впервые видит свою жену, когда она входит в его дом. Сохранение традиций в данном случае диктовалось чисто меркантильными соображениями: стремлением оставить землю, имущество и ценности в распоряжении одного клана.

Тем не менее свадьба — один из самых ярких и красочных праздников. К ней долго готовятся, ее долго вспоминают. После предварительных переговоров с «вакилем» родители невесты отправляются в дом жениха, и, если предложение одобрено, называется сумма, которая немедленно уплачивается. Впоследствии она с лихвой компенсируется, когда родители юноши приходят в дом невесты со свадебной одеждой «джора» и украшениями.

Итак, предложение принято, список приглашенных обсужден, и день свадьбы назначен. За неделю до торжества начинается обряд «помазания». В полдень в каждом из двух домов начинают звучать маленькие барабаны, гости и родственники танцуют и веселятся, все — кроме невесты.

После примерки свадебного наряда она запирается в своей комнате, надевает самую простую одежду, ко-

тору ю сменит только в день свадьбы, отказывается от косметики, хотя женщины уже подарили ей специально приготовленные духи и масла. Период добровольного заточения называется «мапан».

Это делается для того, чтобы через несколько дней, когда невеста облачится в традиционный красный наряд и наденет украшения, она выглядела особенно очаровательной. В ночь перед свадьбой семь замужних женщин окрасят ступни и ладони невесты хной. Здесь же непременно будет крутиться одна из девушек. Ей выделяют немного краски — доброе предзнаменование, позволяющее надеяться в недалеком будущем еще на одну свадьбу. Все это сопровождается пением и шутками.

В день свадьбы жених садится на коня (или в автомобиль), но его сестры и кузины не дают тронуться с места, пока не получат выкуп. Наконец процессия под звуки труб и барабанов отправляется к дому невесты. Этот момент мы и застали на улицах Лахора.

Вскоре вся компания остановилась. Старшие представители обеих сторон обменялись троекратными объятиями. Рядом раздалось пение. Мужчина и женщина пели поочередно. Сюжеты импровизации были достаточно фривольными. После каждого куплета в толпе хихикали, девушки краснели.

Но вот наиболее почтенные родственники невесты входят в дом, чтобы троекратно спросить, согласна ли она выйти замуж за такого-то. Так начинается главная часть церемонии — «никах», на которой мы, понятно, не присутствуем, но известно, что никакие отступления от ритуала здесь невозможны. Невеста хранит молчание или кивает головой в знак согласия. Чаще это делает тетка, сидящая за ее спиной.

Затем мулла заключает свадебный контракт. Он недействителен без согласия жениха и невесты, хотя они зачастую еще незнакомы.

Наступает час, когда приданое — «джахиз», все платье, сари и украшения невесты — выставляется для всеобщего обозрения. Жених входит в ее дом и вручает подарки родственникам. Последние всячески дразнят и подшучивают над ним и, как правило, похищают его обувь, оставленную по обычаю у входа. Ее возвращают, только получив выкуп.

Общее веселье сменяется плачем и рыданиями, по большей части инсценированными; невеста покидает отчий дом, жених берет ее за руку, ведет к автомобилю, заменившему паланкин, и под аккомпанемент стихающих рыданий везет в свой дом. Лицо невесты еще закрыто, но ее красный наряд сверкает золотыми блестками.

В новом доме невесту встречают с ликованием. Час веселья приходит вновь. Мать или кто-нибудь из семьи помогают ей войти в дом. Невеста входит с нарочитой скромностью, низко опустив голову. Теперь настала ее очередь раздать подарки и открыть лицо.

Впереди — свадебный пир и новая жизнь. Как она сложится, трудно сказать.

Ритуал развода по-исламски предельно прост: нужно выйти на улицу и трижды провозгласить при свидетелях: «ты мне не жена». Однако такие случаи не часты. Вопиющее неравноправие в том, что мужчина может в любое время надеть на голову новые гирлянды и ввести в дом еще одну жену. Мусульманские законы позволяют иметь четыре жены. А для женщины красный наряд невесты — единственный в жизни, если она не овдовеет. Впрочем, XX век внес строгие коррективы в полигамию, и они не столько морального, сколько материального плана: жен нужно содержать, а это не каждому по карману. Кроме того, молодые девушки, получившие образование, не соглашаются ограничить свою жизнь местом в «зенане».

А недавно полигамия была в Пакистане вообще запрещена законом.

РАЗОРВАННАЯ СТРУНА

— Западный и Восточный Пакистан связывает теперь только международная линия авиакомпании PIA.

Эти слова редактора газеты «Сангбад» Ш. Кайсера, сказанные во время нашей последней встречи, оказались пророческими. 30 января на лахорском аэродроме приземлился индийский гражданский самолет, похищенный двумя авантюристами, объявившими себя «борцами за освобождение Джамму и Кашмира». Шовинистические круги встретили их, как героев.

Пассажиров и экипаж «Френдшипа» власти переправили в Индию на автобусах, а самолет был взорван похитителями. В ответ Индия запретила пролет пакистанских самолетов над своей территорией. Связь с Даккой стала осуществляться через Коломбо. Компания PIA терпела миллионные убытки.

Взрыв в лахорском аэропорту обострил отношения между соседними странами. Стрелка политического барометра, регистрирующего эти отношения, с обычной отметки «пасмурно» передвинулась в сторону «бури». Слово «конфронтация» вновь запестрело на газетных страницах. На субконтиненте складывалась опасная ситуация, усиленно подогреваемая силами реакции.

Не менее напряженным оставалось и внутреннее положение. Поездки в Дакку Яхья-хана, делегации Партии пакистанского народа во главе с З. А. Бхутто, лидеров других партий оканчивались бесплодно. Позиция «Авами лиг», четко выраженная в программе «шести пунктов», твердо отстаивалась Муджибур Рахманом.

Яхья-хан тщетно пытался помочь объединению разобщенных правых сил.

Шли разговоры о возможном назначении двух пре-

мьеров: Муджибур Рахмане на Востоке и Зульфикаре Али Бхутто на Западе, при условии сохранения президентского поста за Яхья-ханом, хотя президент еще в январе заявил, что премьером будущего пакистанского правительства станет Муджибур Рахман, а первая сессия Национальной ассамблеи соберется в Дакке.

З. А. Бхутто проявлял неистощимую энергию. Он ездил по стране, выступая на многотысячных митингах и пресс-конференциях, отстаивая идею создания коалиционного центрального правительства. Он опасался, что сессия Национальной ассамблеи в Дакке окажется под полным контролем «Авами лиг» и ее лидера. Конституция в таком случае будет выработана на базе «шести пунктов».

«Мы хотим сотрудничать на основе программы „шести пунктов“ при условии изменения положений, касающихся денежной системы, иностранной помощи и налогов,— говорил он в те дни.— Мы сделали много уступок, а теперь просим друзей из Восточного Пакистана пересмотреть их позицию, чтобы найти взаимоприемлемое решение проблемы».

Партия пакистанского народа, получившая большинство депутатских мандатов на Западе, представляла собой довольно разнородный конгломерат. Все яснее обозначались левое и правое крыло. З. А. Бхутто был вынужден наводить порядок среди своих сторонников. Прежде всего он назначил преемников, заявив, что «юные революционеры» Гулам Мустафа Хар и Майраджд Мухаммад-хан возглавят партию, если с ним что-нибудь случится, ибо «мы живем в период неожиданностей и великого напряжения».

Правые партии обвиняли З. А. Бхутто в стремлении к захвату власти. Поиски компромисса расценивались как попытка расколоть Пакистан и поставить Западный Пакистан под свое господство. Так заявлял один из лидеров «Джамаат-и ислами» — Миан Туфайл Мухаммад. Участились атаки на З. Бхутто со стороны трех лидеров расколовшейся Мусульманской лиги, которых он, в свою очередь, называл «тремя трупами, завернутыми в один саван».

Вторым шагом было создание «народной гвардии» — военизированной организации внутри партии, которую возглавил отставной генерал Акбар-хан, заняв-

ший одновременно четвертый пост в партийном таблице о рангах. Численность «гвардии» на первом этапе предполагалось довести до 50 тыс. человек.

Несмотря на успокаивающие заявления экс-генерала, что «гвардия» не будет вооружена, трудно было предсказать, в какие формы выльется деятельность «гвардии при партии».

К середине февраля положение еще более осложнилось. В обеих частях страны проходили демонстрации и забастовки, участились столкновения. В ход снова пошли полицейские дубинки, все чаще взрывались бомбы, наполненные слезоточивым газом.

В Карачи рабочие заняли одну из крупнейших фабрик текстильного концерна Валика, подняв над ее воротами красный флаг. Полиции только штурмом удалось взять ворота и ворваться на территорию. 700 рабочих были арестованы. В Дакке забастовали 16 тыс. почтовых работников. Связь была полностью парализована, пока места у почтовых окошек и телеграфных аппаратов не заняли солдаты.

В прессе появлялось все больше статей, правдиво рисующих ужасающее положение крестьянства, особенно в Восточном Пакистане, анализирующих состояние экономики и подчеркивающих неравноправное положение Восточной провинции.

Специальный военный трибунал приговорил редактора и издателя еженедельника «Интервинг» Шамсуд Доха к трем годам тюрьмы и оштрафовал на 35 тыс. рупий, а корреспондента «Пакистан обсервер» Саеда Наджиуллаха — к пятилетнему заключению и штрафу в 5 тыс. рупий «за написание и публикацию необъективных статей».

15 февраля на пресс-конференции в Пешаваре З. А. Бхутто заявил, что его партия не примет участия в работе Национальной ассамблеи, «если не будет достигнут компромисс по ряду вопросов». На это Муджибур Рахман ответил: если Западный Пакистан не примет программу «шести пунктов», то «Авами лиг», имея абсолютное большинство мандатов, самостоятельно выработает конституцию страны.

Обстановка накалилась до предела. 1 марта Яхьяхан отменил на неопределенное время созыв Национальной ассамблеи. Ответной мерой Муджибур Рахма-

на был призыв к всеобщей забастовке и «ненасильственной кампании несотрудничества», которая начиная со 2 марта охватила всю провинцию.

— В этот критический час,— заявил лидер «Авами лиг»,— священный долг каждого бенгальца, в том числе правительственных служащих,— прекратить всякое сотрудничество с антинародными силами и сделать все возможное для того, чтобы сорвать заговор против Бангладеш.

Через день «ввиду критического положения в стране» Яхья-хан распустил президентский совет министров и упразднил посты губернаторов провинций. Их заменили военные администраторы. Место недостаточно решительного губернатора Восточного Пакистана вице-адмирала С. М. Ахсана занял генерал-лейтенант Якуб-хан из ближайшего окружения президента. Но не прошло и нескольких дней, как его сменил генерал Тикка-хан. Узнав об этом назначении, многие состоятельные бенгальские семьи покинули страну.

Кампания несотрудничества продолжалась, распространяясь по восточному «крылу» с быстротой циклона. Во многих пунктах начались столкновения населения с армией. С каждым днем росло число убитых и раненых.

Выступая по радио 6 марта, Яхья-хан объявил, что открытие сессии Национальной ассамблеи назначается на 25 марта, не назвав места ее созыва. Особого внимания заслуживало его категорическое заявление: армия будет стоять на страже целостности Пакистана. Он выразил сожаление, что некоторые политические деятели, особенно Муджибур Рахман, «не поняли его последних мер».

Более суток Исламабад с напряжением ждал реакции Дакки. Ответ Муджибур Рахмана прозвучал на митинге, собравшемся на ипподроме Рамна. Участие в сессии он оговорил четырьмя ультимативными предварительными условиями: немедленной отменой военного положения, отводом всех войск в казармы, расследованием случаев убийств населения и немедленной передачей власти избранным представителям народа.

Исламабад оказался перед серьезной дилеммой: быть или не быть единому Пакистану. Партия «Авами лиг» стала хозяином положения в Восточной провинции. Кажущееся затишье было использовано военными вла-

стями для выработки окончательного решения. Усиленная переброска войск в восточную часть страны продолжалась морским и воздушным путем.

Докеры Читтагонга отказывались разгружать суда с военными грузами, приходящие в порт. Переброска войск происходила тайно. Корабли ложились в дрейф вне видимости с берега. Ночью солдат перевозили «из-за горизонта» на катерах, небольших баржах и шлюпках, а затем они устремлялись к сборным пунктам. По трапам самолетов сходили люди с военной выправкой, но в штатских костюмах.

Муджибур Рахман призвал народ превратить каждый дом в крепость. Население готовилось к борьбе. По радио исполнялась песня Рабиндраната Тагора «Золотая Бенгалия», десять первых строк которой вскоре стали гимном независимой Народной Республики Бангладеш. Проводя в жизнь программу «шести пунктов», Муджибур Рахман издал 35 директив, позволяющих упрочить контроль «Авами лиг» над положением.

Военным властям необходимо было выиграть время, и Яхья-хан отправился 16 марта со своими советниками в Дакку для «переговоров» с лидерами «Авами лиг». Вслед за ним туда прилетели представители ряда политических партий. Они добрались от аэропорта до отеля «Интерконтинентал» под усиленной охраной, но не смогли оказать никакого влияния на переговоры, заранее обреченные на провал.

Затягивая переговоры, зашедшие в тупик, Яхья-хан и генерал Пирзада позаботились, чтобы в печати появились обнадеживающие сообщения. Общественное мнение было основательно введено в заблуждение. Возвращающиеся из Дакки правые лидеры поддерживали это, заявляя, что выход из кризиса найден и в ближайшие дни Яхья-хан объявит об отмене военных законов, введении временной конституции и передаче власти выборным представителям.

Выступление Яхья-хана по радио вечером 26 марта носило иной характер: он объявил партию «Авами лиг» вне закона, обвинил Муджибур Рахмана в измене и сообщил, что вооруженным силам страны отдан приказ «исполнить свой долг по обеспечению неприкосновенности, солидарности и безопасности Пакистана и полному восстановлению власти правительства».

За этими фразами крылось многое. Вечером 25 марта Яхья-хан внезапно прервал переговоры. Ночью был арестован Муджибур Рахман. К этому времени войска вышли на улицы, начав по приказу военного руководства жестокую резню.

В тот же день главнокомандующий армией и главный военный администратор Яхья-хан издал распоряжения о запрещении политической деятельности и введении жесткой цензуры. В прессе не должны печататься материалы, прямо или косвенно критикующие военное положение, вооруженные силы, полицию и правительство. Запрещались любые процессии и собрания, кроме религиозных, свадебных и похоронных.

В стране фактически началась гражданская война.

ПУТЬ НА СЕВЕР

Край пуштунов — Северо-Западную пограничную провинцию — в Пакистане обычно называют коротко «сархад» — «граница». Мне нравилось приезжать туда в любое время года, особенно ранней весной, когда абрикосовые сады на севере Пакистана покрываются белой пеной, хотя погода напоминает подмосковный октябрь.

Тяжелые грузовики и воловь упряжки на дорогах нагружены крепкими, похрустывающими кочками цветной капусты. Лавочки в селениях вдоль шоссе украшены пирамидами апельсинов. Все выглядит красиво, нарядно, сытно, а небольшие стада овец и коз с длинными ушами-сережками, пасущиеся у обочин, дополняют идиллическую картину.

В самые жаркие месяцы здесь можно уловить прохладные струйки воздуха, стекающие с гор, а зимой увидеть лужицу, подернутую ледяной коркой.

Первый городок на пути от столицы к Пешавару — Хасан Абдал. Он расположен на восточном берегу Инда, но костюмы и обычаи уже напоминают север. Обычно мы останавливались здесь перекусить. Представьте себе стол под открытым небом, на котором разложены розоватые куски свежей рыбы, щедро сдобренные красным перцем. Вы выбираете любой, и его немедленно бросают в кипящее масло. Через считанные минуты великолепное блюдо готово. Во время поездок мы отлично завтракали в придорожных «отелях», знакомясь с острой местной пищей, или закупали «самосы» — слоеные пирожки, начиненные самой разнообразной смесью: горохом, луком, картофелем, мясом, зеленью, перцем.

Хасан Абдал — место паломничества. В апреле здесь ежегодно проводится трехдневный праздник «Байсакни», в честь святого Панджаба Сахиб Гурдвара, на гробнице которого сохранился отпечаток ладони Гуру Нанак — основателя своеобразного религиозного учения (его последователей называют сикхами). Обычно паломники прибывают специальными поездами и становятся лагерем, который окружает небольшой храм. Возле него бьет из земли прозрачный родник. Вода в нем, разумеется, целебная.

Миновав городок, вы можете повернуть на север, и через полчаса вас встретят голубые храмы Тарбелы. «Отец всех рек» — великий Инд — еще не разлился здесь широкой лентой. Разделившись на несколько рукавов, река прорывается меж холмов, отыскивая наиболее удобный путь от горных ледников к долинам.

Это место выбрано для возведения одной из крупнейших в мире плотин. Возникновение на субконтиненте Южной Азии суверенных государств — Индии и Пакистана — выдвинуло среди других и водную проблему. В 1960 г. между двумя странами было заключено соглашение о распределении и использовании вод бассейна Инда. Сооружение плотины Тарбела — завершающий этап этого грандиозного проекта.

На стройку мы отправились однажды вместе с корреспондентом Франс-Пресс Жаком Лямуром. Главный управляющий стройки Мишель Дассонвиль, крепкий рыжеватый инженер с сильными руками, усеянными веснушками, и насмешливыми карими глазами, оказался приятелем и земляком моего французского коллеги. Его мы разыскали в небольшом кабинете и быстро выработали порядок дня.

— Сперва я угощу вас небольшой лекцией. Потом вы угостите себя обедом. Затем познакомитесь со стройкой, гид будет вас ждать, а в семь вечера милости просим ко мне ужинать.

Предложенная программа вполне нас устроила. Машина ехала по поселку иностранных специалистов. Вместе с семьями в маленьких коттеджах жили около 2 тыс. итальянцев, французов, западных немцев, швейцарцев и англичан (более 400 семей). В поселке построено шесть школ с преподаванием на разных языках, два ресторана, клуб, а улицы повторяют названия па-

Строители Тарбелы

рижских, флорентийских или женевских. Иностранцы устроились обстоятельно и полностью изолировались не только от 13,5 тыс. пакистанских рабочих, но и от тысячи с лишним местных специалистов.

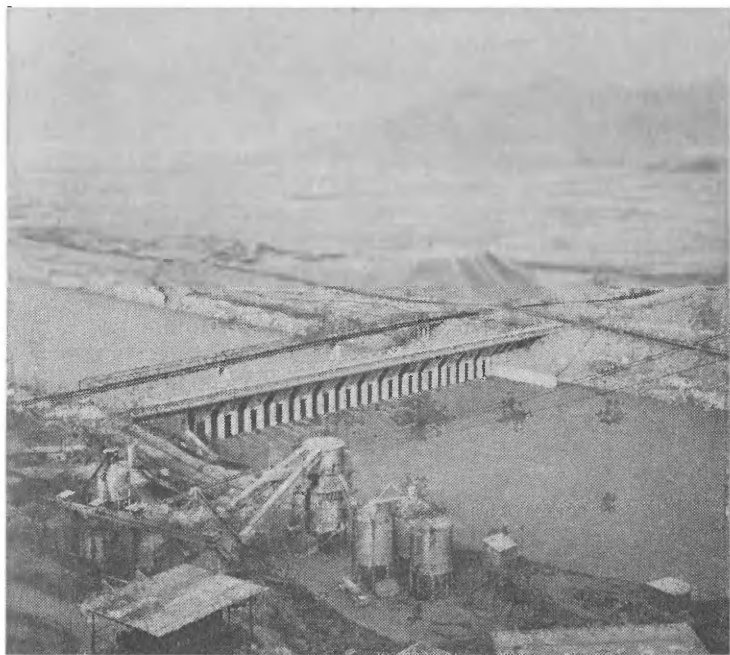
Во время обеда мы наметили подробный план осмотра и съемок. У меня было два фотоаппарата, а у Жака — кинокамера. Гид действительно ждал нас, и мы двинулись по карнизам гор, где без усталости работали экскаваторы, бульдозеры и курсировали тяжелые грузовики.

Прежде мне приходилось бывать на стройках нескольких наших ГЭС — от Камской до Нурекской, поэтому сам ход работ не вызвал удивления. Впервые я увидел только компьютерный центр, где электронно-вычислительные машины контролировали многие процессы.

Стоимость проекта определялась в 623 млн. долл. В главную насыпную плотину длиной 2740 м предсто-

ило уложить 142 млн. куб. м грунта и скальных пород. Резервуар водохранилища займет площадь около 25 тыс. га. Двенадцать агрегатов мощностью более 2 млн. киловатт будут вырабатывать электроэнергию. Окончание строительства намечено на 1976 г. «Тарбела-дам» позволит оросить в равнинах Панджаба 4 млн. га засушливых земель.

Желтые экскаваторы вгрызаются в склоны голубоватых холмов, мощные самосвалы отвозят грунт. Ленты транспортера подают 12 тыс. т скальных пород в час и укладывают эту массу в насыпи плотины и защитных дамб. Близилась к завершению первая очередь стройки. Из зоны затопления уже началось переселение жителей из первых 100 деревень. Земля для них выделялась за многие сотни километров. Предстояло переселить 90 тыс. крестьян, выделив им 130 тыс. акров пашни и выплатив 100 млн. рупий пособий и компенсации.

Мост через отводной канал у строящейся плотины

На званый ужин мы приехали к назначенному часу в пропыленных башмаках, просоленных рубашках, с образцами грунта на брюках. Нас встретил Дассонвиль в вечернем костюме и его жена в длинном платье. Начали прибывать и другие приглашенные в парадных туалетах, и наконец посол Франции Ф. Лежан. В этом обществе мы с Жаком выглядели достаточно непрезентабельно.

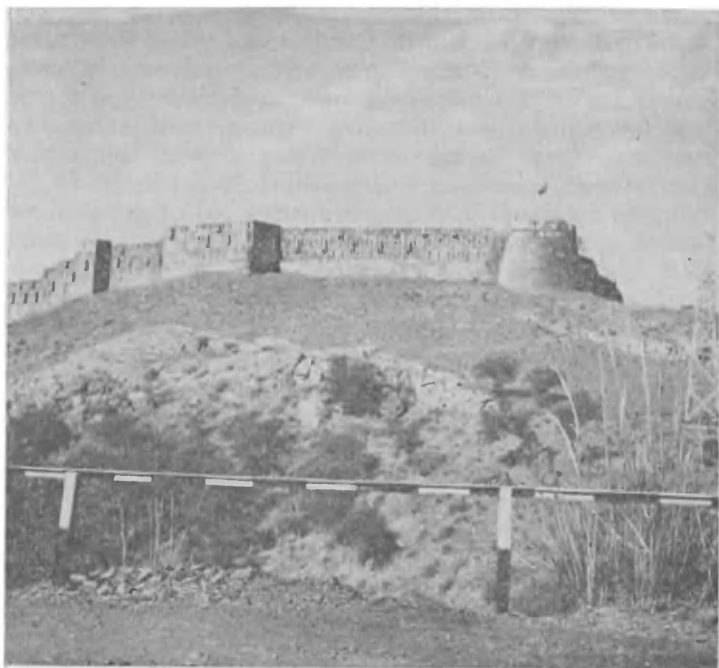
Необходимо было срочно ретироваться. Извинившись, мы отправились поужинать, а затем оказались в помещении, похожем на ангар, где собрались сотни специалистов, чтобы отметить национальный праздник Франции. Нас усадили за стол почетных гостей. И вскоре туда прибыла и вся компания от Дассонвилей. Уехать удалось лишь после полуночи, отведав традиционного лукового супа. Молодежь танцевала, обстановка была непринужденной. Так окончился вечер, проведенный «на Западе».

— Иностранцы умеют неплохо устраиваться в любом месте, — сказал один из пакистанских инженеров, — и намазывать маслом бутерброд с обеих сторон.

От современной индустриальной стройки путь лежит к поседевшему от времени форту Атток. Серой громадой он высится на одной из вершин, у подножия которой Инд встречается с рекой Кабул, чтобы, соединившись, продолжить путь к океану. С точки зрения современной фортификации крепость давно перестала быть неприступной, но как гарнизонная тюрьма она очень надежна.

Обогнув дугой стены форта, шоссе приводит к узкому мосту. Ширина его позволяет пройти только одной машине, поэтому колонны двигаются в разных направлениях поочередно, по знаку полицейского. На небольшой предмостной площадке расположился таможенный пост, имеющий право осмотра любой машины, кроме военных и дипломатических. Мне не раз приходилось наблюдать, как таможенники заставляли разгружать грузовики, везущие самые безобидные товары. Но иногда приходилось читать заметки, что среди сотни мешков с луком оказывалось несколько с чарасом.

После Аттока гуще и сочнее становится зелень. Могучие вязаы и платаны, огромные туи, словно часовые, выстраиваются вдоль шоссе перед въездом в Науше-

Форт Атток — ворота Северо-Западной пограничной провинции

ра — самый «военный» из городов Пакистана. Старинные казармы спрятались среди деревьев, вместо лужаек — плацы. У ворот военных училищ на главной улице стоят артиллерийские орудия и танк.

В центре городка — развилка. Главное шоссе ведет к Пешавару, поворот направо — путь к Малаканду и бывшим княжествам Сват, Дир и Читрал.

В 1970 г. с корреспондентом АПН Николаем Ермошкиным мы отправились из столицы на поиски Акбар Шаха, открыв этим целую серию совместных путешествий. Знали мы только его имя, профессию и тот самый город Наушера, где можно отыскать адвоката по имени Акбар Шах, который, судя по рассказам, встречался с В. И. Лениным.

Таких людей в Пакистане можно пересчитать по

пальцам. Мы были знакомы с Миром Абдул Масджи-дом из Лахора, который слушал выступление Ильича на II конгрессе Коминтерна, когда учился в Москве. Позже он 20 лет провел в колониальных тюрьмах, но через всю нелегкую жизнь пронес верность ленинским идеям. Абдул Керим Сихрай — владелец небольшого туристского агентства в Пешаваре. Он видел В. И. Ленина на первомайской демонстрации 1921 г. и вновь побывал в Москве на праздновании 50-летия Великого Октября.

Теперь мы продолжали поиск. В Наушера студент колледжа Абдурразак-хан, первый кого мы встретили, любезно проводил нас в дом живущего поблизости адвоката.

— Акбар Шах? Конечно, знаю. Он живет в соседней деревне Бадраша. Там любой мальчишка покажет.

Хозяина не оказалось дома. Он уехал по делам в Пешавар. Встреча состоялась лишь на следующее утро в знакомом уже доме, обнесенном высокими глухими стенами, с обычным крестьянским двором. Хозяин стремительной походкой вышел навстречу и пригласил в дом, угостив, следуя неизменной пакистанской традиции, крепким чаем. В рассказе Акбар Шаха порой не было хронологической последовательности. И пожалуй, трудно восстановить ее с того момента, когда в мае 1920 г. группа студентов Исламского колледжа в Пешаваре, проникнутых ненавистью к колониализму и жаждой борьбы, решила помочь афганскому народу сбросить английское иго.

Британский плацдарм был в Пешаваре. Отсюда в соседнюю страну шли войска и эшелоны с оружием, назад возвращались повозки с ранеными. Порой пригоняли пленных, говоривших, как и студенты, на пушту.

Группу из 82 человек, которая пересекла афганскую границу, возглавил Маулана Абдур Раб. Они прошли через горы к Кабулу.

Тогда и наступил в жизни Акбар Шаха период, напоминающий приключенческую повесть. Такая книга «В поисках свободы» написана им и издана на языке пушту. Теперь она библиографическая редкость.

В небольшом афганском городке Джабаль-ус-Сирадже было принято решение помочь революционной борьбе трудящихся молодой Советской республики.

Начался трудный трехмесячный путь через перевалы Гиндукуша к берегам Амударьи. В Термезе молодые люди поняли, что оказались в гуще схватки. По пустыне рыскали вооруженные банды басмачей, нападая на красноармейские гарнизоны. В одном из поселков вся группа была захвачена бандой Низамбека.

— Приговор старейшин туркменского племени был прост: застрелить нас и утопить в Амударье,— рассказывает Акбар Шах.— Но тут вмешался мулла и сказал, что мы его друзья, так как он — друг англичан. Если бы он знал, что мы пришли сюда помогать революции, то вряд ли сохранил бы нам жизнь.

Через день, связав пленников по трое грубыми веревками из конопли, старейшины «подарили» всех местным баям, иными словами, продали в рабство. В одной связке с Акбар Шахом оказался Вилайет Шах, живущий сейчас в небольшой деревушке под Пешаваром, и парень из индийского села, судьба которого неизвестна.

— Три дня нас продержали без воды и пищи, изредка бросая арбузные корки,— продолжает Акбар Шах.— Мы были заперты в глинобитном сарае-сеновале и лишь изредка слышали выстрелы. Под утро четвертого дня кто-то открыл дверь и протянул нам кукурузные лепешки. Оказалось, что через кишлак прошли красноармейцы из Чарджоу. Наши «хозяева» сбежали, и мы были свободны. Вскоре мы оказались среди красноармейцев. С ними можно было говорить откровенно, и нашелся переводчик. 200 красноармейцев и несколько женщин обороняли поселок от отрядов басмачей. Мы добровольно присоединились к защитникам и заняли позицию на берегу реки. 15 дней продолжалась перестрелка, пока из Чарджоу не пришел старенький пароход. На нем мы добрались до Термеза.

— Я помню молодого комиссара, красивого сильного парня из Архангельска,— продолжал Акбар Шах.— Он был в ладной кожаной куртке, с маузером и босиком. Он пожал нам руки и обратился с речью. Переводил бородатый татарин, знавший фарси.

Под военный оркестр вслед за красноармейцами мы прошагали через город с палками на плечах вместо винтовок — полуодетые, обросшие, голодные.

В гарнизонном поселке комиссар вскочил на стол и

произнес пламенную речь. Он приветствовал нас, как братьев, приказал выдать одежду и обувь, хотя у самого обуви не было. Для обеда он выделил овцу и предложил нам приготовить свою национальную еду, что нас очень тронуло.

В августе 1921 г. некоторым из нас предложили выехать из Ташкента в Москву. Мы поселились в доме у памятника Пушкину. Там помещался Коммунистический университет трудящихся Востока. Тогда и произошло самое значительное событие в моей жизни.

Однажды преподаватель объявил, что мы, группа из 17 человек, приглашены в Кремль. Там нас встретил подтянутый человек в военной форме, М. Бородин, и проводил в комнату ожидания, а вскоре вернулся очень оживленный и провел нас к товарищу Ленину.

Об этой встрече я вспоминаю почти 50 лет, многие детали вижу, как сейчас, но мы были потрясены неожиданностью, слишком молоды и, признаться, немного растерялись, а иначе бы записали и запомнили каждое ленинское слово.

Владимир Ильич выглядел утомленным и был бледен. Видимо, давала о себе знать рана. Но принял он нас очень тепло. Как я помню, он сказал, что рад видеть представителей колониальных народов, спрашивал о том, как мы живем в Москве и нравится ли нам здесь.

Очень трудно вспомнить все, о чем говорил нам Ленин во время этой 15—20-минутной встречи, но разговаривал он очень просто, как мы сейчас беседуем с вами. Я не могу взять на себя смелость цитировать, но, во всяком случае, мне запомнились слова о том, что колониализм не вечен и недалек день, когда и Британская Индия станет свободной. К сожалению, два человека, которые были на беседе рядом со мной, — Гоухар Гулам Мухаммад из Хазары и Фироз Мансур из Шейхпура — недавно покинули этот мир. Еще, как помнится, с нами были Хабиб Шахфиаханпур и Рафик из нынешней Индии. Все мы были под впечатлением встречи, которая оказала влияние и на мою судьбу: в декабре 1921 г. я попросил, чтобы меня отправили на родину для продолжения борьбы против колонизаторов.

Акбар Шах открывает карту, опубликованную в его книге. Москва — Минеральные Воды — Баку — Тбилиси — Ереван. Затем на маленьком судне путь продол-

жался по Каспийскому морю до порта Пехлеви, который назывался тогда Анзали.

...Десять дней, вернее ночей, я ехал верхом на муле по размытым дорогам, пока не потерял силы от нестерпимой жары. Узнав, что я мусульманин, меня приютило одно из кочующих бахтиарских племен. Здесь я чуть не совершил ошибку, которая могла стоить жизни.

Мои губы потрескались от жары и покрылись кровавыми язвами. Кто-то протянул мне влажную тряпку. Как только я протер губы, все окружающие зашептались. Дело в том, что мы принадлежали к разным сектам: я — суннит, а попал к шиитам. По их законам я должен был вытереть губы троекратно.

Меня немедленно заставили произнести молитву, где тоже были разночтения. К счастью, я слышал, как читали ее мои случайные соседи, и выдержал «экзамен», но на всякий случай ночевал в стороне от лагеря и при первой возможности сбежал.

Добравшись до Бушера, я встретил доброго человека Шейха Мухаммада, который приютил меня; через месяц мне удалось попасть на маленькое судно, направлявшееся в Карачи.

— Как же встретила вас родина? — спрашиваем мы.

— Пожалуй, слишком гостеприимно, — отвечает Акбар Шах. — Бросили в тюрьму, где продержали больше двух лет без суда и следствия. Выйдя из тюрьмы, я решил стать адвокатом, чтобы по мере сил помогать своим соотечественникам бороться против произвола. Этого удалось достичь, хотя меня и исключили из колледжа за участие в подпольном движении.

С тех пор Акбар Шах живет в доме, где родился и вырос.

— С радостью и симпатией я слежу за колоссальным экономическим прогрессом, расцветом науки и культуры в вашей стране, — говорит Акбар Шах. — Особенно за развитием республик Средней Азии. Когда я читаю статьи, рассматриваю фотографии или вижу кадры кинохроники, передо мной проносятся картины прошлого. Я хорошо помню Среднюю Азию начала 20-х годов и уверен, что если бы попал туда сегодня, то вряд ли бы узнал те же земли. Имя Ленина и воспоминания о трудных, но героических днях, свидетелем которых я был в вашей стране, я пронес через всю жизнь.

Акбар Шах беседует с односельчанами

Акбар Шаху 71 год. Время посеребрило его голову, но голубые глаза ясные. Двое сыновей, один из которых врач, уже взрослые. Из пяти дочерей две замужем, семеро внуков и внучек — частые гости в доме деда.

Пора было расставаться. Адвоката уже давно ждали клиенты: белобородый старик, обиженный помещиком, и молодой парень с винтовкой и патронташем на груди, пришедший похлопотать за родственника. Обычные в деревне Бадраши дела, которые ведет старый адвокат, верный друг трудового люда.

В СЗПП в то время особенно обострились отношения между помещиками и арендаторами. Крестьяне вели борьбу за землю и все чаще брались за оружие.

Пешаварская газета «Хайбер мейл» напечатала как-то письмо разгневанного помещика. Он призывал власти усилить репрессии против крестьян и слезно жаловался: «В последний год землевладельцы не получили от крестьян-арендаторов ни зернышка из урожая, собранного на их полях. Многие помещики не решаются появляться в своих владениях, опасаясь за жизнь». Он называет крестьян «приверженцами марксизма» и говорит, что они очень хорошо организованы и вооружены и руководит ими рабоче-крестьянская партия и ее лидер — местный юрист Афзал Бангапш, а также несколько заблуждающихся мусульманских богословов. Крестьяне, захватывая у помещиков землю и урожай, стараются в то же время избегать столкновений с полицией и пограничной жандармерией. Они придерживаются тактики вьетнамских партизан: наносят удар и скрываются. Когда же на место прибывает полиция или жандармы, то там все спокойно и найти никого невозможно.

Против произвола помещиков и борются всю жизнь Акбар Шах и другие прогрессивные интеллигенты, отстаивающие интересы крестьян.

Район Чарсадда, где баллотировался в Национальную ассамблею Абдул Вали-хан, стал центром крестьянских волнений. В своем письме в «Хайбер мейл» помещик имел в виду именно эти места. Несмотря на аресты и карательные экспедиции, район Чарсадда стал вольницей арендаторов. Движение по захвату помещичьих земель распространилось на Малаканд, Мардан и Сват. Крестьяне создали свои мастерские по изготовлению винтовок, пистолетов и боеприпасов и организовали оборону селений.

Осенью 1971 г. события достигли наивысшего накала. Правительство Яхья-хана было не на шутку встревожено. Крестьяне были названы «преступными элементами» и против них проведена настоящая военная операция: более 100 арендаторов были убиты, многие брошены в тюрьмы.

Несмотря на чрезвычайные законы, некоторые политические лидеры из Национальной народной партии и представитель левого крыла партии З. А. Бхутто потребовали освобождения арестованных и тщательного расследования. В ответ последовали новые аресты. В конце концов партия Абдул Вали-хана была запрещена, хотя

на этот раз депутаты Национальной и провинциальных ассамблей от этой партии остались на свободе.

Много веков Пешавар называли «воротами в Индию», и каждый из правителей считал своим долгом держать их закрытыми под надежным замком. Путь через перевал Хайбер, ведущий к Пешавару, охранялся цепочкой неприступных по тому времени цитаделей. Один из таких фортов, Бала-Гиссар, высится в самом центре города.

История Пешавара насчитывает около 40 веков. Город был столицей империй или их важным форпостом. Жизнь, полная тревог, сделала Пешавар городом воинов, который славится мастерством оружейников и чеканщиков. Чтобы прокормить население, земледельцы еще в древние времена превратили долину в цветущий оазис.

В великолепном тенистом парке на площади 1500 акров расположился университет — главный культурный центр провинции. Он был основан после освобождения страны на базе Исламского колледжа. Сейчас в университете 16 колледжей, 7500 студентов и свыше 500 профессоров и преподавателей. Около 6 тыс. студентов живут в университетских общежитиях. Для девушек открыто два специальных колледжа. Один готовит учительниц, специальность второго — домоводство. С 1907 г. существует неплохой музей с богатой коллекцией гандхарской скульптуры. До сих пор в развалинах буддийских монастырей при раскопках находят ценные экспонаты.

Мы остановились с приятелем на перекрестке. Вечер выдался по-настоящему холодный. Небольшая толпа окружила булькающий котел. Мужчины закутались в коричневые пледы из домотканой шерсти. В котле варились куры, связанные лапками. По просьбе любого продавец наливал пиалу бульона или отсекал острейшим ножом кусок курицы, подняв ее за веревку из котла. Все это выглядело так необычно, что мы немедленно протиснулись к котлу и выпили по чашке бульона. Мне казалось, что это был самый вкусный суп, какой я ел в жизни, а общество было очень приветливым.

От перекрестка мы шли по «Улице сказочников». Наверное, в давние времена здесь рождались легенды о боях и походах, о заморских странах и богатой добыче.

Бродя в тот раз по городу, мы изрядно продрогли и вспомнили вдруг, что еще не устроились в отеле. Администратор гостиницы спросил, будем ли мы питаться здесь, не желаем ли купить дрова или предпочтем электрический камин, но это будет стоить дороже.

Предложение о покупке дров привело меня в недоумение: оказывается, отопление не входит в стоимость номера; владелец отеля предоставляет вам за определенную плату крышу, а тепло, извините, имеет свою цену.

Промышленность в современном понимании развита в городе сравнительно слабо. Небольшие фабрики выпускают ткани, сигареты, бумагу, картон, каустик, глюкозу, консервированные фрукты. Зато кустарная промышленность придает Пешавару особый колорит.

Обычная подворотня уводит в какой-то лабиринт. Пройдя по двум коридорам и открыв дверь, вы попадаете в большую комнату, где от пола до потолка тянутся полки, сплошь уставленные керамическими изделиями — от огромных ваз до копеечных свистулук.

Это магазин керамической фабрики. Рядом — цех, откуда всю продукцию приносят в лавку еще не остывшей. Бывая в Пешаваре, я всегда заходил в это веселое и звонкое царство. Мрачноватый парень, увидев посетителя, молча включал свет, и сразу из полутьмы являлось все великолепие обливных кувшинов, кружек, ваз, тарелок, подсвечников, пепельниц, бокалов. Были среди них поделки, не отличающиеся особым вкусом, но ни одна не носила печати холодного ремесла, в каждой безделушке чувствовалась рука мастера.

Как правило, я подолгу бродил вдоль полок и всякий раз покупал одну-две вещицы. Затем стал приглашать знакомых попутчиков и не видел, чтобы хоть один ушел отсюда с пустыми руками. А сумрачный парень стал весело улыбаться мне. Непреложное в Пакистане правило: если вы посетили лавку второй раз, владелец примет вас как старого знакомого.

Неподалеку от магазина керамики — улица чеканщиков — хранителей древнего и удивительного мастерства. Они буквально на ваших глазах превращают медь, латунь и бронзу в длинногорлые сияющие кувшины, огромные, горящие, как солнце, подносы с кружевной

Такие гончарные изделия продавали их деды и прадеды

резьбой. А в недрах маленьких лавочек можно увидеть антикварные вещи, покрытые патиной или позеленевшие от времени.

Третья наследственная специальность пешаварских умельцев — изготовление огнестрельного оружия. Такие мастерские располагаются, как правило, в деревнях и напоминают обыкновенные слесарни. В первой комнате вам охотно покажут образцы продукции — целую коллекцию ружей с резными ореховыми прикладами, карабинов и пистолетов. Порой можно увидеть, как старый мастер высверливает ствол, а подручные-мальчишки готовят во дворе формы для отливок. Больше всего удивляет умение сделать настолько точную копию любого пистолета, что если у оригинала чуть сбита одна из цифр номера, то такой она будет и на изготовленном здесь «вальтере» или «парабеллуме».

Единственная беда — качество металла. На изделия идет рессорная сталь, части машин, любые отливки. Металл умудряются переплавлять в домашних условиях, делать подсадки, закаливать. Но никаких лабораторных исследований, понятно, не делается. Все металлургические процессы ведутся на глазок, а интуиция иногда обманывает. И все-таки нельзя не восхищаться изумительным мастерством людей, которые своими руками делают то, что достигнуто только в точной промышленности.

В окрестностях Пешавара находится бывшая американская база Бадабер. Это большая площадка, огороженная глухим забором, из-за которого видны радиомачты, радарные установки и небольшие аккуратные строения. Филиал базы был и на обычном гражданском аэродроме, откуда 1 мая 1960 г. вылетел Гарри Пауэрс, пилотирующий самолет-шпион «Локхид У-2», сбитый советскими ракетчиками над Уралом. Стартовал он без ведома пакистанцев.

Правительство Пакистана в мае 1969 г. заявило, что оно не намерено возобновить соглашение о нахождении американской базы на своей территории. Почти год продолжалась подготовка ее к эвакуации. Я побывал там в момент, когда специальная американская команда, прибывшая из ФРГ, вела демонтаж оборудования. Часть его, в том числе жилые дома и другие сооружения, продавалась с аукциона, что вызвало ажиотаж среди местных и столичных бизнесменов и брокеров, боявшихся упустить столь выгодную сделку.

Через Пешавар идут главные торговые пути, связывающие Пакистан с соседними государствами, а через них — с Европой. Древний путь шелковых караванов оделся в асфальт и бетон, верблюдов заменили мощные грузовики, а это во много раз увеличило возможности торгового обмена. Весь «южный» поток товаров, необходимых Афганистану, проходит через Пешавар и Кветту по традиционным путям.

За последнее десятилетие при содействии Советского Союза в дружественном Афганистане построена целая сеть современных автомагистралей. Это в огромной степени упростило сухопутные связи между Пакистаном и нашей страной. Первые пробные перевозки наглядно показали несомненную выгоду транзитной сухопутной тор-

говли. Советское оборудование и пакистанские товары доставлялись автокараванами в несколько раз быстрее, чем морем.

Советский Союз выступил инициатором всемерного развития такой торговли между всеми странами региона. Однако в Пакистане идея использования трансасиатского шоссе нашла не только доброжелателей. Хотя соглашение о транзитной торговле между тремя названными странами было подписано, здесь не раз высказывались опасения, что она умалит значение порта Карачи, а некоторые ретивые прорицатели утверждали, что наибольшие выгоды от транзита получит Индия.

Можно не сомневаться, что в решении этой проблемы восторжествует здравый смысл и в недалеком будущем Пешавар станет важным центром международной торговли. Это непременно произойдет, как только будут нормализованы отношения на субконтиненте, а слово «конфронтация» останется только в словарях.

АКТЫ ТРАГЕДИИ

Избрав путь вооруженного подавления «кампании неповиновения», армия обрушила террор на активистов и приверженцев «Авами лиг». 26 марта подпольные радиостанции провозгласили создание независимой Республики Бангладеш. Специальным самолетом в Карачи был доставлен «важный государственный преступник» — лидер партии большинства Муджибур Рахман.

Чтобы скрыть от общественности истинную картину, по приказу Яхья-хана свыше 30 иностранных журналистов были высланы из Дакки. В Исламабаде главы дипломатических миссий США и Англии были вызваны в МИД, где им заявили протест по поводу «недостоверного и тенденциозного» освещения в прессе этих стран политического кризиса в Пакистане.

Среди высланных журналистов оказался и корреспондент «Правды» Александр Филиппов. Он позвонил мне в Исламабад из Карачи сразу по прибытии.

— Представляешь! Мы были фактически арестованы в отеле с самого начала событий. Затем военная полиция оказала мне особую честь: на аэродром меня отвезли не в грузовике, как остальных, а на джипе, в сопровождении майора.

— А дальше?

— Затем меня обыскали: сперва в Дакке, а потом в Карачи на всякий случай.

— Ты заявил протест?

— Безусловно, и в достаточно резкой форме, но это не произвело на них впечатления.

Через несколько дней при личной встрече, после того как власти принесли извинения моему коллеге, он рассказал о случае в Коломбо.

— К каждому из журналистов был приставлен персональный охранник, однако двум французам из телевидения удалось их провести. Французы позвонили кому-то с аэродрома, а потом лениво прохаживались по залу. Как только охрана притупила бдительность, они быстро вышли из помещения. В этот момент к зданию аэропорта подошла машина. Дверца «шевроле» открылась, и на глазах выбежавшей охраны один из французов бросил в нее портфель с отснятыми пленками.

Охрана взбеленилась. Не задумываясь о том, что они в чужой стране, переодетые офицеры бросились в чей-то джип и пытались завести мотор, чтобы догнать «шевроле». Но этого сделать не удалось.

Этот случай довольно точно характеризует обстановку тех дней. В конце августа Яхья-хан дал интервью корреспонденту газеты «Фигаро». На вопрос французского журналиста, почему он выслал тогда из Дакки иностранных корреспондентов, генерал ответил:

— Я хотел обеспечить их безопасность... В конечном счете я сожалею об этом. Если бы несколько журналистов были убиты, то это было бы очень полезно для меня: тогда говорили бы о зверствах «Авами лиг».

Несмотря на все старания, пакистанским властям не удалось скрыть истинного положения вещей. Мир испытывал глубокое беспокойство в связи с начавшимися трагическими событиями. Печать и эфир были заполнены сообщениями об убийствах мирного населения, о бомбардировках и обстрелах населенных пунктов и кровавых карательных мерах к оказывающим сопротивление.

Вечером 3 апреля посол СССР в Пакистане М. В. Дегтярь вручил Яхья-хану обращение Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного. В нем в очень корректных и сдержанных тонах говорилось о большой тревоге, с которой встречены в Советском Союзе сообщения о применении вооруженной силы против населения Восточного Пакистана.

«Советских людей не могут не волновать многочисленные жертвы, страдания и лишения, которые несет такое развитие событий пакистанскому народу» — говорилось в нем. Далее в обращении выражалась озабоченность арестом и преследованием М. Рахмана и других политических деятелей, облеченных народным дове-

рием. «И в эти тяжелые дни для пакистанского народа, — писал Н. В. Подгорный, — мы не можем не высказать доброго слова друзьям. Мы были и остаемся убежденными в том, что сложные проблемы, возникшие в Пакистане, могут и должны быть разрешены политическими средствами, без применения силы. Продолжение репрессивных мер и кровопролития в Восточном Пакистане, несомненно, только затруднит решение проблем, может нанести большой ущерб жизненным интересам всего пакистанского народа».

Н. В. Подгорный обратился к президенту Пакистана «с настоятельным призывом принять самые неотложные меры для того, чтобы прекратить кровопролитие, репрессии против населения в Восточном Пакистане и перейти к мерам мирного политического урегулирования». В заключение выражалась надежда, что Яхья-хан правильно поймет мотивы данного призыва.

— Это не дружественное послание, — заявил Яхья-хан, ознакомившись с текстом обращения, — мы не будем его публиковать.

Однако обращение было напечатано одновременно с началом в прессе антисоветской кампании. Она приняла такие размеры, что через две недели сам Яхья-хан дал команду прекратить ее.

События в Пакистане вызвали общую тревогу. Секретариат Всемирного Совета Мира обнародовал 7 апреля специальное заявление и призвал отметить 18 апреля как Международный день солидарности с народом Восточного Пакистана. Главы многих государств обратились к пакистанским властям с призывом положить конец трагедии.

Военные операции тем временем принимали все больший размах. Восточнобенгальские стрелки и полк, сформированный из солдат-бенгальцев, а также полиция перешли на сторону повстанцев и оказывали сопротивление армейским частям.

В печати началась новая кампания, названная позже «псевдонормализацией». Только 15 мая Тикка-хан смог заявить, что «активное сопротивление в провинции сломлено». Войскам удалось взять под контроль значительную часть территории и рассеять силы сторонников Бангладеш, хотя в районах Рангпура и Комиллы оставались районы, где хозяевами были партизаны.

Все мы были обеспокоены не только самими событиями, но и судьбой наших товарищей, находившихся в зоне боев. У Тан, бывший в то время Генеральным секретарем ООН, еще 2 апреля отдал распоряжение об эвакуации из Восточного Пакистана всего персонала ООН. Советские специалисты, работающие по линии ООН в Читтагонге, Дар Шубников и Марат Коршунов категорически отказались уезжать, заявив, что они останутся со своими соотечественниками и разделят их судьбу. В Читтагонге оставалось 54 человека — советских нефтяников и энергетиков с семьями.

Наших специалистов удалось привезти из джунглей и разместить в шести домах. Три из них находились в районе правительственных войск, три — в кварталах, контролируемых повстанцами. Врач Геннадий Мельников бесстрашно водил по городу микроавтобус с красным крестом. Он успевал обеспечивать всех продуктами, оказывать помощь, вместе с «ооновцами» вести переговоры с властями.

Однажды утром на перекресток выскочил танк и прошил стену дома, где находились советские люди, очередью из автоматической пушки. Снаряды оставили в стене отверстия диаметром с блюдце. По счастливой случайности никто не пострадал.

В городе царил хаос. Пылали портовые склады, шли уличные бои. Остатки сил сопротивления отходили в джунгли вверх по течению Карнапхули и по прибрежной полосе холмов к Кокс-базару, где до 15 мая продолжались кровопролитные схватки. Они закончились у буддийской деревни Раму, в том самом месте, где в 1942 г. было остановлено нашествие японцев.

Я мысленно представлял все эти места: полноводную чистую реку, окруженную лесами, стремившуюся к океану. Широкую лепту плотного песчаного пляжа у Кокс-базара, на котором почти не оставляют следа покрывки джила, а есть места, где песок содержит более 60 процентов железа. В те дни сюда легли осколки мин и снарядов. Тихие буддийские храмы, давно пришедшие в запустение, были разбужены выстрелами.

Вспомнилось и заброшенное кладбище колонизаторов с замшелыми плитами, под которыми лежат скелеты голландских и португальских пиратов, в самом Читтагонге, которое мне довелось увидеть год назад.

Многострадальная земля! С захвата бенгальского навабства Ост-Индская компания начала колонизацию субконтинента. Поражение бенгальских войск в битве при Плесси в 1757 г. открыло черный период истории этого края.

В Дакке и других местах Тикка-хан и его администраторы — генерал-лейтенант А. К. Ниязи и генерал-майор Фарман Али пытались хоть как-то наладить экономическую и гражданскую жизнь.

В политическом плане была сделана попытка создать «комитеты мира», которые могли бы стать посредниками между властями и населением, но практически это вылилось в организацию отрядов «разакаров» из лиц, говорящих на урду. Даже правая печать писала, что они только запугивают население и убивают политических и личных противников.

Началось массовое бегство миллионов людей на территорию соседней Индии. Многие из них, молодые и сильные, оставив в лагерях жен, детей и стариков, брали в руки оружие, организовывали отряды и возвращались на свою территорию, чтобы продолжать борьбу.

С 11 августа по 24 сентября при закрытых дверях шел суд над Муджибур Рахманом, который обвинялся в «ведении войны против Пакистана». Пять лидеров «Авами лиг», вошедших в правительство Бангладеш, находившееся в Калькутте, были заочно приговорены к 14-летнему тюремному заключению и «конфискации половины принадлежащего им имущества». В сентябре было объявлено о решении судить военным трибуналом еще 72 депутата.

Решено было провести дополнительные «выборы» под дулами автоматов и «избрать» представителей правых партий на места, освобожденные военными трибуналами. «Выборы» были назначены на декабрь.

31 августа Яхья-хан сместил Тикка-хана. Должность губернатора провинции занял Абдул Моталеп Малик, а генерал Ниязи остался военным администратором. Вскоре Малик привел к присяге 10 министров. Семь из них представляли политические партии, потерпевшие сокрушительный разгром на выборах. Этим ограничились попытки властей восстановить видимость гражданского управления.

Нарастание политического кризиса шло параллель-

но с углублением экономического. Карательные операции на Востоке только в первые 20 дней обошлись по меньшей мере в 200 млн. долл. и непрерывно возрастали.

Всю страну — от государственных и финансово-промышленных кругов до самых широких слоев населения — лихорадили инфляция и резкий спад деловой активности, вызвавший рост безработицы. Катастрофическое истощение валютных резервов привело к полному банкротству: Пакистан объявил односторонний мораторий на оплату текущих внешних долгов. Общий долг страны достиг к тому времени 4 млрд. долл. Выплаты по твердым обязательствам поглощали ежегодно значительную часть доходов от экспорта. Треть всей иностранной помощи возвращалась странам-кредиторам в виде погашения кредитов и уплаты процентов.

Правительство Яхья-хана предложило произвести платежи бумажными рупиями с обменом их через полгода на конвертируемую валюту. Однако такая сомнительная операция не устроила иностранных кредиторов: они не хотели получать банкноты, реальная стоимость которых немногим превышала типографские расходы на их печатание.

Несмотря на то что между внутренней рупией и твердой валютой много лет была опущена заградительная сетка экспортного бонуса, а список всех импортных товаров ограничен, утечка валюты продолжалась. Сотни миллионов рупий каждый месяц оседали в иностранных банках.

Международный банк реконструкции и развития, Международный валютный фонд и страны — члены консорциума помощи Пакистану потребовали девальвации рупии. Советник Яхья-хана по экономическим вопросам М. М. Ахмед посетил Вашингтон, Лондон, Париж и Бонн: он вел переговоры с главными кредиторами, обещая приложить все силы для стабилизации рупии внутренними средствами.

...Жара наступила внезапно. Ртутный столбик перекочевал за отметку «40».

— Трудно сказать, что повышается быстрее: температура или цены? — мрачно произнес как-то один из знакомых журналистов, садясь в свою старенькую малолитражку.

Решив, что он имеет в виду уже второе в этом году

повышение стоимости бензина, я попытался утешить коллегу, заметив, что лишних 25 пайса за галлон в конце концов не делают погоду.

— Учтите, — ответил он, нажимая на стартер, — для каждого владельца такси это означает 8 рупий убытка в день. Впрочем, если бы только бензин...

Действительно, дело не только в горячем, а скорее в цепной, не поддающейся контролю реакции роста цен.

Трагические события в Восточном Пакистане парализовали производство. Оказались нарушенными сложившиеся торговые связи. В Западный Пакистан перестали поступать газетная бумага, чай, спички, джутовые изделия. Ежегодно из Восточной провинции привозилось продукции почти на 1 млрд. рупий. Восточный Пакистан поглощал, в свою очередь, на 1,5 млрд. рупий продукции, производимой в Западном Пакистане. Поэтому товары накапливались на складах, а производство их постепенно сокращалось, углубляя кризис.

Еженедельник «Пакистан монитор» с тревогой констатировал, что доллар, стоивший по официальному курсу 4,85 рупии, на черном рынке продается по 11—12 рупий, более чем вдвое дороже объявленной стоимости. Газеты помещали таблицы роста цен на товары первой необходимости.

Приток конвертируемой валюты во многом зависел от джута — главной экспортной культуры. С начала трагических событий поступление джута на мировой рынок, по определению газет, находилось «в хаотическом состоянии». Во время гражданской войны джутовая промышленность, насчитывающая около 70 предприятий, оказалась парализованной. Большинство рабочих покинули предприятия, в том числе крупнейшую джутовую фабрику концерна «Адамджи» под Даккой.

Почти ежедневно сообщалось о повышении цен на мотоциклы, велосипеды, авиабилеты, фрахт судов, а главное — на рис, чай, овощи, фрукты, керосин. Одновременно возросла и стоимость услуг.

Все это особенно отражалось на покупательной способности всех слоев населения. Рынок бурлил и бродил: с начала года цены на сахар возросли в 1,5 раза, лекарства — на одну треть. Мясо подорожало на 27 процентов, чай — на 25, керосин — на 20, рыба — на 17,

мука — на 10 процентов, констатировала пресса. Вот два интервью, опубликованных журналом «Геральд».

Имбиаз Хан — образованная и обеспеченная женщина, мать четверых детей. Бюджет семьи — 1500 рупий в месяц.

— Мы живем лучше, чем миллионы соотечественников, — говорит она, — но что можно сделать, если инфляция съедает 300 рупий из каждой тысячи и все время приходится думать, как уложиться в бюджет.

А что делать рассыльному из частной фирмы Нур Заману, который вместе с чаевыми получает 130 рупий в месяц? Он не может выбраться из долгов. Ему просто необходимо 150 рупий, чтобы свести концы с концами. Семья Нур Замана живет в трущобе на Джакоб-лайн в одной комнате и платит домовладельцу 45 рупий в месяц. На городской транспорт нужно 15 рупий. Для членов семьи поездка на автобусе, кроме как в госпиталь, исключена. Питание состоит из гороха, овощей и чанати. Рис слишком дорог, поэтому редко появляется на столе. Мясо готовится раз в месяц, когда приходят гости. «Впрочем, гости появляются чаще, чем мясо», — с горькой усмешкой говорит Нур Заман. Дети имеют по одной смене одежды, которая стирается раз в три дня. Для этого нужно две дюжины кусков мыла в месяц. На один из вопросов, ходят ли дети в школу, Нур Заман ответил раздраженно:

— Что я должен: кормить детей или учить их? Ни жена, ни дети ни разу в жизни не были даже в кино.

Так живут в городах миллионы пакистанцев. Немногим лучше положение сельского населения, если учесть, что более 2 млн. семей вовсе не имеют земли.

Какие же меры предпримут власти для стабилизации рупии? Об этом думали все. Разнесся слух, что правительство обратится к нации с просьбой сдать золото под специальные поручительства. По мнению экономистов, золота у населения в украшениях, различных изделиях, монетах и слитках не менее чем на 18 млрд. рупий. Если убедить народ сдать его, рупия будет спасена. Вместо этого управляющие отделениями банков шепотом посоветовали своим друзьям и знакомым, а через них и остальным вкладчикам взять золото, хранившееся в банковских сейфах. Вскоре министерство финансов издало пресс-релиз о том, что слухи об изъятии

в какой-либо форме золота и драгоценностей у частных лиц лишены основания.

Финансовый шторм разразился над Пакистаном 8 июня. Правительство изъяло из обращения банкноты достоинством в 500 и 100 рупий. Установив, что из 8,3 млрд. циркулирующих рупий 4,6 млрд. выпущено в крупных купюрах, Яхья-хан принял решение об их демонетизации. Писалось и о том, что за время событий из банков Восточного Пакистана исчезло около 600 млн. рупий, а на границах Западного Пакистана рупии широко использовались в контрабандных операциях.

Операция была проведена быстро, энергично и беспощадно. На обмен «красных» купюр (500 рупий) давалось два дня, «зеленых» (100 рупий) — три. Нужно было предъявить их в банк, заполнив декларацию с указанием имени, точного адреса и номеров сдаваемых банкнот. Взамен каждый получал расписку, становясь с этого момента большим или малым кредитором государства. У каждого банка появились группы предприимчивых людей, которые за вознаграждение в две-три рупии заполняли декларации для своих неграмотных сограждан.

Сообщение о демонетизации, вступавшее в силу в полночь, было объявлено по радио в 19 часов 45 минут. За оставшиеся четыре часа кое-кто пытался приобрести у авиакомпаний билеты для путешествия вокруг света (ведь билет всегда можно вернуть). Другие искали возможности разменять последнюю сотню, чтобы наутро купить хлеба и молока детям. Возникло немало семейных конфликтов, когда выяснялось, что жена тайком от мужа скопила какую-то сумму. В трудном положении оказались «плавающие и путешествующие», находясь вдали от дома с сотнями в кармане. Пара молодоженов, например, отправилась в свадебное путешествие в Лахор с одной «красной» ассигнацией. Но большинство узнали новость лишь утром, когда в стране наступило полное безденежье.

Одной из целей операции было выявление лиц, уклоняющихся от уплаты налогов. Поэтому деятели «черного рынка», владельцы тайных притонов, курилен и игорных домов, ростовщики — все те, кто не мог вразумительно объяснить происхождение баснословных сумм, переполошились.

В безвыходном положении оказались жители отдаленных горных районов и пустынь. Когда до них дошла весть об обмене, они физически не могли добраться до ближайшего отделения банка. Караван верблюдов прибыл к зданию «Стейтс-банка» в Карачи с опозданием на одну ночь. Узнав, что обмен прекращен, гордые белуджи вскачь погнали животных по центральной улице. А рядом билась в истерике вдова, пришедшая с четырьмя детьми и единственной красной купюрой. Вряд ли можно сосчитать, сколько трагедий «маленького человека» произошло в эти дни в стране с многомиллионным населением. Одним концом дубинка демонетизации действительно ударила по черному рынку, а другим — по беднейшим и средним слоям народа. Не пострадал лишь крупный бизнес. Миллионеры редко оперируют наличными деньгами, предпочитая чековые книжки.

Экономисты полагали, что ликвидация крупных купюр выведет из обращения более 3 млрд. рупий, нанесет удар по контрабанде и подпольному бизнесу. Однако, несмотря на обложение налогом крупных сумм, было изъято менее 1 млрд. рупий. Операция, таким образом, далеко не оправдала возлагавшихся на нее надежд.

Тем временем положение в Восточном Пакистане становилось все более критическим. Повсюду усиливался скрытый саботаж: взрывались мосты, выводились из строя электростанции, поджигались склады с джутом, предназначенным для переработки и экспорта, баржи, нагруженные джутом, шли на дно. Отряды «мукти бахини» — армии освобождения — находили приют в деревнях. Крестьян агитировали на корню уничтожать посеы джута и сеять на этих площадях рис.

В марте прекратили работу все 147 чайных плантаций Силхета, на которых было занято 200 тыс. человек. Все это относилось на счет «индийских диверсантов». Одна из газет предложила спасти плантации, построив специальные ограждения, дороги и наблюдательные вышки с вооруженной охраной. Так на деле выглядела псевдонормализация: чтобы начать работу на плантациях, было необходимо превратить их в подобие концентрационных лагерей.

Губернатор Малик, приговоренный позднее судом Бангладеш к пожизненному изгнанию, призвал студентов вернуться в аудитории. Американские агентства не

без издевки сообщали, что в ответ на призыв в Дакке начали занятия 60 студентов из 6 тыс., а в Читтагонге — 12 из 2 тыс.

На улицах гремели выстрелы и взрывы. В Дакке был убит патриотами бывший губернатор Восточного Пакистана Монем-хан. Незадолго до этого такая же судьба постигла видного деятеля «Джамаат-и ислами» Хафиза Манана. В Кхулне пристрелили торговца джутом, который, несмотря на предупреждение, продолжал свой бизнес. Граната взорвалась в автомобиле, в котором ехал новоиспеченный министр по делам местного самоуправления М. М. Ишхак.

Правительство Яхья-хана издало в августе «белую книгу», в которой излагало свою версию кризиса. В ней повторялось, что правительственные войска лишь определили на несколько часов мятеж, подготовленный «Авами лиг». Муджибур Рахман и его партия обвинялись в массовом терроре. Из архивов вновь было извлечено дело «о заговоре в Агартале». Писалось, что Индия еще 12 июля 1967 г. якобы обещала поставить мятежникам во главе с Муджибур Рахманом оружие и боеприпасы и блокировать воздушные и морские пути, связывающие Восточный Пакистан с Западным.

«Белая книга» была настолько тенденциозной, что к ней скептически отнеслись даже на Западе. Несколько позже публицист Масгар Али-хан выразил надежду, что будет написана «черная книга», где рассказывалось бы о преступлениях хунты Яхья-хана, который в упомянутом уже интервью газеты «Фигаро» цинично заявил: «Если мои солдаты убивают, то делают это умело». Другой автор, С. Гаури, писал, что именно политика террора привела к потере Восточного Пакистана, «к которому относились не как к части страны, а как к вражеской территории».

Зульфикар Али Бхутто настойчиво требовал передачи власти в Западном Пакистане его партии, но позиция Яхья-хана становилась все более жесткой. Он по-прежнему планировал объединение правых сил и создание на этой основе влиятельной проправительственной коалиции, тесно связанной с военной верхушкой, и по возможности сохранение в стране существующих социальных и экономических порядков. Яхья-хан пошел лишь на формальные уступки: объявил о снятии неко-

торых цензурных ограничений, отнюдь не касающихся запрета критики действий военной администрации, но допускающих полемику партийных лидеров. Кроме того, он изложил программу передачи власти выборным представителям через четыре месяца.

Газета «Уикли мейл» в восторженных тонах писала об особых отношениях Пакистана с Китаем. Китай был единственной в мире страной, безоговорочно и открыто поддерживавшей действия хунты Яхья-хана в Восточном Пакистане. Поставки оружия из Китая производились морем и по новой высокогорной дороге, связавшей Синьцзян с агентством Гилгит. В конце октября был пущен построенный при содействии КНР машиностроительный завод в Таксиле.

Яхья-хан пытался извлечь какие-нибудь выгоды из наметившихся контактов между Вашингтоном и Пекином. Пробным камнем была секретная миссия Генри Киссинджера. В один из июньских дней он прибыл с визитом в Пакистан. Вскоре колонна машин отправилась в курортное местечко Натхиагали, где, как сообщалось в коротких коммюнике, в течение нескольких дней шли переговоры.

Через несколько дней выяснилось, что в первую же ночь на специальном самолете Киссинджер вылетел в Пекин, где в течение 49 часов вел переговоры с китайскими руководителями. 11 июня Киссинджер возвратился в Пешавар, откуда был доставлен в столицу на вертолете. После коротких переговоров с Яхья-ханом он вылетел в Тегеран.

В августе был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Индией. В Пакистане, который открыто готовился к войне с Индией, этот двусторонний документ, отнюдь не направленный против Пакистана, вновь вызвал широкую антисоветскую кампанию. Договор именовался не иначе как «советско-индийский сговор против Пакистана». Политика Советского Союза, направленная на сохранение мира в этом опасном районе, представлялась как выдача Пакистана «на милость Индии».

Демонстрации и митинги в Советском Союзе по поводу событий на востоке страны и суда над Муджибур Рахманом расценивались как вмешательство во внутренние дела Пакистана. Если большинство газет, вы-

ходящих на английском языке, старались при этом выбирать выражения, то в прессе, издающейся на урду, разжигание антисоветской истерии приняло масштабы самой безответственной дезинформации.

Тем временем в американской печати уже появились целые сценарии о военном конфликте между Пакистаном и Индией. Его считали неизбежным.

Вот один из них, напечатанный на страницах «Нью-Йорк таймс» 14 августа.

«По окончании сезона дождей в октябре начинается война. Бенгальские беженцы, подготовленные и оснащенные индийцами и действующие с индийской территории, переходят границу, чтобы начать партизанскую освободительную войну в Восточном Пакистане. Пакистанская армия, действуя по примеру израильтян, предпринимает „упреждающий“ рейд на индийскую территорию против партизанских лагерей. Индийские войска выступают на поддержку партизан, война распространяется на западные границы, пакистанцы начинают массовые действия против индийских позиций в Кашмире. Пакистанцы, боясь потерять контроль над Восточным Пакистаном, просят своего друга и союзника Китай предпринять диверсию против Индии в спорных пограничных районах в Гималаях. Кроме того, они просят американцев о дополнительных поставках оружия и о финансовых средствах.

Индийцы, опасаясь потерять территории в Кашмире, прибегают к помощи Советского Союза, обосновывая необходимость этой помощи вторжениями на свою территорию Китая и Пакистана. Они просят предоставить оружие и оказать воздушную поддержку в Кашмире, расположенном неподалеку от советской границы.

А затем положение еще более ухудшается».

Некоторые «сценаристы» возлагали надежды на крупный военный конфликт с вовлечением в него Советского Союза и Китая. Прошло не так много времени, и жизнь показала, что история делается не по сценариям. И на этот раз агрессивным империалистическим кругам, индийским и пакистанским реакционерам и их подстрекателям из Пекина не удалось развязать большую войну.

ВОСТОЧНЕЕ «ЛИНИИ ДЮРАНДА»

Дорожный шлагбаум в местечке Джамруд не совсем обычный. Миновав его, вы попадаете в «полосу племен». Служащий в форме принесет к автомобилю толстую книгу, куда вы обязаны записать номер машины и имена находящихся в ней людей.

Вы непременно обратите внимание на плакат: «Фотографировать женщин на территории племен категорически запрещено», а затем служащий предупредит, что ночью движение по шоссе закрыто, и если вы рассчитываете в тот же день возвратиться в Пешавар, то должны успеть до наступления темноты.

На карте территория племен выглядит узкой, извилистой полоской, протянувшейся вдоль западной границы Пакистана. Она не входит в состав Северо-Западной пограничной провинции, а подчинена непосредственно столице — Исламабаду.

С 1893 г. границей между Афганистаном и Британской Индией, а после освобождения страны — Пакистаном служит «линия Дюранда», на которую и выходит территория племен.

Колонизаторы постоянно сраивали племена, что не раз приводило к слепой вражде и военным столкновениям. Народ здесь не расстаётся с оружием, поэтому любой искры порой достаточно, чтобы раздуть пожар.

Приграничный район, где большинство селений напоминает крепости, был удобен и для политических интриг, направленных против соседнего Афганистана. Известно, например, что в конце 20-х годов у самой границы — в Мираншахе — действовал полковник английской разведки Т. Лоуренс (Аравийский), связанный с

руководителями мятежа Бачаи Сакао, вспыхнувшего тогда в Афганистане. До этого полковник почти год жил на аэродроме Дриг-роуд в Карачи и звался добровольцем Королевских ВВС Т. Е. Шоу. На границе он действовал под именем Пир Карам Шаха.

Труднопроходимые горные тропы, глубокие каньоны, узкие речные долины также способствовали изоляции племен друг от друга. Вот почему вдоль «линии Дюранда» до наших дней сохранилось несколько обособленных округов. Северным Вазиристаном управляют главы шести крупнейших родов. Это своего рода совет старейшин.

Главная транспортная артерия, пересекающая полосу племен, ведет через знаменитый Хайберский проход и связывает Пешавар с пограничным селением Торхам. На посещение большинства из них нужно личное приглашение местного хана. Любую самостоятельную экспедицию задолго до подъезда к деревне встретит вооруженная охрана и потребует убраться восвояси. Однако некоторые впечатления вы можете получить вскоре после короткой задержки у шлагбаума.

К остановившейся машине подбегают мальчишки, идущие из школы.

— Бакшиш! — требует один из них и добавляет: — Сигарету!

Получив монету и закулив сигарету, он гордо удаляется.

Здесь еще равнина. Дорога только приближается к первым вершинам, чтобы, свернувшись змейкой, скользнуть вверх по их склонам. Деревни у обочин обнесены высокими глинобитными заборами с угловыми башнями и бойницами. Из-за них видны, как правило, только верхушки деревьев и тонкие стрелы минаретов. В центре стены — обыкновенные деревянные ворота. Иногда возле них можно увидеть два-три автомобиля самых неожиданных марок и возрастов: от древнего «шевроле» до новейшего «мерседеса». Они принадлежат главе рода, его потомкам или прибывшим в деревню гостям.

По заведенному обычаю к дому старшего в деревне стекаются по утрам подвластные ему жители. После приветствий хан обращается к каждому из них с вопросом о планах на сегодня.

Утром у входа на рынок Ланди Котал

— Мне нужно продать двух овец на рынке в Пешаваре.

— У меня кончился рис.

— Следует ли отправить дочь в школу соседнего селения?

Возможно, что деньги понадобятся, чтобы уплатить очередную дань тому же хану. Кто просил рис, вероятно, получит еще одну запись в долговой книге. Решения выносятся незамедлительно, они не подлежат обсуждению и не могут быть опротестованы.

Хотя многие жители региона лихие наездники и меткие стрелки, а выйти за пределы деревни без карабина или винтовки считается просто неприличным, главное

их занятие — мирное земледелие и скотоводство. В речных долинах и на сравнительно пологих склонах выращиваются пшеница, ячмень, просо, рис, бобовые культуры, овощи и фрукты. Кроме коз, овец, коров и буйволов разводится много породистых скакунов. К тому же у каждого племени есть свое особое занятие. В холмах Муллагори добываются превосходный хайберский мрамор и мыльный камень. Плато Парачинар в Курраме славится фруктами и шелком. Из Хайбера и Южного Вазиристана вывозятся лесоматериалы, древесный уголь и самодельное оружие. Главное селение южных вазиров и масудов — Канигурам — известно своими кинжалами. В Северном Вазиристане — наиболее развитом районе — построено несколько частных текстильных фабрик. В соседнем Банну действует крупное предприятие, выпускающее шерстяные изделия и одеяла.

Небольшое местечко Ланди Котал известно всей стране своим контрабандным рынком. Его часто называют «маленьким Гонконгом». Автобусы, курсирующие между Пешаваром и Кабулом, непременно останавливаются здесь, не говоря о частных автомобилях. Сначала те, кто впервые попал сюда, недоуменно оглядываются. Рынок можно не заметить, находясь от него в двух шагах. К нему ведут каменные ступени, спускающиеся в ущелье, где вы попадаете в целый городок. Более 200 магазинчиков, и в каждом «что угодно для души», начиная от булавок, посуды, тканей и кончая пистолетами любых калибров и новейшими магнитофонами. Почти все товары иностранного производства. Выбор их более широк, чем в других городах, а цены ниже. Как пишут время от времени газеты, государство ежегодно недополучает с двух таких рынков десятки миллионов рупий налогов.

Еще одна особенность отличает Ланди Котал от всех восточных рынков: здесь не торгуются. Продавцы, как правило, преисполнены достоинства. Прихлебывая из пиал ароматный чай, они называют цену товара и спокойно продолжают чаепитие или беседу. Как объяснили сведущие люди, мелкая розничная торговля является своего рода ширмой. Настоящие миллионные сделки совершаются не здесь и происходят не на глазах. Там речь идет о крупных партиях таких товаров, как оружие, наркотики, драгоценные камни, валюта.

В июне 1970 г. я стал случайным свидетелем грандиозного пожара Ланди Котала. В одной из лавочек, торгующих электротоварами, произошло короткое замыкание. Вспыхнули картонные коробки, и пламя перекрыло главный вход рынка. Через несколько минут соседние лавочки начали вспыхивать одна за другой, словно бумажные фонарики. Началась цепная реакция. Продавцы бросились спасать товары и ценности. К стене, ограждающей рынок со стороны реки, подъезжали невесть откуда взявшиеся грузовики. На них беспорядочно накидывали какие-то ящики, тюки, коробки. Но особой паники не было, не считая двух-трех отчаявшихся людей, которые бегали в разных направлениях, кричали и ломали руки. Наутро газеты сообщали, что пожар уничтожил от 130 до 150 магазинов, убытки оценивались от 500 тыс. до 100 млн. рупий. Все газеты были едины в категорическом утверждении: Ланди Коталу не подняться. Однако прошло не больше двух месяцев, и рынок возродился из пепла.

Путь в сторону Пешавара был закрыт подоспевшими пожарными и спасателями из армейских вспомогательных частей. Нам пришлось двинуться в сторону границы. Через полчаса мы были в Торхаме — маленьком пограничном оазисе, лежащем на дне долины. Дорожный щит с надписью: «Храни вас Аллах, вы въезжаете в страну с правосторонним движением!» Стоило пройти несколько сот метров нейтральной полосы — и вы в Нанграхарской провинции Афганистана, знакомой мне по прежним поездкам. Там с помощью Советского Союза закончено строительство крупнейшей в стране ирригационной системы, которая позволит преобразить этот знойный край. Скоро здесь зашумят оливковые рощи, поднимутся плантации цитрусовых, зазеленеет прокаленная веками каменистая пустыня.

У здания таможни остановилось несколько машин с туристами. К каждой проходил плотный человек среднего роста с черной окладистой бородой и молодыми, смеющимися глазами. В руках он держал увесистые пачки денег. В одной — рупии и афгани, в другой — фунты и доллары. Он представлял в своем лице владельца частного банка, его управляющего и кассира. Разумеется, меняла не миновал наш «форд» и охотно вступил с нами в разговор.

— Допустим, я поменяю у вас деньги. Но ведь рядом — таможня. Меня сразу же задержат,— сказал я.

— Если вы имеете дело со мной, можете не опасаться. Никто к вам даже не сунется,— весело ответил меняла.— Между прочим, это наша земля!

— Да, я понимаю, что земля ваша. Но существует еще государство, законы, правила.

— Пока мы, слава Аллаху, сталкиваемся с государством два раза в год, когда оно платит нам ренту.

— За что?

— За землю, по которой проходит это шоссе.

— И сколько же вы получаете?

— А это по-разному, смотря какой участок занят под дорогу. Одни получают немного, а некоторым можно не заниматься больше никаким бизнесом.

Собеседник явно не хотел оперировать абсолютными цифрами. Мы не настаивали. Подошедший старик с посохом, прислушивающийся некоторое время к разговору, приблизился, ответил на приветствие и с важностью подтвердил, указывая глазами на менялу:

— Он очень богатый человек.

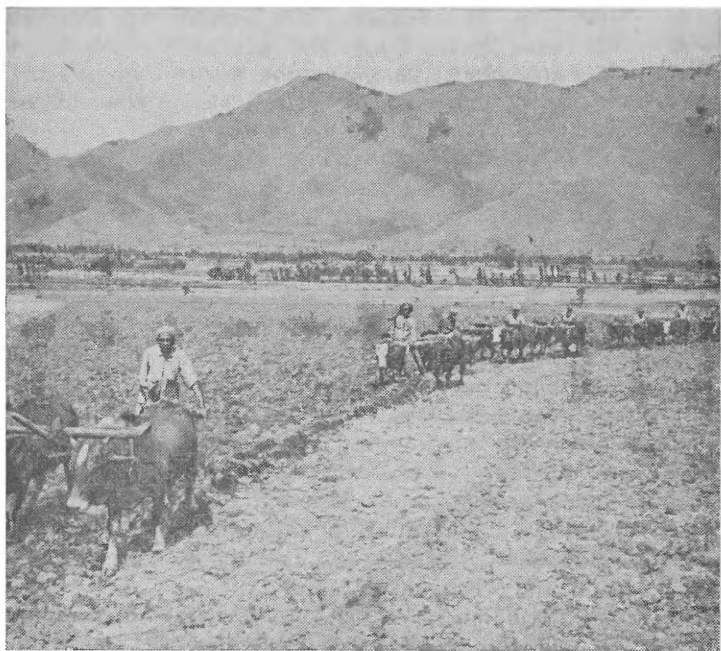
Старик удалился с сознанием выполненной миссии.

Как мы убедились, меняла безошибочно знал официальные курсы всех валют и платил за фунты, доллары и марки несколько больше, являясь, таким образом, прямым конкурентом властям, которые тем не менее его не трогали.

Позднее я узнал, что, если любой преступник сможет пересечь границу полосы племен, полиция провинции не имеет права задержать его. Выдать нарушителя в руки закона в силах только глава племени.

Живописный город Банну, названный, судя по легенде, именем грозной древней правительницы,— настоящая крепость. Он обнесен каменной стеной пятиметровой высоты. В город ведут 11 ворот. Город-форт приобрел печальную известность дерзкими похищениями женщин.

Однажды группа вооруженных всадников подъехала к городской больнице Банну. Несколько человек ворвались внутрь и выволокли оттуда женщину-врача по имени Латафат, жену местного хирурга. Через несколько дней жертву удалось вернуть, но тем временем умер ее грудной ребенок.

Пахари в долине .

Не прошло и двух месяцев, как из деревни Исмаил Хель этого же округа были похищены четыре молодые учительницы, которых скрыли в одном из пограничных селений. Через неделю они смогли отправить записку о себе, однако место, где их скрывают, не было установлено. Предполагали, что это деревня Гарвек в Северном Вазиристане, у самой афганской границы. Всплыло имя организатора похищения, некоего Ниаза Али-хана из деревни Матам. Случай получил особенно широкий резонанс. О нем шумела пресса. Забастовку протеста объявили 25 тыс. учителей Лахора и Пешавара. Пленниц смогли освободить только через 18 дней после мер, принятых к их розыску столичными властями, и затянувшихся переговоров между советом старейшин и похитителями, которые требовали огромный выкуп.

Знакомый врач — Геннадий Марченко работал в деревнях этого края от Всемирной организации здравоохранения. Когда удавалось убедить хана в необходимости сделать прививки против оспы, врача приводили в комнату, где он мог приготовить вакцину и необходимые инструменты. Затем сквозь занавеску из соседнего помещения поочередно протягивались жевские руки, обнаженные до плеча: молодые и старческие, полные и худые или совсем детские. Врач делал прививки, ни разу не увидев лиц своих пациентов. Правда, бывали случаи, когда докторскую машину не допускали к деревне.

Само существование полосы племен, где сохранены в неприкосновенности родовые отношения, в наши дни кажется вопиющим анахронизмом. Вот что рассказал мне в Пешаваре чиновник департамента племен.

— Современная жизнь очень медленно вторгается в этот район, хотя Моманд, например, может гордиться крупными оросительными системами, а Южный Вазирстан — отличными дорогами. После вынужденного ухода колонизаторов минуло всего четверть века. В последний год своего владычества на цели развития региона они выделили всего 775 тыс. рупий, зато их уход ознаменовался многочисленными кровавыми столкновениями.

Недавно разработан перспективный план экономического и культурного развития полосы племен на ближайшие 20 лет. За это время намечено вложить 3 млрд. рупий в строительство дорог, землеустройство, ирригацию, лесонасаждения, улучшение породы скота и геологические изыскания. Особое внимание будет обращено на ликвидацию неграмотности, развитие образования и приобщение племен к общенациональной жизни, — говорит чиновник.

— Нельзя не сказать, — продолжал он, — что территорию племен в Национальной ассамблее впервые представляют восемь депутатов и среди них одна женщина. Многие из сыновей племен, получивших образование, пользуются репутацией добросовестных и способных служащих, дисциплинированных и знающих офицеров, умелых и находчивых предпринимателей. Пока это в большинстве выходцы из верхушки племен, но я уверен, что начавшийся процесс быстро распространится вглубь.

БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

В последний день рамазана — 22 ноября 1971 г. — начались широкие военные операции на всей территории Восточного Пакистана. Утром 23 ноября газеты сообщили о первых сражениях на восточном фронте. Днем стало известно о введении Яхья-ханом чрезвычайного положения на территории всей страны. Каждый чувствовал, что война вот-вот распространится и на Западный Пакистан. Эти события застали меня в Карачи, поэтому на следующее утро я двинулся в тысячемильный путь к Исламабаду.

В пути внимание привлекали непривычные детали, подтверждающие опасную ситуацию. Усилена охрана ирригационных сооружений, возле многих из них установлены зенитки. Серебристые баки бензохранилищ покрываются желто-зелеными абстракциями камуфляжа. В новом отеле «Пак-интер» в Суккуре всюду висят таблички: «Фотографировать мосты, каналы, плотины категорически запрещено». Военная полиция в красных беретах рыскает по шоссе на джипах в поисках подозрительных личностей.

При въезде в Лахор машину остановили, довольно грубо постучав по корпусу, и приказали выключить свет: объявлено частичное затемнение. Гражданская оборона, представленная полицейскими и подростками, не знающими куда девать избыток энергии, вступила в действие. Через несколько дней такие патрули палками разбивали зажженные фары.

Добираясь до отеля, мы крались по городу, сразу ставшему незнакомым, «ощупывая» перекрестки и включая порой на секунду свет, чтобы определить, можно ли двигаться дальше. У тротуаров уже стояли побитые машины.

Последний отрезок пути — Лахор — Исламабад. Чем ближе граница, а она где-то справа, тем больше встречается военных машин: санитарных и грузовых. Тянутся на сборные пункты колонны мобилизованных грузовиков. Под маскировочными сетками у дороги закусывают усталые солдаты.

А рядом — мирная жизнь. Трое угрюмых смуглых людей свежуют у обочины тушу верблюда, сбитого полчаса назад грузовиком. Утюжат поля воловьей упряжки. Продолжают свой путь невозмутимые караваны. Женщины в ярких одеждах заканчивают сбор хлопка.

И все же повсюду чувствуется тревога. Пахнет порохом.

Война пришла сюда через неделю. Для нас она стала фактом, когда вечером 3 декабря пакистанское радио объявило: «индийская армия начала активные боевые действия на протяжении всей границы с Западным Пакистаном». Вскоре мы услышали и сообщение из Дели об артиллерийских обстрелах индийской территории и внезапных бомбардировках военных аэродромов пакистанскими самолетами.

Причины, приведшие к очередному индо-пакистанскому военному конфликту, были ясны. Американская газета «Балтимор сан» довольно точно определила, что «причина войны — отчаяние от неспособности подчинить Восточный Пакистан ни миром, ни террором». Правда, слово «мир» выглядит здесь явной переделкой.

Исламабад погрузился во мрак. Время от времени раздаются сигналы воздушной тревоги, слышны взрывы в районе аэропорта Чаклала. Курьер-мотоциклист привез приглашение на пресс-конференцию, которая должна состояться утром в здании службы безопасности. Но она неожиданно была отменена.

— Я могу предложить вам по чашке кофе, но никаких новостей, — сказал подтянутый молодой офицер в форме ВВС. — Все новости сообщены ночью. В полдень президент выступит по радио.

Пожилой швейцар в отеле встретил меня словами:

— Опять война! Говорят, что сегодня утром бомбили Лахор...

— Аэродром или город? — спросил я.

— Какая разница? Здесь все так близко.

Газеты вышли с портретами Яхья-хана в полной генеральской форме. Его обращению к нации, впервые произнесенном не по-английски, а на урду, был придан особо эмоциональный характер.

Одновременно в Западном Пакистане искусственно подогревались шовинистические настроения и антисоветская истерия: те, кто стоял у руля, любыми способами стремились заранее объяснить причины провала своей политики не чем иным, как подписанием в августе 1971 г. советско-индийского Договора о дружбе.

Плакатики «Разгромим Индию!», отпечатанные типографским способом, продавались по полтиннику в любой книжной лавке и наклеивались на стекла автомобилей. Все рейсы на воздушных линиях отменены — это значит, что мы остались без почты. Даже карачинские газеты будут приходить в лучшем случае на третий день. Полное затемнение объявлено на всей территории. Автомобили превратились в грязные чудовища: все блестящие детали, а также корпуса по распоряжению властей замазаны жидкой грязью. Мне сразу вспомнился сентябрь 1965 г. Тогда я улетел из Карачи последним самолетом, и все выглядело примерно так же.

Население роет щели. Некоторые мажут грязью наружные стены своих коттеджей. Смысл непонятен. Какое-то надругательство над домами в этом маленьком чиновничьем городке.

Первые дни войны прошли под «Гром победы, раздавайся». Уже 5 декабря «Пакистан таймс» вышла под шапкой: «46 индийских самолетов уничтожено. Захвачено пять пилотов». Заголовок рядом гласит: «Теперь — 48». В заметке уточняется, что еще два самолета были сбиты во время ночного налета на Карачи. «Нью таймс» сообщает: «Пакистанские войска захватили Дева, Дхарам, мемориал Кайсар-и-Хинд и деревню Пакка». Известия о воздушных боях газета подавала как информацию о матче:

«Авиационный матч Пакистан — Индия

Потери Пакистана	2
Потери Индии	48
Пакистан ведет	46».

На следующий день Индия признала Бангладеш, а Пакистан немедленно разорвал с Индией дипломатические отношения. (Характерно, что во время конфликта

1965 г. формального разрыва отношений не было.) На вечерней пресс-конференции военные выглядели довольно мрачными. Настала пора критически относиться к победным заголовкам.

Все дни стояла прекрасная погода — солнечная и прохладная. Только кроваво-красные закаты напоминали, что эта земля находится под знаком Марса. Но люди гибли под огнем и бомбами в горах Кашмира и в пустыне Качского Ранна даже в такие чудесные дни. Сообщается, что, как и в 1965 г., на линии прекращения огня в Кашмире захвачен город Чамб. Переправа через реку Тави продолжается.

Список трофеев растет, как снежный ком. (Помо-ему, преувеличением грешили обе стороны.) Но никакие победные реляции не могли прикрыть общее трагическое положение, особенно в Восточном Пакистане. Генерал Фарман Али 6 декабря заявил: «За исключением нескольких участков, пакистанские войска полностью контролируют положение», а через три дня Дакка была осаждена. Судя по газетам, после «полного контроля» положение сразу стало «угрожающим», а затем «критическим». На Западе даже в ночь перед прекращением огня в районе Шакаргарха шли тяжелые танковые бои.

С момента начала военных действий департамент прессы почти ежедневно проводил пресс-конференции для местных и иностранных журналистов. Сначала эти брифинги устраивались в грязноватой, напоминающей сарай комнате, именуемой «пресс-рум», затем перекочевали в элегантный зал отеля «Интерконтинентал». Порядок был одинаков. С короткими сообщениями о развитии боевых действий выступали офицеры — представители трех родов войск, затем слово для политического обзора предоставлялось чиновнику МИДа.

Правила военного времени, введенные для корреспондентов, практически исключали всякую деятельность, кроме передачи официальных сообщений на английском языке. Вскоре к ним добавили запрещение указывать звания и описывать внешность военных, выступающих на брифингах. Именовать любого из них следовало «официальный представитель» и никак иначе.

На одной из пресс-конференций показали пленного

индийского летчика Марвиндела Сингха Гревала, но запланированного интервью не получилось. Он не ответил ни на один вопрос и даже отказался передать по радио весть о себе родителям в Амритсар. На вопрос, как именно был сбит его самолет: в бою или наземным огнем, он ответил:

— Я не знаю, почему машина оказалась неисправной.

На следующий день газеты опубликовали его портрет с подписью: «Сбитый пилот индийских ВВС М. С. Гревал отвечает на вопросы корреспондентов».

Единственным надежным источником информации стал для нас эфир. Мы внимательно слушали все сообщения о развитии событий на субконтиненте из Москвы, Равалпинди, Дели, Нью-Йорка, Лондона, Парижа, Мельбурна, проводя порой у приемников по 16—18 часов. Быть может, поэтому многие пресс-конференции выглядели особенно несостоятельными: события развивались стремительно, и «официальные лица» не успевали осмыслить их. Поэтому говорили о локальных операциях, а иногда о «местных трудностях». Порой брифинги приобретали явно антисоветскую направленность.

10 декабря один из ответственных чиновников МИДа заявил, что в командах ракетных катеров и военных самолетов, которые Советский Союз предоставил Индии, имеется советский персонал.

На следующий день последовало категорическое опровержение ТАСС, но оно, разумеется, не было доведено до сведения пакистанцев.

С особенно ярким рецидивом такой политики мы столкнулись уже после прекращения огня. Командующий ВВС маршал авиации Рахим-хан, не подозревая, что скоро он будет уволен в отставку по обвинению в «бонапартизме», устроил пресс-конференцию, на которой заявил, что якобы... Советский Союз поставил Индии четыре сверхсовременных самолета-разведчика, насыщенных электронным оборудованием, которые пилотировались либо советскими, либо смешанными экипажами. Они-то и делали погоду, т. е. вели разведку и корректировали бомбардировки. На вопрос, есть ли тому какие-нибудь доказательства, Рахим-хан ответил весьма расплывчато. Дело, дескать, в том, что еще два

месяца тому назад Индия не имела таких самолетов, а столь сложным оборудованием индийцы не смогли бы управлять самостоятельно.

Через день «Пакистан таймс», подхватив придуманный миф, решила представить «доказательства», оказав своему маршалу поистине медвежью услугу. На первой странице она поместила два снимка повидавшего виды пассажирского самолета ТУ-114, который 12 лет отлетал на внутренних и международных линиях Аэрофлота. Он и был вылан за «электронный разведывательный самолет ТУ-144(!), который использовали индийские ВВС».

Собственную авиационную безграмотность газета пыталась приписать и Рахим-хану, который точно знал, что ни скорость, ни высота полета пассажирского лайнера ТУ-114 не могут обезопасить эту машину почтенного возраста от нападения любого истребителя.

С апреля 1969 г. Яхья-хан не переставая твердил, что намерен передать власть гражданскому правительству, но на деле палец о палец не ударил для этого.

Лишь в середине ноября 1971 г. Нурул Амину удалось возглавить коалицию из семи правых партий, получивших на декабрьских выборах 1970 г. в общей сложности 37 мест в Национальной ассамблее. Одно из них принадлежало Демократической партии в лице ее председателя — самого Нурул Амина.

8 декабря Яхья-хан объявил о создании так называемого коалиционного правительства в центре, назначив только двух его членов: Нурул Амина как премьера и З. А. Бхутто в качестве вице-премьера и министра иностранных дел. З. А. Бхутто сразу вылетел в Нью-Йорк, возглавив пакистанскую делегацию в ООН.

Все это происходило в тот момент, когда английская пресса писала, что для Яхья-хана вопрос состоит не в том, уходить ему или нет, а в том, как уйти.

«Коалиционное правительство» просуществовало 12 дней. За это время Нурул Амин успел лишь выступить с рядом нападок на Индию и Советский Союз, а в самый канун капитуляции провозгласил, что «народ Восточного Пакистана, к которому он сам принадлежит, оказывает всяческую поддержку своей армии (имелась в виду армия Западного Пакистана) в борьбе против индийских захватчиков».

16 декабря эфир был полон важнейших сообщений. Утром передовые части индийских войск вошли в окруженную Дакку. Генерал Ниязи согласился на безоговорочную капитуляцию, заявив, что она полностью санкционирована Яхья-ханом. Ее условия были подписаны в 16 час. 31 мин. Премьер-министр Индии — Индира Ганди выступила с чрезвычайным заявлением, в котором объявила о прекращении 17 декабря в 20 часов военных действий на обоих фронтах и подтвердила, что Индия не имеет никаких территориальных притязаний к Пакистану.

Эта новость распространилась молниеносно. Поэтому все ждали заранее объявленного выступления Яхья-хана, которому предстояло объявить происшедшее народу.

Однако его обращение к нации прозвучало более чем странно. О капитуляции в Восточном Пакистане не было произнесено ни слова. Правда, он заявил, что «мы проиграли битву, но не войну», а затем призвал народ к борьбе до полной победы. Кроме того, Яхья-хан пообещал объявить 20 декабря конституцию и предоставить максимальную автономию Восточному Пакистану, народ которого к тому времени уже завоевал право самостоятельно решать свою судьбу.

Английская «Дейли телеграф» писала, что это выступление произвело гнетущее впечатление. «В лучшем случае слова Яхья-хана можно интерпретировать как попытку спасти лицо в условиях продолжающихся поражений на поле боя. Совершенно очевидно, что правительство Пакистана потерпело поражение на Востоке, но зачем же делать вывод в пользу дальнейшего кровопролития?»

В утренних известиях 17 декабря было анонсировано еще одно выступление президента, на этот раз по вопросам конституции. Назначенный час настал, однако на экранах телевизоров продолжали показывать затянувшееся выступление какого-то самодеятельного ансамбля. Только минут двадцать спустя объявили, что президент сегодня выступать не будет, а вслед за этим по телетайпам поступило указание: текст его выступления, переданного в предварительном порядке, аннулируется.

В 21 час в выпуске известий было зачитано последнее

официальное заявление Яхья-хана, принявшего предложение о прекращении огня на всех фронтах.

Антисоветская пропаганда в прессе нарастала по мере развития событий. Кроме того, с первого дня войны начались и «демонстрации» у нашего посольства. Из-за дальности расстояния участников этих организованных сборищ три дня подряд привозили и увозили на автобусах. Кульминации антисоветская деятельность достигла во время эвакуации из охваченного пламенем войны Пакистана детей и жен большой группы советских специалистов.

12 декабря в столичном аэропорту Чаклала правыми силами была организована разнузданная провокация, к участию в которой было привлечено несколько тысяч человек. Прибывшие в аэропорт советские люди при полном попустительстве полиции оказались брошенными в толпу, искусственно доведенную до неистовства. Контакт аэродрома с городом оказался прерванным: отсюда невозможно было связаться ни с властями, ни с посольством.

Три с лишним часа продолжалось буйство. Толпа была пропущена на летное поле, незаконный выход на которое в обычное время карается штрафом в 500 рупий. Распоясавшиеся молодчики окружили прибывшие самолеты, стремясь сорвать посадку. Отдельные типы пытались повредить «ИЛ-18». Автобусы и автомобили с нашими людьми оказались заблокированными.

Можно с уверенностью сказать, что трагедии не произошло лишь потому, что провокация была встречена всеми членами советской колонии во главе с послом А. А. Родионовым с хладнокровием, спокойствием и мужеством, хотя несколько человек получили травмы и были повреждены три автомашины.

О предполагаемом отъезде советских людей с указанием времени заранее оповестила пресса. По улицам проносились джипы с усилителями, через которые выкрикивались призывы «проводить русских».

Дирижеры, руководившие вакханалией, прятались за спинами. Среди них были шефы местных отделений реакционных партий. Руководители аэропорта убрали от самолетов трапы. Посадку пришлось проводить, пользуясь аварийными стремянками. Этот момент фиксировали на кинопленку представители местного телевиде-

ния, к которым присоединились и корреспонденты ряда западных компаний. Рулежные дорожки были перекрыты специально подогнанными полицейскими грузовиками.

Нельзя не сказать и о том, что в аэропорту мы вновь увидели два Пакистана. Люди, случайно оказавшиеся там, открыто осуждали безобразие, устроенное их соотечественниками, охваченными шовинистическим угаром.

Гнусная демонстрация началась и окончилась точно по расписанию. Как только посадка завершилась, ее участники были развезены или разошлись по домам.

Посольство СССР заявило властям Пакистана решительный протест по поводу бесчинств в аэропорту. Официальные лица приносили извинения, всячески стремились смягчить происшедшее и пытались отрицать, что провокация была заранее и тщательно подготовлена, хотя в условиях чрезвычайного положения подобный шаг был просто невыносим без санкции властей.

Нас беспокоило, что на следующий день четыре самолета должны были улететь из Карачи. Однако, к счастью, там эвакуация прошла в полном порядке. Зато через три дня толпа хулиганов напала сначала на «Дом дружбы» Советско-пакистанского общества культурных связей. Разгромив первый этаж, толпа отправилась в один из переулков и учинила разбой в здании АПН. Было изуродовано шесть автомобилей, разбиты окна и кондиционеры.

Полиция отвечала на все телефонные звонки, внимательно выслушивала, что происходит, а после этого дежурный говорил: «Вы ошиблись номером» — и бросал трубку. Стражи порядка прибыли через полтора часа после ухода хулиганов.

В следующие дни в Карачи были разгромлены агентство Аэрофлота и выставочный зал машинного оборудования. На этот раз полицейские стояли рядом и спокойно наблюдали, как несколько громил били огромные зеркальные стекла витрин. Один из наших дипломатов подошел к полисмену и, представившись, спросил, почему полиция бездействует.

— Власть меняется, — ответил полисмен, взяв под козырек. — Я, право, не знаю, что делать. Нас самих могут избить в любой момент.

Пакистан оказался во власти слухов. В столице пого-

варивали, что Яхья-хан находится под арестом. В разных городах начались демонстрации с требованием его немедленной отставки. Недавний кумир реакции был безжалостно сброшен с пьедестала. Нурул Амин потребовал от него создания «национального» правительства вместо «коалиционного» и обвинил в проведении политики, которая привела Пакистан к военному поражению.

Экс-маршал авиации Асгар-хан публично заявил о необходимости предания президента и его ближайших советников суду военного трибунала и просил командующего ВВС Рахим-хана ни в коем случае не предоставлять Яхья-хану самолета, чтобы он не сбежал из страны. Демонстранты в Пешаваре тем временем разгромили, разграбили и сожгли дом, принадлежащий Яхья-хану.

Ждали прибытия З. А. Бхутто. Самолет приземлился утром 20 декабря. Десятитысячная толпа встретила его на аэродроме, ожидая выступления. Приехал и посол США Джозеф Фарланд. Однако З. А. Бхутто сразу сел в машину и уехал в президентский дворец.

Толпа бросилась в город. На этот раз настала очередь Равалпинди и Исламабада. Уже в полдень у кинотеатра «Мелодия» в центре столицы я наблюдал, как разлетались витрины и разгорались костры на площадях.

В 14 часов председатель Партии пакистанского народа и вице-премьер Зульфикар Али Бхутто принял присягу, став президентом Пакистана и одновременно главой военной администрации. Это означало, что в стране продолжается действие чрезвычайных военных законов.

Настал час Партии пакистанского народа. Вечером страна слушала первое выступление ее лидера по радио уже в качестве президента.

В своем обращении к народу З. А. Бхутто подчеркнул, что он говорит с ним в решающий момент истории Пакистана, когда страна переживает самый тяжелый кризис. «Нам предстоит создать новый Пакистан, процветающий и прогрессивный, который должен возродиться как могучее и великое государство,— сказал он.— В нем должна быть восстановлена демократия, а все институты, связанные с ушедшей из жизни диктатурой, уничтожены и заменены новыми».

Значительную часть своей речи З. А. Бхутто посвя-

тил внутренним проблемам, заявив, что вся социально-экономическая система нуждается в коренной перестройке. Программа, которую он изложил, предусматривала проведение назревшей земельной реформы, оздоровление валютной системы, защиту прав рабочих.

З. А. Бхутто объявил о немедленной отставке шести генералов во главе с Яхья-ханом (впоследствии этот список значительно расширился) и намерении сформировать кабинет, который будет функционировать до тех пор, пока народ не одобрит конституцию.

Касаясь международных отношений, президент провозгласил независимую внешнюю политику, проводимую исключительно в интересах Пакистана. «Мы хотим добрых отношений со всеми странами и хороших отношений со всеми великими державами. Мы хотим, чтобы наша внешняя политика была позитивной и конструктивной», — сказал он. Президент заявил также о своей решимости сохранить единство Пакистана.

С первого часа деятельность З. А. Бхутто была динамичной, и корреспондентам уже не приходилось жаловаться на отсутствие новостей.

Был сформирован кабинет, новые лица назначены губернаторами четырех провинций, произведены перемещения в армии. Представителям «22 семейств» было предъявлено требование до 15 января вернуть в страну капиталы, хранящиеся в иностранных банках. В этой связи было аннулировано 600 заграничных паспортов, а двое из наиболее крупных магнатов — Ахмад Давуд и Ф. Валибхай — взяты под домашний арест. Объявлено о введении государственного контроля над крупнейшими предприятиями в 10 ведущих отраслях промышленности. Создана комиссия по расследованию военных и политических причин поражения. Генерал Яхья-хан был взят под домашний арест и отправлен в гарнизон Аботабада.

Нельзя сказать, что все эти меры проходили гладко. Назначение Раисани губернатором Белуджистана вызвало волнения в Кветте, которые привели к человеческим жертвам. В промышленных районах Карачи рабочие на несколько дней блокировали 16 крупнейших предприятий, чтобы добиться немедленного удовлетворения ряда своих требований. Начались массовые голодовки и побег из тюрем.

Во всяком случае, З. А. Бхутто стал проводить энергичную внутреннюю политику. Одной из главных задач, если не самой главной, З. А. Бхутто считал сохранение связей с бывшим Восточным Пакистаном. Для этого он назначил Нурул Амина вице-президентом и ввел в состав кабинета в качестве министра по делам национальных меньшинств еще одного представителя восточной провинции — Р. Т. Роя. И наконец, 27 декабря З. А. Бхутто начал переговоры с признанным лидером бенгальского народа Муджибур Рахманом.

Начиная с 1948 г. этот мужественный человек и стойкий борец за права своего народа арестовывался восемь раз и около 10 лет пробыл в тюрьмах. Последний раз он провел в камере девять месяцев и был переведен под домашний арест только после прихода к власти З. А. Бхутто.

Прогрессивная общественность всего мира требовала освобождения Муджибур Рахмана, и З. А. Бхутто принял важное решение — предоставить ему свободу без всяких предварительных условий, о чем объявил 3 января 1972 г. в Карачи на многотысячном митинге в Ништар-парке. Народ встретил эту весть с ликованием.

Через несколько дней, в течение которых переговоры продолжались, Муджибур Рахман глубокой ночью вылетел в Лоплов, а оттуда в Дакку.

Наступила пора окончательно отрешиться от иллюзий и взглянуть фактам в глаза. В Южной Азии в результате длительной национально-освободительной борьбы ценой жертв и страданий создано новое суверенное государство Народная Республика Бангладеш.

Несмотря на то что на политической карте Южной Азии произошли важные изменения, Пакистан остался одной из крупнейших стран на этом субконтиненте, многонациональным государством, которому предстояло решить немало актуальных социально-экономических и политических проблем. От этого в полной мере зависело создание процветающего, демократического Пакистана, о котором говорил президент. И нужна была добрая воля, чтобы все страны продолжали развивать с Пакистаном добрые отношения и тесное сотрудничество как с равноправным партнером.

ВЧЕРАШНЕЕ КНЯЖЕСТВО

Шоссе прямой лентой пересекает долину, свернувшись в крутую спираль взбирается в горы у Малаканда, а дальше петляет к вершинам Гиндукуша, повторяя капризные изгибы горной реки Сват.

Ели-великаны постепенно спускались со склонов к пенистым потокам. Кристальные родники и звенящие водопады стремились в ущелья. Их путь начинался под снежными шапками, венчающими каменные громады. Каждый поворот дороги открывал новый чарующий пейзаж, а свежий, прохладный ветер, по которому так тоскуешь в знойной долине, доносил запахи хвои, меда и незнакомых цветов.

Незадолго до этой поездки правительство Пакистана включило три пограничных княжества — Сват, Дир и Читрал — в Северо-Западную пограничную провинцию. Теперь они не были игрушечными государствами в государстве, где правителям принадлежала фактически неограниченная власть над людьми и их имуществом. Был ликвидирован еще один из анахронизмов, оставленных Пакистану в наследство колонизаторами.

Знакомый чиновник из министерства информации м-р Дин дал мне несколько ценных советов и буклетик со схемой дорог, «чтобы не путать повороты».

— Если хотите увидеть Сват, — напутствовал он, — поезжайте как можно дальше на север.

На следующее утро мы с приятелем были на трехкилометровой высоте в местечке Калам и остановились у незримого на этот раз шлагбаума. Дальше узкая гра-

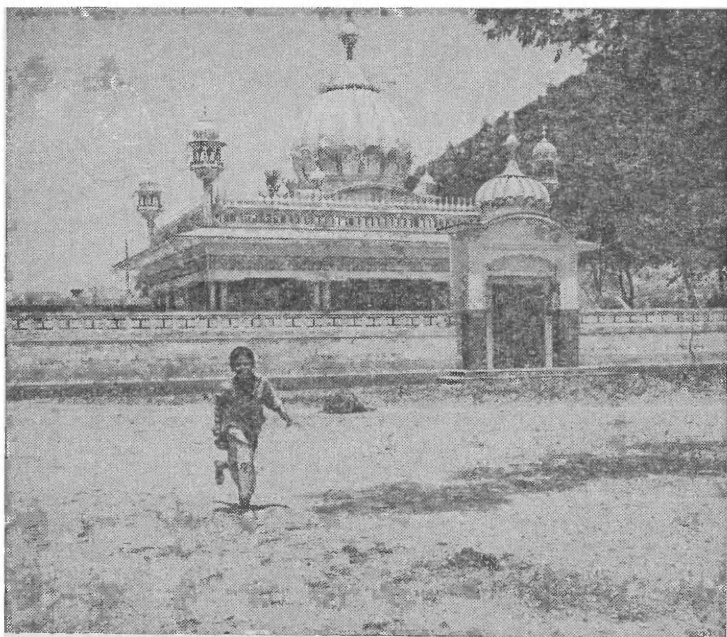

Бывший пограничный столб

вийная дорога превращалась в тропу, которую обступили пики высотой от 7 до 8 км. От советской территории нас отделяло теперь не более 150 км, но впереди поднялась неприступная стена Гиндукуша.

Княжество Сват существовало всего 52 года. В конце прошлого века англичане начали создавать у северных рубежей бывшей Британской Индии цепь буферных территорий. Целью их политики, направленной вначале против влияния царской России, а затем Октябрьской революции, была полная изоляция этого труднодоступного района от остального мира и сохранение в нем средневековых отношений. Одной из таких территорий и стало княжество в долине реки Сват. Образовалось оно на землях племени юсуфзай в 1917 г.

Джаханзеб, правитель (вали) Свата, лишившийся власти 28 июля 1969 г., специально запутал все государственные и финансовые дела княжества и отбыл в

Мавзолей в Сайду-Шарифе

Англию. Вслед за правителем покинули Сват его родственники, советники и прихлебатели, увозя с собой все, что удалось нахватать.

До сих пор в Свате можно услышать десятки историй о беспринципности и капризах бывших правителей, о произволе тайной полиции, о взяточничестве и о том, как ловкие дельцы, приехавшие под крылышко вали с одним чемоданом, за короткий срок становились миллионерами, захватив выгодные концессии или запустив лапу в карман самого правителя.

Бывшую резиденцию правителей Сайду-Шариф и соседний городок Мингору связывает обыкновенная улица. В окружении одноэтажных жилых кварталов «столицы» высятся несколько дворцов и мечетей. Просторно раскинулись казармы, отель в викторианском стиле, колледж и музей. Вот, пожалуй, и все, что можно ска-

зять о Сайду-Шарифе. Мингора, в отличие от него, тесный и шумный центр торговли и бизнеса.

Наиболее яркой иллюстрацией нравов, царивших здесь до недавнего времени, была мингорская трагедия, о которой следует рассказать.

В 1958 г. в окрестностях Мингоры была открыта одна из крупнейших в мире изумрудных россыпей. Правда, и задолго до этого местные жители находили время от времени в долине камни, горящие зеленым огнем, и сбывали их ювелирам Пешавара. Один из наиболее пронырливых дельцов, понимавших толк в камнях, по имени Ризауддин, надев лохмотья дервиша, отправился в Сват. Рыская по горам, он выследил добытчиков камней, а вскоре арендовал участок, купив у местных властей лицензию на «добычу мрамора».

В то же время за Ризаудином следило немало завистливых глаз, а вскоре протянулось столько же жадных рук. Первым, как и следовало ожидать, был сам Джанханzeb. Разоренный до нитки, Ризауддин сошел с ума.

Дело было поставлено на широкую ногу. Изумруды чистой воды, стоимость которых от 10 тыс. до 100 тыс. рупий за карат, стали предметом спекуляции и контрабанды. Никто не может сказать, сколько их уплыло за пределы княжества, а затем Пакистана. Однажды стало известно, что иногда камни находили в могилах. Так как по мусульманским обычаям закрыть или перенести кладбище, особенно на землях племен, невозможно, то могилы разрешалось копать только в присутствии двух лиц из частной полиции владельцев копий.

Тем временем шахты работали, давая миллионные прибыли. Даже промытая порода из отвалов продавалась окрестным жителям по 8 рупий за мешок. Люди покупали ее, а потом целыми семьями растирали пальцами каждый комочек, надеясь при тщательной вторичной проверке найти хотя бы осколки изумрудов. Однако мало кому удавалось вытянуть счастливый билет в этой почти безнадежной лотерее. В феврале 1970 г. сотни обманувшихся в ожиданиях людей пришли к шахте и потребовали вернуть деньги. Наемная охрана открыла по ним огонь. Погибли десятки бедняков, среди которых были не только ловцы «изумрудной пыли». Многие не имели никакого отношения к поискам драгоценных камней, а пришли искать работу.

Трагедия произошла уже после ликвидации княжества. Она означала, что ничего в сущности не изменилось. Дело закончилось затянувшимся бесплодным расследованием. Ни один из контракторов — прямых виновников убийства — не был привлечен к суду.

Не случайно одним из первых шагов, сделанных новым правительством Пакистана, сменившим военную хунту Яхья-хана, была национализация изумрудных копий, переданных в государственный сектор.

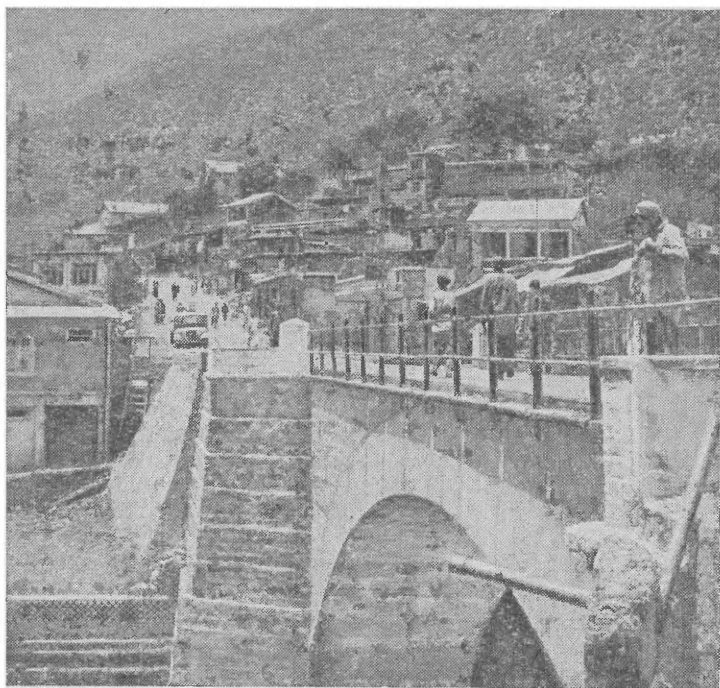
Утром нас разбудил шум горного потока, бегущего под самыми окнами. Мы вспомнили весь путь с момента, когда машина миновала дорожный щит с надписью «Сват», где до недавних пор взималась пошлина за все провозимые товары.

Фасадами повернуты к шоссе чистенькие здания школ, госпиталей и полицейских постов. Все они крыты красной черепицей и окрашены в желтый цвет. Наш друг Аслам Эффенди назвал эти дома удачной декорацией, установленной бывшим вали, чтобы поразить воображение туристов, которых влечет сюда прохлада и сказочная природа. Ничего похожего нет в бедных селениях, находящихся в стороне от главной магистрали.

Накануне мы проехали до селения Бахрейн, где бурные потоки Ушу и Даран, соединившись, рождают реку Сват, миновали и другие пункты со странными, явно заимствованными названиями. Среди них были Лакхор, Чайна и даже... Телеграм.

Навстречу нам проносились всадники на быстрых, ухоженных лошадях, брели обросшие хиппи, направляясь к полям опийного мака в бывшее княжество Читрал, где можно дешево купить наркотики. Неторопливо двигались по шоссе небольшие стада, спешащие из долин к пышным альпийским лугам. Мальчишки с пастушьими хлыстами отгоняли их к обочине, чтобы пропустить роскошные лимузины с туристами.

Время от времени шоссе превращается в торговые улицы селений, где пестрая толпа образует живописный фон, хотя в маленьких бедных лавочках местного рынка представлен довольно скудный ассортимент местного натурального хозяйства, в том числе полосатые домотканые материи. Исключение составляют штабеля аккуратно распиленных смолистых балок, напоминающих бруски сливочного масла. Строительный лес, который

Горное селение Мадьян

очень дорог в Пакистане, — главное богатство Свата. Славится Сват и диким медом, исключительным по аромату и вкусу.

Дорогой отель «Горный вид» в Мадьяне, принадлежащий англичанину Гейли, почти всегда полон. В его вестибюлях и барах можно услышать любой европейский язык. Отдохнуть от цивилизации сюда приезжают управляющие всемирно известных фирм, богатые дамы с собачками и веселые молодые бездельники. Каждый год появляется в этих краях итальянский винный король Франческо Чинзано. Его хобби — охота на горных козлов с «мраморными» рогами.

Комнаты для нас не нашлось. Мы проехали несколько километров и устроились в гостинице, принадлежащей пакистанцу. Она оказалась не дешевле, но была

почти пуста. На вопрос, почему так, старый портье сказал, что здесь не подают ликеров, подразумевая крепкие напитки. Мы были чуть ли не единственными постояльцами, поэтому нам оказывалось чрезвычайное внимание.

Здесь мы познакомились с официантом Абдур Рахманом, в прошлом великолепным спортсменом — боксером и футболистом. Он возвратился на родину и вынужден служить в полупустующем отеле за мизерную плату. Работу здесь найти очень трудно.

В Сайду-Шарифе нас встретил хранитель музея профессор Инаят-ур-Рахман и был очень обрадован. Он только что получил из Ленинграда отзыв о своей работе «Народные предания Свата» советского востоковеда Орловского. С волнением и огромным вниманием он выслушал перевод исключительно благожелательной рецензии коллеги.

В развалинах древних монастырей профессору удалось собрать одну из лучших в стране коллекций древних скульптур. Часть буддийских каменных изваяний, высеченных из голубоватого сланца, стояла на открытом дворике. Они обнаружены совсем недавно жителями одной деревушки и привезены сюда.

Инаят-ур-Рахман вежливо просит не фотографировать их. Находки уникальны, и право первой публикации снимков принадлежит музею.

О прошлом и настоящем Свата мы беседовали с бизнесменами Асламом Эффенди и Камраном. Они с огорчением рассказывали, что после присоединения бывшего княжества к Пакистану жизнь простого народа изменилась мало. Бывшие владельцы сохранили за собой лучшие земли и по-прежнему обирают арендаторов. Новой администрации очень сложно преодолеть многие пережитки, имеющие глубокие корни.

Однажды, просматривая журнал «Геральд», я увидел материал, имеющий прямое отношение к Сайду-Шарифу. Корреспондент журнала беседовал с одной из лахорских гетер по имени Шагí. Интервью с ней было опубликовано под броским заголовком: «Моя жизнь окончилась в пять лет» — и пояснением: «История покищенной в Сайду-Шарифе». Опуская подробности, я хотел бы привести два отрывка из этого интервью, рисующие нравы Свата.

Девушка из Свата

...Родилась я в маленькой деревне княжества Сват, неподалеку от Сайду-Шарифа, и была младшей в семье из шести человек. Отец работал официантом в придорожной чайной, где на пути в город останавливались ненадолго водители грузовиков или случайные путешественники. Отец никогда не брал детей в свою чайную, но однажды совершил ошибку, поехав в гости к своей замужней сестре с моей старшей сестрой Лаларух.

— Что же произошло с ней?

— А то, что больше мы ее не увидели. Я и сегодня не знаю, жива ли она. Только потом окольными путями дошел до нас слух, будто бы отец продал ее за 300 рупий торговцу фруктами из Пешавара.

Шагí произнесла это без всяких эмоций, словно говорила о неоплаченном счете, который лежал перед ней на низком столике.

— Быть может, полиции известно, что с ней случилось? — заметил журналист, берущий интервью.

— Полиция! Не смешите меня. Половину времени они тратят на то, чтобы еще больше запутать подобные сделки... Кое-кто, конечно, высказывал мысль, что, если человек так легко мог расстаться с одной из дочерей, он может проделать это снова. Но я никак не могла подумать, что нечто подобное может произойти со мной.

Однажды, когда я стояла в стороне от нашей маленькой деревянной хижины, ко мне подошел какой-то незнакомец и дал горсть сладостей. Я была очень напугана и убежала в дом. На третий день незнакомец пришел еще с одним человеком, который говорил на диалекте нашей деревни. Оба подозрительно оглядывались, будто им грозила опасность. Один из них сказал, что мой отец попал в беду: возле чайной его сбила машина. А их он просил, чтобы пришел кто-нибудь из детей и побыл с ним, пока он не сможет добраться до дома. Это была глупая выдумка. Но мне было только пять лет. Прежде чем я успела подумать, что может случиться, я была уже на пути к чайной с полной горстью мокрых сладостей в руке, которые время от времени заталкивала в рот.

Итак, я никогда не увидела чайной. Когда мы были на полпути к ней, один из моих спутников вытащил огромный нож и спросил, знаю ли я, что это такое. С ужасом я ответила, что знаю.

— Так вот,— заявил он,— если ты попытаешься закричать или убежать, я разрежу тебя на мелкие кусочки и брошу шакалам.

Вы можете представить, какой страх я испытала. Словно окаменев, я не могла ни шевельнуться, ни произнести слова. Затем внезапно я почувствовала сонливость. Помню только, что кто-то поднял меня и я сразу погрузилась в глубокий сон...

Далее следовал подробный рассказ о печальной судьбе похищенной девочки, о всех унижениях, через которые пришлось ей пройти.

...Мы покидали земли вчерашнего княжества. Все шире становится ложе долины, где обработан каждый клочок земли. Отступают к горизонту вершины с развалинами древних буддийских монастырей на уступах, оживленнее становится шоссе, ведущее к цивилизации.

ПОД ФЛАГОМ НАДЕЖДЫ

Неполные три месяца, разделяющие два Новых года по григорианскому календарю и хиджре, принесли большие перемены и одновременно выдвинули много проблем. Гражданское правительство получило от военной диктатуры тяжелое наследство. Пришло время распутать или разрубить не один сложный узел.

Выяснилось, что Яхья-хан вовсе не собирался отдавать власть. В крайнем случае одна военная хунта была бы замежена другой. Он даже отдал приказ об аресте З. А. Бхутто, когда тот возвращался из Нью-Йорка. Как писала газета «Сан», его спас случай. Рассчитывая, что З. А. Бхутто полетит через Кабул, Яхья-хан распорядился арестовать его во время посадки самолета в Пешаваре, а будущий президент воспользовался другим рейсом и прилетел прямо в Равалпинди. Факт намечавшегося ареста З. А. Бхутто подтвердил и Махмуд Али Касури, бывший в то время министром юстиции.

Подходили к концу первые 100 дней президентства Зульфикара Али Бхутто.

Демократизация страны стала общим требованием. Народ устал верить обещаниям и не хотел ждать.

В деревнях участились случаи захвата помещичьих земель, особенно тех, чьи владельцы перекочевали в город. Около 200 вооруженных крестьян захватили крупную ферму в районе Хайдарабада.

— Это наша земля, если верить президенту Бхутто,— заявили они после стычки с полицией,— и мы ни в коем случае не собираемся ее отдавать.

Слова «герао» и «джелао» встречались на страницах почти каждого газетного номера. Первое означает «окружение», или «блокада», второе — «поджог». Ра-

бочие не выпускали администраторов с территории фабрик до тех пор, пока их требования не принимались. В конце января запылала текстильная фабрика Гуль Ахмада в Карачи. Убыток от пожара составил около 10 млн. рупий. Это лишь один из примеров «джелао».

Страсти продолжали бушевать. Народ ждал ответа на самые острые вопросы, волнующие, как выразилась одна из газет, «потрясенную, изумленную и парализованную нацию». Нередко случалось, что при тонком и умелом подстрекательстве экстремистских элементов забастовки, митинги и собрания заканчивались столкновениями, когда масса людей превращалась в неуправляемую толпу, охваченную страстью к разрушению. Наиболее реакционным силам выгодно было использовать любой повод, чтобы подменить борьбу за сплоченность и справедливость раздорами, смутой, бессмысленным уничтожением ценностей.

Зульфикар Али Бхутто всеми силами пытался передать стране свой динамизм, избавить ее от устоявшейся веками «восточной задумчивости», которая, по его словам, пригодна для поэтов, а не для администраторов.

З. А. Бхутто отказывается от президентского жалованья, требует от министров, чтобы они не менее 15 дней в месяц проводили в поездках по стране, сам совершает многочисленные визиты в соседние страны, демонстрируя новый для Пакистана стиль дипломатии. 16—18 марта состоялся официальный визит президента Пакистана в Советский Союз.

Самыми уравновешенными в сложившейся обстановке оказались экономисты. Они хладнокровно подсчитывали возможности увеличения экспорта, платежный баланс, валютные и сырьевые ресурсы в масштабах реально существующего Пакистана, не строя никаких воздушных замков.

В ведущих газетах появилось немало смелых статей с конкретным анализом событий и здоровой оценкой ситуации, сложившейся в результате самого глубокого кризиса в истории страны.

Как было подсчитано, только в торговле между бывшими «крыльями» Западный Пакистан имел активное сальдо 50 млн. долл. в год. Теперь нужно было искать новые рынки для сбыта пакистанских товаров, особенно хлопка, и возможности импорта предметов первой не-

обходимости, привозимых прежде из Восточного Пакистана.

В бурные мартовские дни 1972 г. заканчивался срок моей командировки, и я готовился к отъезду в Москву. За несколько дней, ушедших на сборы и прощальные визиты, мне пришлось мысленно пережить все годы, проведенные в Пакистане, повторить самые интересные поездки, вспомнить наиболее значительные встречи. Первый репортаж, переданный мной в редакцию в июле 1968 г., назывался «Флаг надежды». Время показало, что многим добрым намерениям, которыми жила в то время страна, не суждено было осуществиться: Пакистан прошел через трудные испытания, но покидал я его под тем же флагом надежды. Страна вступила в полосу реформ, она начинала новую жизнь.

Теперь, в мае 1973 г., когда пишутся эти строки, мы можем отметить многие позитивные сдвиги во внешней и внутренней политике Пакистана, не умаляя трудностей, которые еще не удалось преодолеть.

Последним при мне крупным мероприятием пакистанского правительства было объявление долгожданной земельной реформы. Газетные аншлаги провозгласили ее принципы: «Передача помещичьей земли крестьянам без компенсации», «Предел владения: 150 акров орошаемой и 300 акров богарной земли». Она исключала возможность распределения излишков между родственниками, как это случалось прежде. Но было ясно, что для проведения реформы в жизнь необходимо преодолеть яростное сопротивление помещиков.

Время показало, что реформа осуществляется медленно: в апреле 1973 г. министр и председатель федеральной земельной комиссии Г. М. Джатой смог заявить на пресс-конференции, что за истекший год бесплатно получили наделы всего 1018 крестьянских семей, а в фонд излишков поступил 592 851 акр земли. Ранее сообщалось, что президент передал безземельным крестьянам в местечке Наолеро под Ларканой 325 акров земли, принадлежавшей семье Бхутто. Остается напомнить, что, по прогнозам «Пакистан таймс», фонд перераспределения должен был составить 3 млн. акров, что позволило бы на первом этапе обеспечить наделами по 10 акров 300 тыс. землевладельцев. (По данным той же газеты, в стране 1900 тыс. полностью безземельных

крестьян, а 700 тыс. семей влачат жалкое существование на одном акре.)

Были приняты меры для улучшения положения трудящихся промышленных предприятий. Запрещались незаконные увольнения. Владельцев заводов и фабрик правительство обязывало привлекать рабочих к некоторому участию в управлении предприятиями и прибылях, ежегодно выплачивать им 13-ю заработную плату, взять на себя расходы по медицинскому обслуживанию всего персонала и обучению одного ребенка из семьи до получения им высшего образования.

Однако в условиях, когда 82 процента предприятий сосредоточены в частном секторе, проведение этих мер очень затруднено, о чем свидетельствуют непрекращающиеся вспышки забастовок.

Не удалось заставить и «22 семейства» вернуть в страну капиталы, вывезенные за границу. Президенту пришлось пойти на уступки и отказаться от надежды вернуть 500 млн. долл. Министр финансов Мубашир Хасан с горечью констатировал, что крупнейшими капиталистами заявлено всего 234,5 млн. рупий, из них возвращено в страну 50 млн. рупий. Это — капля в море, если учесть, что в мае 1972 г. была проведена девальвация рупии на 131 процент по отношению к доллару.

Реформа в области образования предусматривала введение обязательного всеобщего пятилетнего обучения (с 1979 г. — для мальчиков и с 1984 г. — для девочек), отмену с конца 1972 г. платы за обучение, национализацию в двухлетний срок всех частных школ без выплаты компенсации владельцам. Подчеркивалось, что стране необходимо массовое профессионально-техническое обучение для детей и взрослых и отказ от системы высшего образования, унаследованной от англичан.

Недавно появились сообщения, что только в округе Хайдарабада национализировано 400 частных мусульманских школ, а в стране завершена национализация половины частных учебных заведений, в Синде создается 1 тыс. пунктов ликвидации неграмотности среди взрослых, на которых будет обучаться 400 тыс. человек. Вместе с тем пресса отмечала, что сроки реформы оказались растянутыми из-за недостатка средств. Это становится понятным, когда узнаешь, что только в Карачи

за стенами школы оставалось до недавнего времени почти 400 тыс. детей.

Широко отмечая первую годовщину гражданского правительства, газета «Морнинг ньюс» назвала это время «великим началом светлого будущего». Однако, несмотря на оптимистические прогнозы, пресса в своих обзорах не могла обойти и многих теневых сторон.

В апреле 1972 г. З. А. Бхутто отменил военное положение и ввел в действие временную конституцию. Бурная полемика по вопросу о постоянной конституции продолжалась несколько месяцев. Оппозиция из 38 депутатов Национальной ассамблеи оспаривала 14 из 280 статей, содержащихся в представленном на обсуждение проекте, что не раз приводило к драматическим ситуациям. В конце марта 1973 г. в Равалпинди, например, произошло столкновение между участниками митинга в поддержку требований оппозиции и полицией. Его печальным итогом было 10 убитых и 75 раненых.

В апреле 1973 г. компромисс был наконец достигнут и конституция Исламской Республики Пакистан, которая вступила в действие 14 августа 1973 г., утверждена.

Летом 1972 г. в Синде вспыхнули волнения. Влиятельные круги требовали введения языка синдхи на всей территории провинции как официального, не считаясь с тем, что им владеет менее половины населения, не говоря о Карачи, ставшем в масштабах страны Вавилоном, где звучат многие языки. Жертвами волнений стали около 100 человек, пока власти не обнародовали решение: в ближайшие 12 лет не прибегать к дискриминации работников из-за незнания ими синдхи или урду.

Девальвация вызвала резкий рост цен на товары первой необходимости: за год индекс стоимости жизни в городах возрос на 12,5 процента, а цены на продукты питания — на 23 процента. Вместе с тем Пакистану удалось значительно увеличить экспорт и стать одним из крупнейших поставщиков хлопка на мировой рынок. По оценкам иностранных экономистов, в настоящее время превзойден уровень общего экспорта в масштабах страны до завоевания независимости Бангладеш.

Важным шагом в направлении разрядки международной напряженности в этом районе мира стало сог-

лашение между Пакистаном и Индией, достигнутое 2 июля 1972 г. в Симле. Руководители двух стран, на границах которых не раз вспыхивали вооруженные конфликты, пришли к единственно правильному выводу: для выполнения задач, стоящих перед обеими странами, жизненно необходим прочный мир, решительный отказ от политики конфронтации. Это было подтверждено документом, подписанным от имени своих стран премьер-министром Индии Индирой Ганди и президентом Пакистана З. А. Бхутто. Основное значение «Соглашения о двусторонних отношениях между Индией и Пакистаном» в том, что оба правительства выразили решимость положить конец конфликтам и заявили о стремлении к установлению дружественных и гармоничных отношений, к обеспечению длительного мира на субконтиненте, с тем чтобы обе страны могли отныне направить свои ресурсы и энергию на достижение главной цели — повышение благосостояния своих народов.

Пункты соглашения предусматривают урегулирование любых разногласий мирными средствами, взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, невмешательство во внутренние дела друг друга. Не меньшее значение имеют обязательства воздерживаться от угрозы или использования силы, препятствовать враждебной пропаганде и поощрять распространение любой информации, которая будет способствовать установлению дружеских отношений.

Конкретным следствием реализации соглашения был взаимный отвод войск Индии и Пакистана за линию государственной границы на протяжении 1200 км и определение линии контроля в Джамму и Кашмире, осуществленное в декабре 1972 г. после переговоров между начальниками штабов двух стран, в ходе которых пришлось преодолеть немало трудностей. Затем был произведен обмен группами военнопленных и гражданскими лицами, интернированными в ходе конфликта.

Намерение открыть новую страницу в истории отношений двух стран было высоко оценено всей миролюбивой общественностью. Как и следовало ожидать, оно не устраивало лишь реакционные круги Индии и Пакистана, делавших ставку на продолжение конфронтации.

В ноябре 1972 г. Пакистан официально заявил о вы-

ходе из агрессивного блока СЕАТО, в который страна была вовлечена с момента его основания. Участие в этой военно-политической группировке долгие годы вызывало протесты всей прогрессивной пакистанской общественности. О новых веяниях во внешней политике Пакистана говорят и такие важные акции, как дипломатическое признание им Демократической Республики Вьетнам, Германской Демократической Республики и повышение до уровня посольств отношений с Корейской Народно-Демократической Республикой. Все это свидетельствует о том, что правительство Пакистана реалистически оценивает ситуацию, сложившуюся в мире, и избирает курс, отвечающий национальным интересам его народов.

События 1972 г. показали, что постепенно, шаг за шагом для этого создаются обнадеживающие перспективы, хотя существует еще немало трудностей и барьеров, которые предстоит преодолеть. Главной из нерешенных проблем остается пока вопрос о признании Пакистаном Народной Республики Бангладеш. Всеобщие выборы, проведенные в молодом государстве в марте 1973 г., наглядно продемонстрировали, что позиции Шейха Муджибур Рахмана и возглавляемого им правительства прочны, а политика партии «Авами лиг» одобряется подавляющим большинством народа страны. Установление нормальных отношений между государствами субконтинента — Пакистаном, Бангладеш и Индией — явилось бы важным вкладом в налаживании прочного мира и сотрудничества в Южной Азии.

Советский Союз всегда был и остается искренним другом народов субконтинента Южной Азии и проводит в отношении Пакистана последовательную дружественную политику. Как отмечалось в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик», для развития добрых отношений нашей страны с Пакистаном существуют хорошие перспективы.

1 мая 1973 г. общественность СССР и Пакистана отмечала 25-летие со дня установления между этими странами дипломатических отношений. Характеризуя этот период, пресса писала о быстром развитии взаимовыгодной торговли, расширении контактов в области науки, культуры, совпадении или близости точек зрения

на многие актуальные международные проблемы современности.

Совсем недавно в Исламабаде подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между СССР и Пакистаном, которое предусматривает помощь Советского Союза в сооружении крупного металлургического завода в Карачи, теплоэлектростанции Гуду, в расширении геологоразведочных работ. Такова реальная и действенная помощь развивающейся стране со стороны Советского Союза, открывающая новые горизонты равноправного и взаимовыгодного сотрудничества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗА ГИМАЛАЯМИ	3
МЕЖДУ ПУСТЫНЕЙ И ОКЕАНОМ	12
ЗЕРКАЛО ДЕКАРАМЫ (АВГУСТ — ОКТЯБРЬ 1968)	33
СПОР СТОЛИЦ	43
ЗАДУМЧИВЫЕ УЛЫБКИ ТАКСИЛЫ	60
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦИКЛОНЫ (НОЯБРЬ 1968 — МАРТ 1969)	71
ПАРТИИ И ЛИДЕРЫ (АВГУСТ 1969 — ФЕВРАЛЬ 1970)	80
СВИДАНИЕ С МИСС МОХЕНДЖО-ДАРО	87
ЛАХОР: ПАМЯТНИКИ И ЛЕГЕНДЫ	102
СЕРДЦЕ ПЯТИ РЕК	117
СИМВОЛЫ И СИМПТОМЫ (МАРТ — ОКТЯБРЬ 1970)	132
ШИРОКИЕ ПЛЕЧИ ИНДА	143
ЛИЦО, МЕЛЬКНУВШЕЕ В ТУМАНЕ	158
«ЛОДКА» И «САБЛЯ» (НОЯБРЬ 1970 — ЯНВАРЬ 1971)	167
ГОРОД СВЯТЫХ И НИЩИХ	176
ТРАДИЦИИ И АНАХРОНИЗМЫ	190
РАЗОРВАННАЯ СТРУНА (30 ЯНВАРЯ — 26 МАРТА 1971)	198
ПУТЬ НА СЕВЕР	204
АКТЫ ТРАГЕДИИ (АПРЕЛЬ — ОКТЯБРЬ 1971)	221
ВОСТОЧНЕЕ «ЛИНИИ ДЮРАНДА»	234
БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ	242
ВЧЕРАШНЕЕ КНЯЖЕСТВО	254
ПОД ФЛАГОМ НАДЕЖДЫ	264

Владимир Николаевич Накаряков

СЕМИДЕСЯТЫЙ МЕРИДИАН Пакистанские очерки и репортажи

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *В. Н. Кюзаджян*
Младший редактор *И. В. Бушуева*
Художник *А. К. Озеревская*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректоры *Р. А. Каликштейн* и *А. В. Шандер*

Сдано в набор 20/IX-1973 г. Подписано к печати 17/II-1975 г.
А-09422. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 2. Печ. л. 8,5+0,25 вкл. Усл. печ.
л. 14,7. Уч.-изд. л. 13,92. Тираж 15 000 экз. Изд. № 3293. Зак. № 2790.
Цена 51 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Армянский пер., 2
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16.

Цена 51 коп.